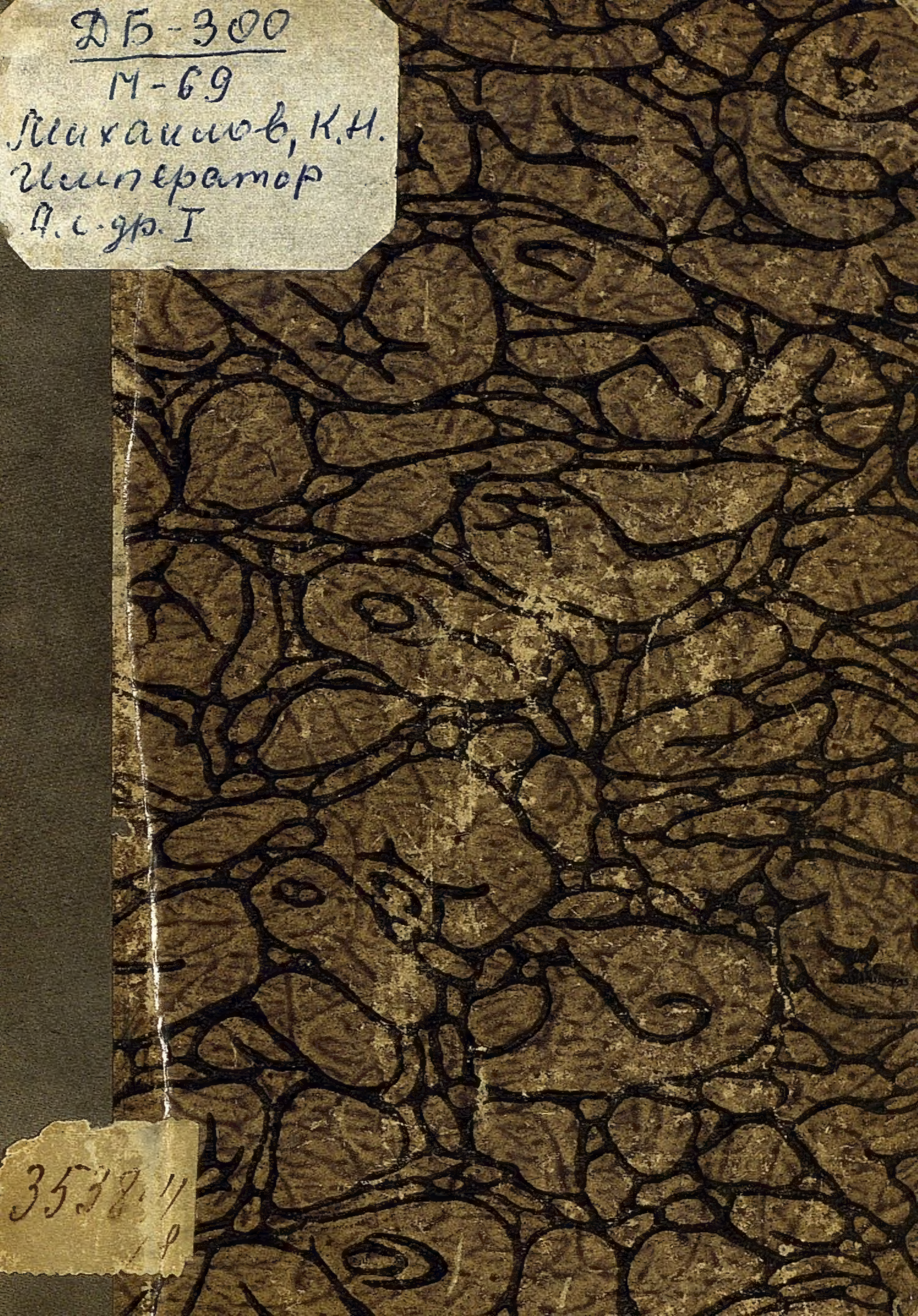

ДБ-300
М-69
Михаилов, К.Н.
Император
Ал-др. I
3538.4/19

К. Н. МИХАЙЛОВЪ.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I. СТАРЕЦЪ ѲЕОДОРЪ КОЗЬМИЧЪ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ.

Съ иллюстраціями.

КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ".
Н. Н. МИХАЙЛОВА.

1914.

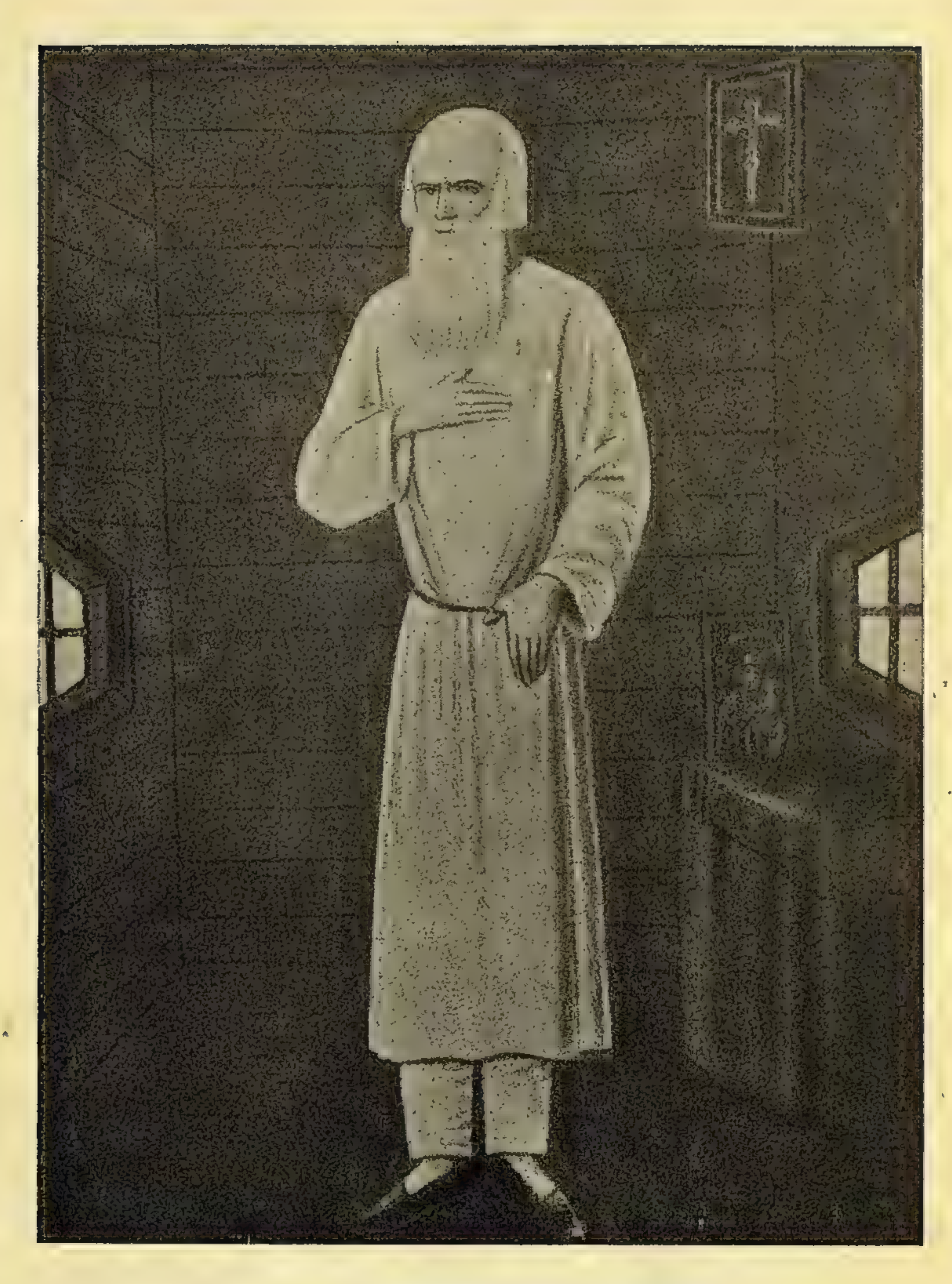
Типографія Спб. Т-ва Печ. и Изд. дѣла «ТРУДЪ». Кавалергард, 40.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Императоръ АЛЕКСАНДРЪ I.

Старецъ ѲЕОДОРЪ КОЗЬМИЧЪ.

Старецъ Өеодоръ Козьмичъ и легенда о немъ тревожили мое воображеніе цѣлый рядъ лѣтъ.

Однажды, въ 1898 году, гимназистомъ, я блуждалъ по букинистамъ Литейнаго пр. и Владимірской улицы, и свелъ съ ними довольно близкое знакомство. Въ одинъ изъ магазиновъ, бывшихъ на углу Владимірскаго проспекта и Стремянной улицы, вошелъ степенный старичекъ, крестьянскаго типа, въ длинномъ, московскаго покроя, сюртукѣ, и предложилъ купить у него свѣжую брошюру о старцѣ Өеодорѣ Козьмичѣ.

Букинистъ очень нерѣшительно перелисталъ ее. Особаго желанія покупать не было, такъ какъ онъ не зналъ, кто такой Өеодоръ Козьмичъ. Я ему объяснилъ. Тогда онъ взялъ за наличныя 5 экземпляровъ, да я взялъ для себя два экземпляра.

Старикъ удалился и заходилъ ко всѣмъ букинистамъ по-очередно. Черезъ 2 дня мой знакомый букинистъ взялъ еще десятокъ. Брошюра пошла чрезвычайно ходко.

О Өеодорѣ Козьмичѣ заговорили. Печать была очень робка. Были живы Плеве, Побѣдоносцевъ и всѣ тѣ, кто дѣлалъ живую, активную политику. Однако, появились сообщенія. Легенда воскресла и облеклась въ живое тѣло. Вслѣдъ за этимъ, недѣли черезъ двѣ, брошюру о Өеодорѣ Козьмичѣ спѣшно конфисковали во всѣхъ магазинахъ Петербурга. Усердствовалъ, какъ говорили, К. П. Побѣдоносцевъ.

Я впиталъ въ себя всѣ детали этой таинственной легенды. Въ мистическомъ страхѣ я, одинокій, заброшенный и никому ненужный, въ каменномъ и страшномъ Петербургѣ, шелъ въ церковь Петропавловской крѣпости и, стоя надъ могилой Александра I, взоромъ хотѣлъ проникнуть черезъ громаду надгробной плиты, черезъ вѣчный и страшный мракъ подземелья, въ тайну того, что сейчасъ лежитъ въ этой могилѣ.

Мнѣ всегда почему-то жутко бываетъ въ Петропавловской церкви. Отовсюду тѣни... Онѣ будятъ и дразнятъ воображеніе... Громадныя, скрипучія двери собора, высокія и широкія, давятъ душу и человѣка. Въ церкви большія надгробныя плиты, лампады и вѣнки. Высокія и узкія колонны... узкая середина собора сдавливаетъ воображеніе.

Прошло много лѣтъ... Наступили годы студенчества... Сладкіе, добрые годы труда и умственныхъ наслажденій... Я собиралъ литературу объ Александрѣ I и о Ѳеодорѣ Козьмичѣ. Много читалъ и хотѣлъ пронести черезъ душу таинственный образъ государя, хотѣлъ его понять.

За эти годы я попрежнему часто приходилъ въ таинственный и хмурый соборъ Петропавловской крѣпости, часто въ глубокой задумчивости спрашивалъ, кто-же схороненъ подъ надгробной плитой. Въ таинственномъ трепетѣ я призывалъ къ себѣ тѣнь имп. Александра I.

Но я былъ одинокъ, какъ и въ былые годы. Мнѣ и моей душѣ никто не отвѣчалъ. Однако, мнѣ часто становилось тамъ жутко.

Многимъ кажется, что писательство—легкое дѣло; многіе не знаютъ, какъ велика бываетъ мука слова и какъ трудно вынашиваніе истины. Многогранныя переживанія, чувства, настроенія и соображенія смѣшиваются въ калейдоскопъ смутныхъ образовъ и затемняютъ всю душу и

сложный клубокъ событій... Вынашиваніе истины—сложный и тяжелый процессъ.

Моему воображенію всегда представлялось глубоко психологическимъ сочетаніемъ то обстоятельство, что старецъ Өеодоръ Козьмичъ за 5 лѣтъ своего пребыванія въ Томскѣ жилъ, можно сказать, бокъ-о бокъ съ такими сосланными въ Сибирь людьми, какъ знаменитый впослѣдствіи республиканецъ Бакунинъ, какъ Ананьинъ, Кузнецовъ, Потанинъ и др., но никто изъ нихъ даже не зналъ о существованіи Өеодора Козьмича, настолько онъ держался тихо и смиренно. Михаилъ Бакунинъ былъ болѣе замѣтнымъ и важнымъ лицомъ въ Томскѣ, чѣмъ благочестивый старецъ, не желавшій выдвигаться впередъ. Культъ Өеодора Козьмича создался не при его жизни, а послѣ его смерти.

Между тѣмъ, слухи о томъ, что Өеодоръ Козьмичъ никто иной, какъ Александръ I, держались упорно и въ Томскій періодъ его жизни. Объ этомъ зналъ и самъ старецъ Өеодоръ Козьмичъ.

Ввиду этого, мнѣ нужны были детали, будничныя мелочи жизни Александра I, его разговоры, его мечтанія, его грезы о жизни. Мнѣ нужно было уловить тонъ его рѣчи, самую музыку его голоса. Мнѣ нужно было ясно и отчетливо представлять себѣ его фигуру, движенія его рукъ и головы, его походку... Мнѣ нуженъ былъ Александръ I въ его ежедневной, будничной обстановкѣ, а не въ блескѣ, не въ торжествѣ конгрессовъ, гдѣ онъ былъ другимъ и чужимъ для самого себя человѣкомъ, не на торжественныхъ пріемахъ или на балахъ.

У меня шелъ процессъ собиранія фактовъ о личности Александра I долгіе годы, по крупинкамъ. Съ годами образъ вырисовывался.

Въ 1902 году въ кружкѣ извѣстнаго библіофила и

«скупщика стараго хлама», какъ говорили о немъ, нынѣ покойнаго Павла Яковлевича Дашкова, я часто встрѣчалъ покойнаго Н. К. Шильдера, автора «Александра I».

Однажды, этотъ чисто-выбритый, изящный генералъ, Директоръ Публичной Библіотеки, задумчиво сидѣлъ за обѣденнымъ столомъ у Павла Яковлевича и, тихо выпуская дымъ изъ пахучей сигары, сказалъ:

— Странно, до чего меня безпокоитъ Θеодоръ Козьмичъ. Онъ поддразниваетъ меня. Вчера онъ явился ко мнѣ во снѣ и говоритъ:—«Подумай, я, вѣдь, Александръ, но я счастливъ, что былъ Θеодоромъ Козьмичемъ».

При послѣднихъ словахъ Н. К. Шильдеръ погрузился въ мечтанія, попыхивая своей сигарой:

— А вы, Николай Карловичъ, вѣрите сами, что вашъ сонъ могъ быть правдой?—спросилъ кто-то изъ присутствующихъ.

— Да, все-то дѣло въ томъ, что мнѣ кажется это правдой.

— То-есть, Θеодоръ Козьмичъ и Александръ I одно и то же лицо?

— Да! — также мистически-проникновенно и мечтательно сказалъ Николай Карловичъ [1]).

Всѣ набросились на него. Въ моихъ мемуарахъ сказано, что на этомъ завтракѣ были великій князь Николай Михаиловичъ, С. А. Панчулидзевъ, Е. С. Шумигорскій, Божеряновъ и др. Я былъ юный студентъ и долженъ былъ только слушать старшихъ, уже извѣстныхъ писателей. Однако, слова Н. К. Шильдера остались въ моей душѣ навсегда. Спорили долго. Каждый приводилъ свои аргументы, но Николай Карловичъ мечтательно и немного

---

[1]) Есть и другой разсказъ Н. К. Шильдера о томъ, что Θеодоръ Козьмичъ излечилъ его отъ жестокой мигрени.

разсѣянно слушалъ возраженія. Кой-когда бросалъ реплики. О чемъ было спорить и какъ возражать? Вѣдь, въ рукахъ нѣтъ документовъ. Все—догадки, интуиція, личный взглядъ. Ясно было, что Н. К. Шильдеръ вѣрилъ въ легенду, вѣрилъ въ ея правду, потому что онъ зналъ, любилъ и понималъ сложную духовно личность Александра I, онъ вполнѣ искренно допускалъ мысль, что Александръ I могъ уйти отъ власти такимъ необычайнымъ путемъ во имя религіознаго подвига.

Я запомнилъ блескъ глазъ знаменитаго историка, его вдохновенный жестъ и твердое, категорическое вѣрованіе. Онъ весь былъ наполненъ идеей тождества Александра I и старца Θеодора Козьмича.

Прошли еще года.

Н. К. Шильдеръ умеръ. Я вступилъ въ переписку съ однимъ чрезвычайно высокопоставленнымъ лицомъ на тему о Θеодорѣ Козьмичѣ и объ Александрѣ I. Литературу вопроса я зналъ уже во всѣхъ подробностяхъ и хорошо.

Мой корреспондентъ спорилъ противъ тождества Александра I и Θеодора Козьмича. Я возражалъ. Вскорѣ выяснились будущія позиціи. Я твердо вѣрилъ въ интуицію Н. К. Шильдера и достаточно уяснилъ себѣ личность Александра I. Мнѣ было жаль этого «коронованнаго Гамлета», какъ сказалъ о немъ А. И. Герценъ... Я видѣлъ черезъ потокъ историческихъ событій, центромъ которыхъ онъ былъ въ первой четверти XIX вѣка, драму одинокаго въ мірѣ человѣка, носителя самой высшей въ мірѣ власти и несчастливаго честолюбца, борящагося съ постоянными угрызеніями совѣсти. Александръ I—парадовъ, обѣдовъ, конгрессовъ, войнъ и внѣшняго представительства, это—одинъ человѣкъ, а вѣчно задумывающійся надъ чѣмъ то, меланхоличный, замкнутый въ себя, иногда неприступ-

ный Александръ, — это другой человѣкъ. Отсюда двойственность душевной жизни, двуличность характера и необъяснимая странность внѣшняго поведенія и отношеній къ людямъ.

Мой корреспондентъ не хотѣлъ усвоить себѣ и понять души Александра I, не хотѣлъ полюбить его цѣликомъ, со всѣми недостатками, не захотѣлъ пожалѣть его, какъ человѣка, какъ Гамлета на русскомъ тронѣ, и извинять тамъ, гдѣ сказываются недостатки, вообще свойственные человѣку.

Впослѣдствіи онъ выпустилъ о немъ брошюру, гдѣ отстаивалъ взглядъ объ отсутствіи этого тождества. Темпераментность и страстность въ изложеніи затемнили автору глубины истерзанной страданіями души Александра I. Въ погонѣ за отстаиваніемъ своей исторической гипотезы онъ потерялъ изъ виду душу Александра I.

За послѣднее время я бесѣдовалъ на эту тему со многими томскими людьми. Всякаго, кто уѣзжалъ въ Томскъ и предполагалъ тамъ жить, я просилъ поискать какихъ-нибудь новостей о Ѳеодорѣ Козьмичѣ. Не разъ я бесѣдовалъ и съ Н. А. Лашковымъ, котораго посылалъ великій князь Николай Михаиловичъ на свои средства въ Томскъ и другія мѣста для собиранія свѣдѣній о старцѣ Ѳеодорѣ. Н. А. Лашковъ сообщилъ мнѣ чисто-внѣшніе факты, и, чуждый вопросовъ общей исторіи, особенно Александровской эпохи, методовъ исторической науки и изслѣдованія психологіи историческихъ явленій, не могъ установить мнѣ тѣсной прагматической связи или розни между Александромъ I и Ѳеодоромъ Козьмичемъ. Человѣкъ, вѣроятно, вполнѣ почтенный и достойный уваженія, онъ могъ составить докладъ по порученію великаго князя только о внѣшнихъ событіяхъ жизни

Ѳеодора Козьмича, не углубляясь внутрь, въ психологію жизни Александра I.

Наконецъ, появляется работа кн. В. В. Барятинскаго въ издательствѣ «Прометей». Книга интересная, сочная, полная тонкаго и остроумнаго анализа. Кн. В. В. Барятинскій предвосхитилъ многія мои позиціи, но предмета далеко еще не исчерпалъ. Н. А. Лашковъ мнѣ говорилъ, что великій князь отдалъ въ распоряженіе кн. В. В. Барятинскаго его докладъ о Ѳеодорѣ Козьмичѣ, которымъ онъ широко и воспользовался.

Затѣмъ появилась посмертная брошюра Л. Н. Толстого о Ѳеодорѣ Козьмичѣ, котораго также инспирировалъ великій князь, давая ему свои матеріалы. Л. Н. Толстой былъ очарованъ таинственной легендой и повѣрилъ ей, но затѣмъ его разубѣдили,—и онъ разочаровался, но это было въ ту пору его жизни, когда великій человѣкъ былъ на краю могилы и когда его можно было разубѣдить.

Я расширилъ и углубилъ анализъ о тождествѣ Александра I и Ѳеодора Козьмича. Я пришелъ къ своей вѣрѣ долгимъ, длительнымъ путемъ, черезъ цѣлый рядъ сомнѣній и разочарованій. Теперь для моей души все ясно.

Тутъ я пользуюсь случаемъ принести свою благодарность всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя оказали мнѣ свою помощь и давали мнѣ полезныя указанія—моему высокопоставленному корреспонденту, Н. А. Лашкову и др., а также Антонинѣ Яковлевнѣ Стуколкиной, которая сумѣла въ послѣдніе мѣсяцы моей работы собрать и сплотить разрозненные листы моего изслѣдованія.

К. Н. М—овъ.

Общія замѣчанія.

I.

Старцу Ѳеодору Козьмичу посчастливилось: о немъ говорятъ и не перестаютъ говорить больше 50 лѣтъ.

О немъ говорили и въ ту пору, когда, вообще-то, русскому человѣку воспрещалось думать и говорить, когда всякое говореніе было изъ-подъ полу, съ оглядкой на сторону, съ опаской, что добрый царскій доѣзжачій перехватитъ вольное слово...

Репутація Ѳеодора Козьмича — двоякая: а) человѣкъ святой жизни, праведникъ, старецъ, умудренный житейскимъ опытомъ, и даже исцѣлитель; такъ разсказываютъ о немъ его самые горячіе поклонники; б) Ѳеодоръ Козьмичъ—царь Александръ I, покинувшій царствованіе, отдавшійся дѣлу личнаго самоусовершенствованія и ушедшій изъ міра сутолоки и тревоги, силы и власти въ низы, въ дно жизни, и въ молитвѣ, постѣ, въ уничиженіи плоти дошедшій до святости.

И первая, и вторая репутація окружаетъ Ѳеодора Козьмича дивнымъ свѣтомъ непогрѣшимости и святости. Нетлѣнный вѣнецъ вокругъ высокаго лба этого старца... Онъ весь въ сіяніи, весь въ лучахъ...

И первая, и вторая репутація симпатичны и не могутъ не тревожить любознательности изслѣдователей русской исторіи. Рѣшить вопросъ о личности Ѳеодора Козьмича

безусловно и разъ навсегда при теперешнемъ состояніи опубликованныхъ о немъ документовъ, конечно, представляетъ собою большія трудности, и мы не беремъ на себя смѣлости сказать по этому вопросу свое послѣднее слово, но на тѣхъ, кто остановилъ на этой личности свою историческую любознательность, я полагаю, лежитъ обязанность сказать свое мнѣніе...

Вѣдь, если бы о Ѳеодорѣ Козьмичѣ были опубликованы правительственные документы и его личность была опредѣлена, то ясно, что тогда не было бы основанія писать о немъ, историческая тема была бы исчерпана. Пишутъ же о немъ потому, что его личность загадочна, а онъ самъ—нерѣшенная историческая проблема.

Намъ припоминается, что еще 10—11 лѣтъ тому назадъ смерть Павла I была окутана таинственностью и мракомъ, о ней говорили шепотомъ и озираясь, а однажды, разсказывали намъ, когда одинъ изъ учениковъ старшаго класса одной изъ лучшихъ въ Петербургѣ гимназій отвѣтилъ на урокѣ одному изъ чуткихъ и толковыхъ преподавателей исторіи, что Павелъ I былъ удушенъ въ своей спальнѣ и что Александръ I зналъ объ этомъ, то его старые, добрые глаза зажглись грозой и негодованіемъ, онъ приподнялся во весь ростъ на кафедрѣ, хлопнувъ изо всей силы по ней и закричалъ:

— Я никогда, никогда ничего подобнаго вамъ не говорилъ... Прошу выбросить глупости изъ головы.

Въ эту пору особенно высоко стоялъ историческій престижъ автора «Имп. Ал. I» Н. К. Шильдера, и всѣ говорили о новой его работѣ по царствованію Павла I, и ученикъ фактъ удушенія Павла I вывелъ не только изъ книги Н. К. Шильдера, но и изъ другихъ источниковъ.

Черезъ годъ тотъ же преподаватель исторіи, встрѣтивъ своего ученика уже студентомъ, сказалъ ему:

— Я не имѣлъ случая побесѣдовать съ вами относительно смерти Павла I послѣ вашего отвѣта на урокѣ. Теперь я хочу извиниться передъ вами,—хоть этого вамъ и не нужно,—за то, что я тогда накричалъ на васъ. Вы правы: Павла I удушили, но въ гимназіи объ этомъ запрещено говорить, и у меня могли быть непріятности изъ-за этого. Наединѣ мы можемъ объ этомъ побесѣдовать, я даже буду радъ. Такая благодарная тема...

И они долго бесѣдовали.

Если-бы Ѳеодоръ Козьмичъ былъ только святой, то какъ бы ни было блестяще его имя въ сферѣ личной непогрѣшимости, какъ бы онъ ни свѣтилъ своимъ именемъ цѣлымъ поколѣніямъ русскаго народа, все-таки, общественнымъ чутьемъ онъ былъ бы угаданъ только, какъ святой, какъ человѣкъ праведной жизни.

Между тѣмъ, дѣло идетъ уже давно не объ одной только святости никому невѣдомаго старца, а говорится о святости императора, ушедшаго изъ міра силы и власти, перемѣнившаго блескъ и почести на власяницу... Тутъ говорятъ о великой драмѣ, о мистическомъ преображеніи человѣка, объ измѣненіи всей психологіи человѣка, о возвышеніи его надъ блестящими мелочами жизни и личныхъ удобствъ.

Это уже гораздо больше, чѣмъ простая святость. Это—подвигъ, это—великое движеніе человѣческой души.

Если кто пожелаетъ перенестись мыслью въ давнія времена, то долженъ будетъ найти аналогію, но только съ внѣшней стороны, конечно, между Ѳеодоромъ Козьмичемъ, если онъ императоръ, и Буддой, тоже повелителемъ. Въ дальнѣйшемъ ихъ аналогія не совпадаетъ, потому что Ѳеодоръ Козьмичъ не измѣнилъ хода исторіи и пониманія вещей въ мірѣ, онъ ничѣмъ не измѣнилъ людскихъ понятій,—и его святость есть личная святость, личный под-

вигъ, а святость Будды есть міровая, всеобщая, всеобъемлющая святость, святость всего живущаго на землѣ. Святость Будды есть міровой подвигъ, измѣнившій ходъ исторіи и пониманіе вещей въ мірѣ.

Предпосылая эти строки, настоящее изслѣдованіе не будетъ даже пытаться окончательно разрѣшить историческую проблему. Всякая историческая проблема разрѣшается только съ твердыми историческими фактами и данными въ рукахъ, чего въ этомъ случаѣ нѣтъ. Его задачей будетъ лишь всестороннее освѣщеніе проблемы на основаніи имѣющихся матеріаловъ и какъ исторической, такъ и психологической коньюнктуры, въ условіяхъ которой въ теченіи долгихъ лѣтъ жилъ и дѣйствовалъ Александръ I, и указаніе возможности того, что Александръ I могъ покинуть бремя власти и уйти изъ міра соблазна. Наконецъ, оно постарается создать увѣренность, что старецъ Ѳеодоръ Козьмичъ и Александръ I — одни и тѣ же лица.

Развертываніе исторической и психологической коньюнктуры и уясненіе себѣ коллизіи дадутъ, мы вѣримъ, возможность съ наибольшимъ вѣроятіемъ приподнять завѣсу надъ этой проблемой и съ твердымъ сердцемъ установить для себя и въ интересахъ исторической справедливости, былъ ли Ѳеодоръ Козьмичъ царь Александръ I...

II.

20 января 1864 г. на заимкѣ купца Хромова близъ Томска скончался весьма чтимый не только въ округѣ города, но и повсемѣстно въ Сибири старецъ Ѳеодоръ Козьмичъ. Старцу было лѣтъ 90.

Высокаго роста, стройный, почти худой, въ армякѣ, перевитомъ бичевкою, онъ имѣлъ бѣлую, какъ лунь, окладистую, не густую бороду, небольшой, въ высшей сте-

пени красивый, хотя и чувственный ротъ, также покрытый на верхней губѣ сѣдыми усами, красивые глаза, надъ которыми возвышался большой высокій лобъ. Вся верхняя часть лица не гармонировала съ нижней, была чрезвычайно породистой и поразительно напоминала собою имп. Александра I.

Движенія его были методичны и напоминали собою монашескую выправку: обычной его манерой была смиренно приложенная ко груди правая рука съ заложеннымъ за бичевку большимъ пальцемъ лѣвой руки.

Томскій купецъ Семенъ Ѳеофановичъ Хромовъ пригласилъ старца Ѳеодора Козьмича къ себѣ на жительство въ 1859 г., а, вообще, въ Сибири о немъ стало извѣстно съ 1837 г.

До 1859 г. онъ жилъ въ разныхъ мѣстахъ: въ селѣ Красная Рѣчка, въ селѣ Зерцалахъ, въ селѣ Бѣлый Боръ, въ селѣ Коробейниковѣ и въ другихъ мѣстахъ, а послѣдняя его стоянка была въ 4-хъ верстахъ отъ Томска на Хромовской заимкѣ.

Жилъ онъ въ келіяхъ, отшельникомъ, молился, былъ тихъ и мудръ; къ нему приходили люди со всѣхъ сторонъ, просили совѣтовъ, молитвъ, утѣшенія... Онъ охотно шелъ на помощь населенію.

Въ его келіи была деревянная кровать съ весьма тонкой настилкой, стояла икона Почаевской Божьей Матери въ чудесахъ, а изъ вещей — суконный черный кафтанъ, деревяный посохъ, чулки изъ овечьей шерсти, кожаныя туфли, двѣ пары рукавицъ изъ черной замши и черный шерстяной поясъ съ желѣзной пряжкой, стояли столъ и стулъ; на столѣ чернильница, перо, бумага, 2—3 религіозныя книги.

Вотъ все убранство келіи.

Когда Ѳеодоръ Козьмичъ поселился близъ Томска, къ

Когда Өеодоръ Козьмичъ поселился близъ Томска, къ нему стали пріѣзжать высокопоставленныя лица и какіе-то курьеры изъ Петербурга, не останавливавшіеся въ городѣ, духовныя особы, путешественники и даже мѣстные архіереи. Говорятъ, каждый новый губернаторъ считалъ для себя долгомъ явиться къ Өеодору Козьмичу. Объ оффиціальности не могло быть и рѣчи, но посѣщеніе какъ бы вмѣнялось въ обязанность.

Личность Өеодора Козьмича была тщательно скрыта. Никто не зналъ, кто онъ. Было трудно даже предположить, какого онъ происхожденія, изъ какого слоя общества, какого склада и образа мыслей и образованія. Онъ былъ чрезвычайно скрытенъ, остороженъ и осмотрителенъ въ словахъ. Онъ былъ типичный конспираторъ противъ самого себя и общества.

Всѣхъ, посѣщавшихъ его, особливо, изъ высокопоставленныхъ особъ — архіереевъ, губернаторовъ, случайныхъ лицъ, онъ принималъ и удовлетворялъ въ одинокой душевной бесѣдѣ въ келіи.

Никто изъ посѣтителей не открывалъ никому содержанія тайныхъ бесѣдъ; иногда старецъ собиралъ вокругъ себя болѣе или менѣе многочисленное общество—Божьихъ набожныхъ старушекъ, проходящихъ людей и бывшихъ случайно въ эту пору посѣтителей, и бесѣдовалъ со всѣми ими въ громкой бесѣдѣ, какъ бы на общей исповѣди.

На лицѣ Өеодора Козьмича была вѣчная, неподвижная маска святости, мускулы лица не измѣнялись почти никогда и были всегда спокойны, не реагируя ни на одно душевное движеніе, голосъ тихъ и святоподобенъ — голосъ мудрости и вѣчной тишины. Лицо и голосъ были покрыты неразрываемой, полупрозрачной дымкой тайны.

Архіереи и губернаторы, какъ должностныя лица, посѣщали Өеодора Козьмича не разъ, чаще всего за-просто,

но не всѣ могли знать, кто Ѳеодоръ Козьмичъ. Одинъ только престарѣлый томскій архіерей, Амвросій, какъ говорятъ, точно зналъ, кто былъ Ѳеодоръ Козьмичъ, знали двое его духовниковъ, но тѣ какъ-будто бы были связаны тайной молчанія и ни одного слова прямо не сказали,—даже своимъ близкимъ — кто былъ Ѳеодоръ Козьмичъ.

Выходя изъ келіи старца, они забывали объ его происхожденія, они, наконецъ, должны были забыть, кто онъ.

Я вполнѣ допускаю, что архіерей и духовники, въ силу обоюдной клятвы съ ихъ стороны и со стороны Ѳеодора Козьмича,—обѣщали хранить тайну. Сохраненіе тайны, довѣренной не только на исповѣди, но и въ частной бесѣдѣ, необходимо беречь и хранить внѣ всякихъ соображеній о цѣлесообразности, а, тѣмъ болѣе, тайны профессіональной. Умѣть хранить тайну, довѣренную тайну,—свойство великой и хорошо, честно организованной души.

Ѳеодоръ Козьмичъ былъ большой психологъ и наблюдатель. Говорятъ, иногда онъ молча, безконечно долго вглядывался въ посѣтителей и еле-еле двигалъ губами, точно шамкая или что-то приговаривая. Потомъ отъ него отворачивался и ни слова не молвилъ. Къ другимъ онъ располагался радостно, благожелательно, открыто и былъ съ ними ласковъ. Такъ, онъ любилъ трехъ старушекъ на ст. Красная, любилъ Хромовыхъ, особливо Анну Семеновну Оконишникову, старшую дочь Хромова, которой въ день смерти Ѳеодора Козьмича было около 30 лѣтъ, но его расположеніе не шло дальше вниманія и ласки, даже физической ласки—потреплетъ слегка рукой по щекѣ,—и только, но и это уже считалось величайшей честью.

Выбирая себѣ духовника, либо довѣренное лицо, которому онъ могъ если не открыть, то полуоткрыть тайну

своего существованія, онъ былъ психологически твердо убѣжденъ въ душевной крѣпости даннаго лица и сохраненія имъ тайны. Вѣдь, на исповѣди у духовника, если онъ былъ человѣкъ честной, праведной жизни, не могъ же онъ скрыть, что онъ за человѣкъ и какіе у него грѣхи, хотя возможно, что, по принятой имъ на себя схимѣ, въ силу послушанія онъ могъ быть разрѣшенъ отъ этой тайны.

Потому-то въ семьяхъ его духовниковъ и среди приближенныхъ лицъ престарѣлаго томскаго епископа циркулировали опредѣленные слухи, хотя и не утвержденія, что старецъ Ѳеодоръ Козьмичъ никто иной, какъ имп. Александръ I.

Въ этихъ семьяхъ никто въ этомъ и не сомнѣвался, не сомнѣвались и не сомнѣваются донынѣ многіе томичи и другіе обитатели обширной Сибири.

Послѣ епископа Амвросія остались, говорятъ, какія-то записки о Ѳеодорѣ Козьмичѣ, но онѣ, по одной версіи, были проданы недальновидными родственниками епископа въ числѣ небольшого количества его вещей, а, по другой,—К. П. Побѣдоносцевъ ихъ конфисковалъ, долгое время держалъ у себя и впослѣдствіи представилъ имп. Александру III.

Затѣмъ, одинъ изъ приближенныхъ лицъ къ епископу томскому былъ переведенъ въ Псковскій монастырь, и у него находились документы, касающіеся Ѳеодора Козьмича въ чрезвычайно большомъ количествѣ, и вполнѣ проливавшіе свѣтъ на его личность, но и эти документы исчезли.

Ѳеодоръ Козьмичъ говорилъ и писалъ, но, все-таки, онъ и писалъ, и говорилъ достаточно, чтобы можно было сдѣлать изъ его словъ какіе-либо выводы. Онъ иногда говорилъ довольно странныя вещи, правда, обинякам, экивоками, но, вѣдь, разные бываютъ обиняки. Поймешь ихъ,

да и испугаешься, что понялъ, замолчишь и призадумаешься.

Иногда же съ Ѳеодоромъ Козьмичемъ происходило и другое: вдругъ онъ забывалъ свои механически-размѣренныя движенія тѣла, рукъ, губъ, глазъ и всего лица, онъ дѣлалъ величественное движеніе рукой, станъ выпрямлялся гордо и онъ дѣлался такимъ высокимъ и большимъ. Два-три величественныхъ движенія, — одинъ только моментъ,—но вся его былая личность сказывалась, и вдругъ онъ спохватывался, глаза опускались внизъ смиренномудренно, долу, грудь понижалась, а руки набожно складывались на груди, или брались за бичевку, обвивавшую его станъ. Иной разъ онъ выходилъ въ поле, когда онъ былъ увѣренъ, что никто его не видитъ, и произносилъ слова, точно командовалъ войсками, сухопутными войсками. Если Ѳеодоръ Козьмичъ обмолвится, бывало, о какомъ-либо родѣ оружія, то таковымъ былъ родъ оружія сухопутныхъ войскъ, а о морскихъ онъ никогда не говорилъ. Ихъ не особенно хорошо зналъ и Александръ I.

Весьма скупые обиняки и экивоки Ѳеодора Козьмича, все-таки, весьма содержательны и даютъ возможность дѣлать опредѣленные выводы объ его личности. Какъ ни сдерживался Ѳеодоръ Козьмичъ, а иногда однимъ штришкомъ, какъ лучемъ свѣта, освѣщалъ затемненныя дебри его тайны, глубоко скрытой и тѣсно прилипшей къ его душѣ.

Ѳеодоръ Козьмичъ имѣлъ сношенія и съ Петербургомъ. Такъ, онъ былъ въ дѣятельной перепискѣ съ графомъ Дм. Ерофеичемъ Остенъ-Сакеномъ. Гр. Дм. Ероф. Остенъ-Сакенъ былъ человѣкъ религіозно-настроенный, мистикъ, а потому, говорятъ противники легенды о Ѳеодорѣ Козьмичѣ, его къ себѣ влекла святость Ѳеодора Козь-

мича. Вотъ, гдѣ причина ихъ дѣятельной переписки. Однако, тутъ кроется чистое недоразумѣніе—влеченіе къ святости дѣло хорошее, но откуда гр. Дм. Ероф., жившій постоянно въ Петербургѣ и вращавшійся въ высшихъ придворныхъ кругахъ, могъ узнать о святости Θеодора Козьмича. Тогдашняя печать чрезвычайно скудно освѣщала общественную и бытовую жизнь Россіи и была подъ всегдашнимъ неусыпнымъ наблюденіемъ Николая I и его фактотума гр. Бенкендорфа. Слѣдовательно, свѣдѣній о Θеодорѣ Козьмичѣ въ печать не проникало. Отсюда выводъ: либо гр. Дм. Ероф. зналъ Θеодора Козьмича до того, какъ онъ пошелъ въ старцы, либо о немъ онъ получилъ отъ кого-нибудь изъ сибиряковъ извѣстныя свѣдѣнія. Если же принять во вниманіе, что до 1859 г. Θеодоръ Козьмичъ часто мѣнялъ свое мѣстопребываніе и адресъ его никому точно не былъ извѣстенъ,—разъ онъ самъ его не сообщалъ, то ясно, что-либо гр. Дм. Ероф. знавалъ Θеодора Козьмича раньше его святости, въ быломъ блескѣ, роскоши и въ славѣ, либо имѣлъ съ нимъ сношенія только съ 1859 г., когда онъ окончательно поселился на заимкѣ Хромова. При томъ должно твердо помнить, что не только въ эпоху имп. Николая I и Александра II, но даже въ ближайшую къ намъ эпоху,—до проведенія Сибирской жел. дор., все Зауралье, а особливо такіе отдаленные пункты, какъ Томскъ, Ачинскъ, Красноярскъ, почти въ предверіи таинственнаго Байкала, были для центральной Россіи terra incognita, куда, по народной поговоркѣ, только черезъ 3 года доскачешь.

Слѣдовательно, въ самой исторіи сношеній и переписки гр. Дм. Ероф. Остенъ-Сакена со старцемъ Θеодоромъ Козьмичемъ много таинственности и неясности, а, можетъ быть, просто и ключъ къ личности загадочнаго старца. Можно смѣло утверждать, что гр. Дм. Ероф. Остенъ-Са-

кенъ, человѣкъ придворный, весьма вліятельный и знатный, знавалъ Θеодора Козьмича до ухода изъ міра, и если не постоянно, то регулярно былъ освѣдомляемъ, гдѣ онъ находится въ каждый данный моментъ, и не только послѣ 1837 г., когда онъ появился въ Сибири, но и до 1837 г.

Есть возможность предположить, что гр. Дм. Ероф. Остенъ-Сакенъ вращался въ Петербургѣ въ тѣхъ спиритуалистическихъ кругахъ, гдѣ мистика и тайное масонство играли главную роль. Гр. Дм. Ероф. Остенъ-Сакенъ извѣстенъ, какъ религіозный мистикъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, что къ тѣмъ же кружкамъ примыкало то лицо, которое впослѣдствіи стало извѣстно подъ именемъ Θеодора Козьмича.

Гр. Дм. Ероф. Остенъ-Сакенъ умеръ въ мартѣ 1881 г., глубокимъ старикомъ; онъ велъ дневникъ съ 1822 г. до 1881 г., но въ немъ ни въ одномъ мѣстѣ, какъ говорятъ, не упоминалось о Θеодорѣ Козьмичѣ. Однако, его родственники заявляютъ категорически, что гр. Дм. Ерофеевичъ находился въ личныхъ, весьма близкихъ, сношеніяхъ со старцемъ Θеодоромъ Козьмичемъ, часто получая отъ него письма и отвѣчая ему.

Эту переписку гр. Дм. Ероф. Остенъ-Сакенъ хранилъ въ особой шкатулкѣ, куда складывались особо секретныя бумаги и письма. Послѣ его смерти эти бумаги и письма исчезли, никто изъ родственниковъ не можетъ установить, кѣмъ они похищены и куда дѣлись, а шкатулка осталась цѣлой и невредимой.

III.

Къ исторіи источниковъ о Θеодорѣ Козьмичѣ нужно добавить еще одно: 18 іюля 1901 г., одинъ мой чрезвычайно высокопоставленный корреспондентъ, весьма компетентный въ историческихъ вопросахъ эпохи имп. Але-

ксандра I, писалъ мнѣ изъ своего имѣнія, что онъ не знаетъ, по какимъ соображеніямъ, но К. П. Побѣдоносцевъ всячески старается затемнить вопросъ о Ѳеодорѣ Козьмичѣ, хотя явно очень имъ интересуется. Съ этой цѣлью онъ «похитилъ» изъ архива бывшаго III отдѣленія всѣ документы, которые относились къ Ѳеодору Козьмичу, и куда-то ихъ скрылъ. Объ этомъ моему корреспонденту сообщилъ одинъ изъ бывшихъ директоровъ Д-та Полиціи. Послѣдній источникъ, повидимому, вполнѣ благонадежный.

Впослѣдствіи, года черезъ 3, когда вышла изъ печати моя книга о московскихъ древностяхъ, я, неожиданно для себя, получилъ приглашеніе отъ «коренного москвича»— К. П. Побѣдоносцева, котораго дотолѣ никогда не зналъ и нигдѣ не встрѣчалъ, заѣхать къ нему для бесѣдъ по поводу книги.

По московскимъ древностямъ К. П. Побѣдоносцевъ далъ мнѣ превосходныя указанія, которыми я и воспользовался. Видимо, ему нравилась моя книга, мои научно-объективные экскурсы въ область археологіи, исторіи, а также психологіи дѣятелей Москвы XIV—XVIII ст., но ему не понравился замѣченный имъ какой-то «вольный духъ» въ характеристикахъ нѣкоторыхъ историческихъ дѣятелей того времени.

Въ одно изъ послѣдующихъ посѣщеній, я, памятуя слова моего высокопоставленнаго корреспондента, какъ-то нечаянно спросилъ Побѣдоносцева, когда онъ обсуждалъ эпоху Павла по сравненію съ эпохой Іоанна Грознаго и началъ говорить объ Александрѣ I, спросилъ совершенно неожиданно для себя, прямо механически:

— Что вы думаете о Ѳедорѣ Козьмичѣ?

Онъ весь встрепенулся.

— Но что думаете о немъ вы, молодой человѣкъ?!..—

спросилъ онъ, весь уперся въ меня, такой костлявый, съ большими ушами и въ черныхъ большихъ очкахъ, уперся и... застылъ во мнѣ.

Мнѣ стало жутко.

— Я не имѣю о немъ своего мнѣнія,—отвѣтилъ я, — но слышалъ, что документы о Ѳеодорѣ Козьмичѣ расхищены... Узнать документально, кто онъ, теперь будетъ трудновато.

— Расхищены... расхищены...—съ какой-то нотой раздраженія и злобы сказалъ К. П. Побѣдоносцевъ.

— Но онъ былъ Александръ I? — вдругъ сдѣлался я храбрымъ...—Александръ I?

— Я этого не могу... сказать!—и послѣднее слово онъ сказалъ очень, очень тихо, точно нехотя... точно оно застряло у него.

— Но отрицать, можете ли вы это отрицать безповоротно, категорически?.. настаивалъ я.

— Отрицать... не знаю... надо точнѣе изучить эпоху, нравы, событія... можетъ быть... есть какія-нибудь противорѣчія... неясности... недоговоренности. Впрочемъ, бросьте заниматься этимъ вопросомъ,—сказалъ онъ уже съ видимымъ раздраженіемъ.—Лучше вглядывайтесь пристально въ московскія историческія и юридическія древности, тамъ больше матеріаловъ для вашей эрудиціи и пытливости.

— Но Александръ I тоже древность для насъ?..—настаивалъ я.

— Да,—сказалъ онъ, поднявшись во весь свой ростъ и строго глядя мнѣ въ глаза,—древность, но ею заниматься еще рано. Время не приспѣло... Придетъ время... Тогда все будетъ ясно... Впрочемъ, прощайте.

Нашъ разговоръ происходилъ въ Маломъ Царскосельскомъ дворцѣ лѣтомъ, гдѣ онъ жилъ на дачѣ. Я откланялся. Самый тонъ разговора и рѣчи К. П. Побѣдоносцева застрялъ въ моемъ сознаніи и до сихъ поръ властно тревожитъ меня. Этотъ разговоръ не оставилъ въ моей душѣ сомнѣній, кто былъ Θеодоръ Козьмичъ, и что его тайну К. П. Побѣдоносцевъ, во всякомъ случаѣ, знаетъ.

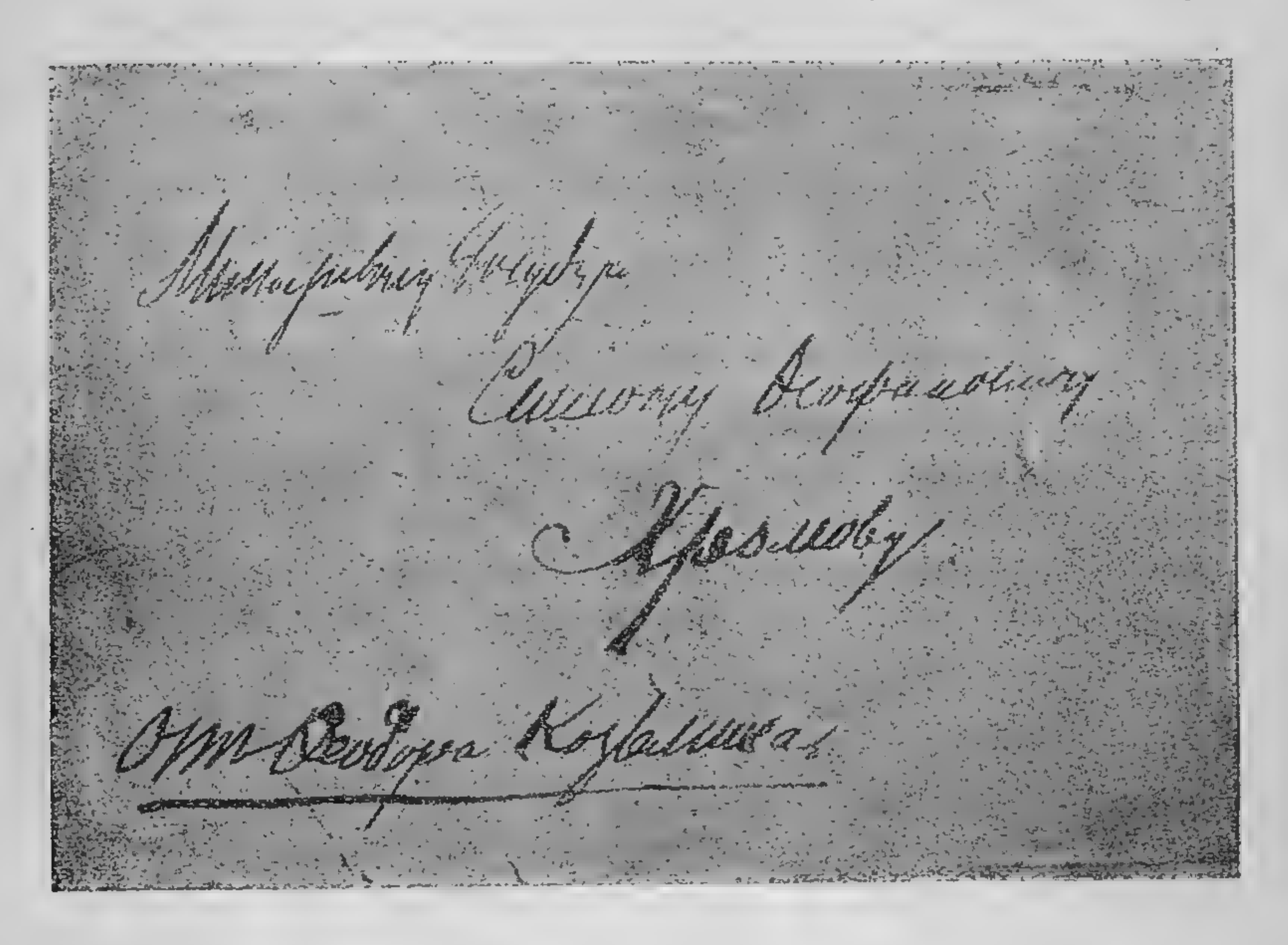
Впослѣдствіи отъ того же чрезвычайно высокопоставленнаго лица я узналъ, что К. П. Побѣдоносцевъ всѣ документы, изъятые изъ III Отдѣленія, пересмотрѣлъ, разсортировалъ и передалъ въ личное обладаніе императору Александру III. Говорятъ, что въ этихъ документахъ имѣется вся подлинная исторія жизни и личности Θеодора Козьмича съ 1835 г. по 1864 г. (годъ смерти его), что К. П. Побѣдоносцевъ также, какъ Аракчеевъ, зналъ, куда дѣлся Александръ I.

Вотъ тайны, которыми окружена легенда о Θеодорѣ Козьмичѣ, тайны, усиливающія предположенія, что старецъ Θеодоръ Козьмичъ не простой старецъ и не просто святой отшельникъ, а среди отшельниковъ и святыхъ, среди этой категоріи смертныхъ—первый, какъ человѣкъ. Эти тайны питаютъ народную фантазію и укрѣпляютъ смутную вѣру, что Александръ I удалился изъ міра суеты и блеска для того, чтобы замолить какой-то свой особенный грѣхъ, что онъ принялъ на себя обѣтъ молчанія и, проводя остатки своихъ дней въ глубокомъ постѣ, бдѣніи и молитвахъ, достигъ извѣстной степени религіознаго очищенія духа отъ грѣха.

Затѣмъ, нельзя не остановиться на почеркѣ Θеодора Козьмича.

Самъ по себѣ, почеркъ Θеодора Козьмича — почеркъ вполнѣ интеллигентнаго, хорошо знакомаго съ грамотой

человѣка, и при ближайшемъ, внимательномъ разсмотрѣнiи нельзя не замѣтить, что Ѳеодоръ Козьмичъ старается его всячески измѣнить. Такъ, на конвертѣ, писанномъ

первыя два слова написаны совершенно инымъ почеркомъ, чѣмъ вторая и даже четвертая строчка, причемъ нельзя не замѣтить, что сжатыя буквы первой строки въ остальныхъ строчкахъ были уже раздвинуты, но не равномѣрно.

Чтобы установить близость почерковъ Ѳеодора Козьмича и Александра I, близость каллиграфическую, то для этого необходимо, во-первыхъ, имѣть подлинныя письма и другiя интимныя бумаги императора Александра I въ достаточномъ количествѣ и въ разные перiоды его жизни и, во-вторыхъ, имѣть писанiя самого Ѳеодора Козьмича.

Однако, если бы это и было добыто въ достаточномъ

количествѣ, то и тогда мы должны были бы возражать противъ каллиграфическаго, если можно такъ сказать, метода разъясненія личности старца Θеодора Козьмича по слѣдующимъ соображеніямъ:

a) почеркъ человѣка измѣняется съ теченіемъ времени,

b) почеркъ человѣка измѣняется подъ вліяніемъ страсти,

c) почеркъ человѣка измѣняется подъ вліяніемъ плана, желанія или какой-нибудь мысли, слѣдовательно, подъ напоромъ воли,

d) почеркъ человѣка измѣняется подъ вліяніемъ не упражненія въ письмѣ въ теченіе болѣе или менѣе долгаго времени.

Хотя почеркъ человѣка и начертаніе имъ буквъ пріобрѣтаютъ въ зрѣломъ возрастѣ твердость и опредѣленность, но и это небезусловно, такъ какъ главными факторами почерка въ зрѣломъ возрастѣ являются:

a) воля и b) какая-нибудь страсть;—воля, если она сознательна, и страсть, если она является душевнымъ свойствомъ человѣка.

Поэтому, если идти въ интересующемъ насъ вопросѣ каллиграфическимъ путемъ, то мы должны будемъ найти: a) достаточный матеріалъ для сравненія и b) помнить, что въ жизни старца Θеодора Козьмича былъ какой-то планъ, опредѣленный лейтъ-мотивъ поведенія и внѣшней дѣятельности, обусловливавшій не только его внѣшніе пріемы и свычаи, но и мышленіе, и волю, слѣдовательно, связавшій всю его психику.

Помимо того, если выходить изъ гипотезы, что Θеодоръ Козьмичъ никто иной, какъ Александръ I, то нужно помнить, что Александръ I скрывался, неизвѣстно гдѣ, съ 1825—по 1837 г., то-есть, въ теченіи 12 лѣтъ, но, повидимому, вдали отъ міра и людей. Должно быть, гото-

вился къ великому послушанію отреченія отъ благъ міра и за этотъ періодъ времени или ничего, или очень мало писалъ, такъ что поневолѣ долженъ былъ отучиться отъ пріобрѣтенныхъ каллиграфическихъ навыковъ и пріемовъ.

Уже то одно, что Ѳеодоръ Козьмичъ объявился не въ центральной Россіи, а въ далекой, малознаемой и изученной Сибири и на наиболѣе удаленномъ ея востокѣ, свидѣтельствуетъ, что борьба съ самимъ собою и съ усвоенными привычками шла большая, упорная и длительная, увѣнчавшаяся, повидимому, опредѣленнымъ моральнымъ результатомъ.

Поэтому, вся суть не въ почеркѣ, не во внѣшнемъ начертаніи знаковъ, а въ непроизвольныхъ, свободныхъ переживаніяхъ Александра I и Ѳеодора Козьмича, въ той психологической конъюнктурѣ, которая могла побудить Александра I совершить смѣлый шагъ отъ короны, отъ внѣшняго блеска къ полному одиночеству и отшельничеству.

Въ виду этого, для нашей задачи весьма важно уяснить, были ли у Александра I мотивы, а если были, то какіе, тяготиться короной и властью, какія душевныя переживанія были ему свойственны съ 1801 по 1825 г. и какова была его связь съ религіозными и мистическими кружками и теченіями его эпохи.

Поэтому, исторія императора Александра I будетъ исторіей его переживаній, чувствованій и настроеній. По методологическимъ соображеніямъ, мы придаемъ исключительное значеніе факту заговора придворной партіи противъ Павла I и участію въ немъ самого Александра I, моменту удушенія Павла I въ спальнѣ въ Инженерномъ замкѣ и факту нахожденія самого Александра I въ нижнемъ этажѣ замка въ то время, когда убивали его отца, крушенію всѣхъ его политическихъ и общественныхъ

идеаловъ, его полному разочарованію въ русскихъ и въ самой Россіи, склонности къ мистицизму и къ религіи, желанію замолить свой грѣхъ.

Въ связь съ этимъ событіемъ нужно поставить постоянное душевное безпокойство Александра I, постоянныя его путешествія, отлучки изъ Россіи, веденіе непрерывныхъ войнъ и пребыванія за границей, точно бы онъ хотѣлъ постоянно быть далеко отъ Петербурга и всѣхъ, связанныхъ съ этимъ городомъ, тяжелыхъ воспоминаній.

IV.

Библіографія.

Теперь мы переходимъ къ обозрѣнію библіографическихъ матеріаловъ, замѣченныхъ нами въ текущей журналистикѣ.

Изъ нихъ слѣдующія работы болѣе или менѣе примѣчательны:

1) Н. К. Шильдеръ.—Александръ I, 1897—1898 г.г.

2) Великій князь Николай Михаиловичъ.—Легенда о кончинѣ императора Александра I въ Сибири въ образѣ Ѳеодора Козьмича. Спб., 1907. (Оттискъ изъ «Ист. Вѣстника»).

3) Василичъ, Г.—Имп. Александръ I и старецъ Ѳеодоръ Козьмичъ. М. 1909 г. Ц. 1 р. 25 к.

4) Кузьминъ.—«Неразгаданная тайна» (о Ѳеодорѣ Козьмичѣ). Газета «Колоколъ», № 1060 за 1909 г.

5) Энгельгардтъ, Николай.—«Мертвъ, но живъ». (Историческое преданіе). Газета «Новое Время» отъ 25-го декабря 1909 г..

6) Записки Моріоля.—«Историческій Вѣстникъ», сент. 1909 г., о пребываніи Александра I въ Таганрогѣ.

7) Мережковскій.—Александръ I.

8) Мережковскій—Аракчеевъ и Фотій. «Рѣчь» отъ 8 марта 1909 г.

9) Кн. В. В. Барятинскій. — «Царственный мистикъ» (Императоръ Александръ I—Өеодоръ Козьмичъ). Кн-во «Прометей» Н. Н. Михайлова. Спб. 1912 г. Ц. 1 р. 25 к.

10) В. Долгорукій. Отшельникъ Александръ (Өеодоръ) въ Сибири. «Русск. Стар.». 1887 г., № 10.

11) — Ссыльно-поселенецъ Өеодоръ Козьмичъ. «Сибирская газета», 1887 г.

12) — «Русская Старина», 1892 г., январь.

13) — «Сибирск. Вѣстникъ», 1891 г., № 98.

14) — Сказаніе о жизни и подвигахъ великаго раба Божія старца Өеодора Козьмича, подвизавшагося въ предѣлахъ Томской губерніи съ 1837 по 1864 г. Спб., 1891. Эта же монографія была выпущена 3-мъ изданіемъ въ Москвѣ, въ 1894 г., (стр. 1—56).

15) — «Русскій Листокъ», 1898 г., №№ 64, 73 и 77, статья Н. Я—ва.

16) — Загадочный старецъ Өеодоръ Козьмичъ. Брошюра 1—23 стр. неизвѣстн. автора. М., 1898 г., изд. Коноваловой.

17) Адріановъ. Таинственный старецъ Өеодоръ Козьмичъ. «Сибирск. Заря», 1908 г., № 118.

18) — Таинственный старецъ Өеодоръ Козьмичъ въ Сибири и Императоръ Александръ Благословенный (легенды и преданія, собранныя въ Томскѣ кружкомъ почитателей старца Өеодора Козьмича). Изд. Д. Г. Романова. Саратовъ. 1908 г., (стр. 1—16).

19) — Городъ Томскъ. Изд. Сибирскаго Т-ва

печатнаго дѣла. 1912 г. Ц. 2 р. (стр. 117—121).

20) Сибирскій старецъ Θеодоръ Козьмичъ (1837—1864 г.г.). Изъ записокъ епископа Петра. Сообщ. М. Θ. Мельницкій. («Русская Старина»—1891 г., т. LXXII, окт., с. 233—240, LXXIII—LXXIV, т. LXXIV, апр., стр. 44).

21) Документы, относящіеся къ послѣднимъ мѣсяцамъ жизни и къ кончинѣ въ Бозѣ почивающаго Государя Императора Александра Павловича, оставшіеся послѣ смерти генералъ-вагенмейстера Главнаго Штаба Афанасія Даниловича Соломко, состоявшаго при особѣ Государя безотлучно 11 лѣтъ—съ 1814 по 1825 г.—и нѣсколько писемъ, относящихся къ похоронамъ въ Бозѣ почивающей Императрицы Елизаветы Алексѣевны. Въ текстѣ 15 рисунковъ и 4 факсимиле-писемъ. Спб., 1910 г. Ц. 1 р. 80 к.

22) Л. Н. Толстой. Посмертныя записки старца Θеодора — Козьмича.

23) Д. Мережковскій. Въ защиту Александра I. Газ. «Русская Молва», 17 марта 1913 г.

Изо всѣхъ указанныхъ работъ мы остановимся только на двухъ: а) на брошюрѣ великаго князя Николая Михаиловича и на b) на книгѣ князя В. В. Барятинскаго.

Великій князь Николай Михаиловичъ—давнишній и убѣжденный противникъ отождествленія личности Θеодора Козьмича и Александра I.

Великій князь спеціализировался на Александрѣ I,

пишетъ давно и, нужно сказать, въ достаточной мѣрѣ развѣнчалъ его. То, что красиво и образно началъ Шильдеръ, то скорбно и казня докончилъ великій князь Николай Михайловичъ. Личность Александра I очерчена со всѣхъ сторонъ. По великому князю это—двуличный, хитрый, скрытный, лукавый человѣкъ.

Первыя работы великаго князя, посвященныя сподвижникамъ Александра I,—князю Долгорукову и графу Павлу Строганову, полны захватывающаго интереса по картинности и таланту. Батальныя картины вездѣ великолѣпны и свидѣтельствуютъ, что великій князь былъ бы исключительнымъ военнымъ писателемъ и историкомъ войнъ.

Огромное преимущество работъ великаго князя, какъ историка первой четверти XIX вѣка, состоитъ въ томъ, что моментами онъ вдругъ даетъ новый штрихъ, новый фактъ въ разбираемой эпохѣ или личности.

Первыя двѣ работы великаго князя писаны на Кавказѣ, въ Боржомѣ, въ тиши и уединеніи, тамъ, гдѣ сладостно думать и отдаваться думамъ. Поэтому въ нихъ такъ часты искорки вдохновеній.

Остальныя работы писаны, повидимому, въ Петербургѣ, въ городѣ будничныхъ мелочей и затасканныхъ низменныхъ настроеній. На нихъ печать холода, апатіи и неубѣдительности всего сообщаемаго.
Но все же русская историческая наука должна быть благодарна ему за разрытіе и раскрытіе многихъ архивныхъ тайниковъ. Надо надѣяться, что когда-нибудь надъ этими матеріалами поработаетъ кто-нибудь, искрометный и вдохновенный, такой, который орлинымъ взоромъ вглядится въ суть вещей, событій и фактовъ времени Александра I и, воспользовавшись этими матеріалами великаго князя, дастъ картину эпохи, исполненную философскихъ обоб-

щеній образности, таланта, искренности и безграничной преданности и любви къ предмету...

Къ тому же петербургскому времени относится и «Легенда» о Θеодорѣ Козьмичѣ. Великій князь знаетъ предметъ хорошо, могъ имѣть доступъ къ такимъ тайникамъ, въ которые другого изслѣдователя, пожалуй, не впустятъ, но матеріалъ весь изложенъ подъ однимъ угломъ зрѣнія—Θеодоръ Козьмичъ не Александръ I, причемъ авторъ строитъ и свою гипотезу о личности Θеодора Козьмича, считая возможнымъ предположить, что онъ незаконно-рожденный сынъ Павла — отъ Софьи Степановны Черторижской, урожденной Ушаковой, съ которой былъ въ связи Павелъ послѣ смерти ея мужа и у которой былъ сынъ отъ него, извѣстный подъ именемъ Семена Афанасьевича Великаго. Авторъ, кромѣ того, дѣлаетъ намекъ на декабристовъ, которымъ будто бы нужно было распространять версію, что старецъ Θеодоръ Козьмичъ—Александръ I.

Для чего это было нужно декабристамъ, онъ не поясняетъ, но мы сами постараемся раскрыть скобки, сдѣлать логическій домыслъ:—вѣроятно, для того, чтобы вызвать броженіе въ умахъ русскаго народа, создать новаго самозванца и возмутить снова русское общество противъ правительства.

Другого вывода не можетъ быть.

Но въ этомъ выводѣ есть большой психологическій дефектъ: Θеодоръ Козьмичъ былъ настолько скроменъ, тихъ, смиренномудренъ и затаенъ въ себѣ, что не входилъ въ общеніе ни съ какими политическими людьми, а тѣмъ болѣе, съ декабристами, которыхъ было въ ту пору очень много въ Сибири и роль которыхъ онъ, безъ сомнѣнія, зналъ. Онъ не подавалъ ни малѣйшаго повода къ предположеніямъ о демагогическихъ настроеніяхъ, онъ

былъ очень остороженъ на слова о событіяхъ его предшествующей жизни, бесѣдъ на политическія темы абсолютно ни съ кѣмъ никогда не велъ, жизнь велъ замкнутую, извнутри, но вполнѣ открытую для всѣхъ съ внѣшней стороны, тайнъ ни отъ кого никакихъ почти не имѣлъ, искренно и много молился, исцѣляя, когда могъ, давалъ совѣты и заключенія по житейскимъ дѣламъ и, вообще, съ политикой ничего общаго не имѣлъ. Это со стороны Ѳеодора Козьмича. Со стороны же декабристовъ, разъединенныхъ, обезсиленныхъ, уничтоженныхъ, какъ партія, замурованныхъ въ крѣпости, казематы, рудники и заводы, было бы наивно пользоваться именемъ Ѳеодора Козьмича, съ которымъ они ни съ какой стороны не входили въ общеніе, какъ самозванцемъ. Документовъ, подтверждающихъ этотъ домыслъ, въ мемуарной литературѣ тогдашней эпохи, въ перепискѣ декабристовъ, нѣтъ и, вѣроятно, не будетъ никогда.

Декабристы, какъ чрезвычайно легкій культурный слой русской интеллигенціи, послѣ 14 декабря 1825 года, русскому правительству никоимъ образомъ не были страшны, такъ что предположенія великаго князя не выдерживаютъ исторической критики.

Мало того, на той же 5-ой страницѣ имѣется фактическое противорѣчіе автора себѣ. Такъ, Александръ I оффиціально умеръ 19 ноября 1825 г., а декабристы, какъ партія, какъ организованное цѣлое, появились 14 декабря 1825 года, т. е. черезъ мѣсяцъ послѣ «смерти» государя въ Таганрогѣ. Тѣло лежало въ Таганрогскомъ дворцѣ съ 19 ноября по 11 декабря, затѣмъ было перенесено въ соборъ Александровскаго монастыря, гдѣ и оставалось до 29 декабря 1825 года, но идейно движеніе декабристовъ началось задолго до «смерти» Александра I, не позже 1821 года.

Затѣмъ, тѣло отправили въ Петербургъ, и оно прибыло туда только черезъ два мѣсяца, въ концѣ февраля 1826 года, послѣ полной ликвидаціи возстанія декабристовъ.

Такимъ образомъ, декабристы должны были распространить легенду объ исчезновеніи Александра I и объ отреченіи имъ такимъ путемъ отъ престола въ этотъ, именно, промежутокъ времени, т. е. post factum, послѣ уничтоженія и гибели своего дѣла.

Между тѣмъ, декабристамъ было не до того: ихъ судили, однихъ казнили, другихъ сослали въ сибирскіе рудники и заводы, третьихъ крѣпко держали въ крѣпостяхъ и казематахъ.

Тѣмъ менѣе было для нихъ основаній отождествлять Александра I съ Ѳеодоромъ Козьмичемъ, который появился въ Сибири въ 1837 году.

Какъ примѣръ научнаго метода великаго князя мы должны указать на стр. 12 его брошюры, гдѣ говорится о смерти Александра I. Великій князь ссылается на авторитеты—на князя Петра Мих. Волконскаго, генералъ-адъютанта и министра Императорскаго Двора, на его «Журналъ», на гр. Чернышева, на лейбъ-медиковъ: баронетта Вилліе, Тарасова и другихъ и, наконецъ, на историка Н. К. Шильдера. Этотъ методъ не представляется намъ научнымъ и точнымъ, такъ какъ авторъ не вводитъ критику въ матеріалы, сообщаемые этими лицами, и слишкомъ довѣряетъ имъ лично, вѣритъ имъ, такъ сказать, персонально, а—съ другой стороны—вводитъ ихъ самихъ, какъ свидѣтелей, для вящшаго убѣжденія читателя въ правильности его выводовъ. Между тѣмъ, критика и сопоставленіе всѣхъ свѣдѣній, сообщаемыхъ этими господами, невольно привели бы автора къ сомнѣніямъ подлинности и правдивости сообщаемыхъ ими матеріа-

ловъ, въ ихъ противорѣчіи другъ другу и въ отношеніи факта смерти Александра I.

На страницѣ же 8-ой есть ссылка на «интересный докладъ» Н. А. Лашкова, котораго великій князь посылалъ дважды въ Томскъ, вообще въ Сибирь, и который «посѣтилъ массу монастырей въ разныхъ городахъ Россіи» для выясненія вопроса о томъ, откуда могъ туда явиться Ѳеодоръ Козьмичъ. Между тѣмъ, самого доклада великій князь не нашелъ возможнымъ напечатать: авторъ сослался на документъ, который не опубликованъ и отъ читателя скрытъ, а ссылка на него имѣется, и даже больше:—авторъ пользуется его матеріалами и строитъ на нихъ выводы.

Дѣло въ томъ, что означенный Н. А. Лашковъ приходится сыномъ или внукомъ томскаго протоіерея Василія Россова, который, въ числѣ двухъ другихъ—іеромонаха Алексѣевскаго мужского монастыря Рафаила и священника юродиваго, былъ духовникомъ старца Ѳеодора Козьмича и хорошо зналъ его тайну. Великій князь говоритъ, что Н. А. Лашковъ испыталъ много неудобствъ и непріятностей со стороны духовенства, которое «не довѣряло его полномочіямъ и которое (повидимому) опасалось для себя непріятностей при осмотрахъ имъ разнородныхъ архивовъ, особенно монастырскихъ». («Легенда», стр. 8).

Причину такихъ опасеній великій князь видитъ въ томъ, что духовенство было запугано всесильнымъ К. П. Побѣдоносцевымъ, запретившимъ духовенству давать кому-либо свѣдѣнія о старцѣ Ѳеодорѣ Козьмичѣ.

Нужны годы сосредоточенной и упорной работы, нуженъ счастливый и благодѣтельный случай, цѣлый рядъ, наконецъ, мелкихъ и счастливыхъ случайностей, какъ неожиданная розсыпь золота въ кучѣ песку, чтобы

истина блеснула. Поѣздки такого порядка весьма полезны, весьма нужны и дѣла не портятъ, но онѣ рѣдко даютъ положительные результаты. Въ монастыряхъ томскихъ, какъ кіевскихъ и псковскихъ, въ тѣхъ, преимущественно, мѣстахъ, гдѣ могутъ быть указанія на пребыванія въ нихъ Александра I, а, можетъ быть, уже не Александра I, а Ѳеодора Козьмича, вѣроятно, были, а, можетъ быть, есть до сихъ поръ люди старые, съ которыми надо говорить подолгу, осторожно, озираясь, и со дна ихъ душъ взять глубоко зарытыя въ нихъ драгоцѣнныя свѣдѣнія.

Если бы было предпринято разслѣдованіе истины съ разныхъ сторонъ, съ достаточнымъ количествомъ научно-подготовленныхъ сотрудниковъ, знакомыхъ съ научными методами, какъ съ орудіями, путемъ которыхъ добывается истина, то быстро воздвиглось бы зданіе истины съ твердымъ и незыблемымъ фундаментомъ о старцѣ Ѳеодорѣ Козьмичѣ.

Основанія появленія легенды о тождествѣ Ѳеодора Козьмича съ Александромъ I великій князь видитъ, между прочимъ, въ томъ, что въ такой странѣ, какъ Россія, уже съ древнихъ временъ народъ часто поддавался вліянію самыхъ нелѣпыхъ слуховъ, невѣроятныхъ сказаній, и имѣлъ склонность придавать вѣру всему сверхъестественному. Стоитъ только вспомнить появленіе самозванцевъ во время Бориса Годунова, извѣстнаго лже-Дмитрія I-го въ Москвѣ и лже-Дмитрія въ Тушинѣ; Стеньки Разина—въ царствованіе Алексѣя Михайловича, наконецъ, Емельяна Пугачева—при Екатеринѣ II, чтобы убѣдиться въ расположеніи русскихъ народныхъ массъ вѣрить самымъ грубымъ проявленіямъ фантазіи смѣлыхъ авантюристовъ. Этому обычно способствовала внезапная кончина или наслѣдника престола, или самого монарха, какъ

это было при убійствѣ царевича Дмитрія, казни Алексѣя Петровича и насильственной смерти Петра III («Легенда», стр. 5).

Между тѣмъ, эти историческія обобщенія великаго князя не имѣютъ никакого отношенія къ Александру I и къ личности старца Θеодора Козьмича.

По представленіямъ автора, Θеодоръ Козьмичъ, какъ лицо, тождественное съ Александромъ I, нуженъ былъ декабристамъ.

Вотъ какъ объ этомъ онъ говоритъ:

«Тогдашнимъ двигателямъ революціоннаго движенія въ Россіи, т. е. будущимъ декабристамъ, распространеніе такого рода слуховъ, толковъ было на руку для поддержанія смуты въ низшихъ слояхъ народа, и конецъ XX годовъ, т. е. начало царствованія императора Николая I, можно считать временемъ, когда легендарныя сказанія не только объ Александрѣ I, но и объ императрицѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, достигали наибольшей интенсивности. Потомъ, въ послѣдующіе года, все это замолкло и никто больше не интересовался легендой объ исчезновеніи имп. Александра I («Легенда», стр. 5—6»)».

Извѣстно, что эта легенда держится повсемѣстно въ Россіи почти сто лѣтъ и, слѣдовательно, прошла черезъ души различныхъ поколѣній, съ различнымъ складомъ образованія и культуры, съ различными вѣрованіями и убѣжденіями. Дѣло вовсе не въ томъ, что психика русскаго человѣка предрасположена къ сверхъестественности, къ таинственности, къ самозванцамъ, къ легендарнымъ авантюристамъ и авантюристкамъ, а въ томъ, что эта легенда о Θеодорѣ Козьмичѣ, какъ огонекъ, то потухаетъ, то вспыхиваетъ въ коллективной народной душѣ и въ сознаніи русскаго народа. Эти вспыхивающіе огоньки грѣютъ фантазію народа своими мистическими далями и

неясностями. Коллективное сознанiе русскаго общества упорно цѣпляется за эту легенду. Въ ней есть какая-то странная прелесть, какая-то неясная жуть. Она слишкомъ глубока, слишкомъ интимна по своей внутренней затаенности. Русскiй народъ ей вѣритъ, желая сдѣлать своего царя святымъ во искупленiе его первороднаго грѣха.

Великiй князь, говоря о появленiи русскихъ самозванцевъ, къ числу ихъ слегка, воздушно, несомнѣно, относитъ и Ѳеодора Козьмича.

Всѣ самозванцы, какъ извѣстно, были активными дѣятелями революцiи, а не только ея факелами и древками, которыми кто-то во время революцiи двигалъ; они создали вокругъ себя компактную революцiонную партiю, наконецъ, просто свое войско, они были типичными демагогами, возмутителями и предводителями революцiоннаго народа во имя опредѣленныхъ революцiонныхъ цѣлей и сами себя объявляли претендентами на престолъ россiйскихъ государей, распуская въ народѣ слухи, что они только являются исконными государями.

Между тѣмъ, Ѳеодоръ Козьмичъ страшно боялся обмолвиться о себѣ, боялся назвать себя, сказать, кто онъ, и молча, тихо, очень смиренно, по-божьему дѣлалъ то дѣло, которому онъ отнынѣ себя посвятилъ. Разница положенiя самозванцевъ и Ѳеодора Козьмича, въ смыслѣ общей исторической ситуацiи, бросается въ глаза. Если бы Ѳеодоръ Козьмичъ былъ, по своему рожденiю, не царь, если бы онъ не былъ человѣкомъ, испытавшимъ всю прелесть царствованiя, а былъ бы пролетарiемъ, прирожденнымъ демагогомъ, ниспровергателемъ и узурпаторомъ престоловъ, человѣкомъ, желавшимъ взять то, что ему никогда не принадлежало, то какой могъ бы быть для него большой соблазнъ прямо объявить себя царемъ Алексан-

дромъ I и агитировать при помощи наводнявшихъ Сибирь декабристовъ, имѣвшихъ еще въ большомъ количествѣ политическихъ единомышленниковъ на всемъ пространствѣ обширной центральной Россіи. Если же Ѳеодоръ Козьмичъ не былъ царь, а былъ простой смертный, съ неоткрывшейся, замкнутой въ себя тайной, то какъ онъ мало похожъ на извѣстныхъ русскихъ самозванцевъ по психологіи и складу своего ума а также по всему тону своей внѣшней дѣятельности, по своимъ внѣшнимъ дѣйствіямъ.

Дѣло же, которое дѣлалъ Ѳеодоръ Козьмичъ, было дѣло душевное, интимное, важное, глубокое и сосредоточенное, а потому онъ никому никогда никакихъ не подавалъ надеждъ на то, что онъ можетъ или хочетъ примкнуть къ какому-либо движенію. Съ такими предложеніями къ нему никто не обращался и самъ онъ къ тому поводовъ не подавалъ.

Значитъ, въ самой психологіи и исторической коньюнктурѣ появленія и дѣятельности самозванцевъ въ Россіи была глубокая разница съ тѣмъ, что мы видимъ и знаемъ изъ жизни Ѳеодора Козьмича.

Дѣло Ѳеодора Козьмича выше, святѣе, философичнѣе, глубже и гораздо общѣе, чѣмъ личное дѣло авантюристовъ и демагоговъ.

Ѳеодоръ Козьмичъ есть олицетвореніе глубокой внутренней драмы, есть олицетвореніе глубоко-русской черты —опрощенія, отряханія величія благъ міра сего подъ вліяніемъ высшей религіозной правды, есть самоотрицаніе, есть перерожденіе изъ одного душевнаго состоянія въ другое, а самозванцы—случайные, никому не нужные люди, борящіеся за власть и силу, имъ не принадлежащія и, по существу, имъ излишнія и не полезныя. Черты опрощенія подъ вліяніемъ высшей мистически-религіозной идеи проявились съ наибольшею рельефностью въ

цѣломъ рядѣ выдающихся русскихъ людей и особенно ярко—въ Гоголѣ и Толстомъ, а также въ юродивыхъ, отшельникахъ, святыхъ и старцахъ. Такимъ образомъ, эта черта и есть самая народная, самое драгоцѣнное и типическое качество всей личности Θеодора Козьмича, и оно-то особенно плѣнительно въ немъ, и оно-то именно является психлогическимъ основаніемъ для живучести и питанія въ коллективномъ сознаніи русскаго народа разныхъ слоевъ и разныхъ культуръ мистической легенды о Θеодорѣ Козьмичѣ.

Не любовь къ таинственности, къ мистичности, къ недѣйствительнымъ и скрытымъ явленіямъ природы и духа, не пристрастіе русскихъ людей, въ силу этого, къ разнаго рода самозванцамъ является основой психологической канвы легенды о Θеодорѣ Козьмичѣ, а это превращеніе царя въ простого смертнаго, сираго, нищаго, обездоленнаго, битаго кнутами, лишеннаго средствъ и малѣйшихъ матеріальныхъ достатковъ, это превращеніе могущественнаго и сильнаго обладателя власти въ смиреннаго, никому неизвѣстнаго старца, въ мудраго отшельника и молитвенника за себя и русскій народъ. Вотъ, гдѣ нужно искать разгадку того, почему легенда держалась и, несмотря на строжайшіе запреты въ теченіе царствованія Николая I и, особенно, Александра III, вновь появилась, а теперь крѣпчаетъ, ширится, растетъ и зрѣетъ.

Затѣмъ нужно сказать, что великій князь въ своемъ изслѣдованіи не достаточно объективенъ и смѣшиваетъ свои личныя впечатлѣнія отъ историковъ съ матеріалами общей исторической цѣнности. Такъ, на стр. 7 по поводу заключительныхъ строкъ Н. К. Шильдера въ IV томѣ его «Александра I», гдѣ Н. К. Шильдеръ довольно прозрачно намекаетъ на тождественность личности Θеодора Козьмича и Александра I, великій князь говоритъ:

«Я лично коротко зналъ и глубоко уважалъ Николая Карловича Шильдера, я убѣжденъ въ полной чистосердечности его воззрѣній, но мнѣ всегда казалось непонятнымъ, какимъ образомъ въ серьезной исторической работѣ можно увлечься [1]) до того, чтобы закончить свой капитальный трудъ [1]) (такими) словами, которыя только могутъ поддерживать сомнѣнія и смущать образованную публику».

Дальнѣйшая мотивировка автора ни въ какой логической связи съ этимъ мѣстомъ не состоитъ и къ Н. К. Шильдеру не относится. Это—сообщеніе великаго князя о томъ, что за періодъ времени съ 1891 по 1901 г. появилось много брошюръ, посвященныхъ сибирскому старцу Ѳеодору Козьмичу.

Образъ Ѳеодора Козьмича Н. К. Шильдеръ пронесъ въ своей душѣ, какъ святыню, выстрадалъ его. Покойный Н. К. Шильдеръ лишь послѣ бурныхъ и тяжкихъ сомнѣній, творческихъ сновъ и безсонныхъ ночей вынесъ на всенародныя очи свою гипотезу о тождественности Ѳеодора Козьмича съ Александромъ I.

Все это я и самъ слышалъ неоднократно отъ покойнаго историка.

Н. К. Шильдеръ нисколько не увлекался, а былъ твердо и трезво убѣжденъ въ томъ, что старецъ Ѳеодоръ Козьмичъ есть никто иной, какъ Александръ I. Это, можетъ быть, заблужденіе, но заблужденіе честнаго человѣка.

Между тѣмъ, великій князь, на стр. 10 замѣчаетъ, что всѣ предположенія о такомъ тождествѣ есть ничто иное, какъ «только поэтическіе отблески легенды, весьма заманчивой, но неимѣющей подъ собой никакой почвы [1]).

[1] Курсивъ нашъ.

На стр. 12:

«Матеріалъ не большой и не дающій никакихъ положительныхъ данныхъ» [1].

А вотъ что говоритъ авторъ о старикѣ Хромовѣ, пріютившемъ у себя на заимкѣ старца (стр. 10):

«Купецъ Хромовъ зналъ, конечно, что творилъ *), помѣстивъ такого рода (Александра I) портретъ въ келіи старца послѣ своей извѣстной поѣздки въ Петербургъ, а его наслѣдники были рады такъ или иначе заинтриговать публику и дѣлали даже негласныя предложенія о пріобрѣтеніи высоко поставленными лицами келіи Өеодора Козьмича».

Неизвѣстно, чье это мнѣніе,—Лашкова, ѣздившаго въ Томскъ по порученію великаго князя и представившаго особый докладъ, нигдѣ не опубликованный, или же самого великаго князя, но, такъ или иначе, великій князь утвердилъ пріоритетъ этого мнѣнія за собой.

На стр. 16 великій князь утверждаетъ, что всѣ документы, идущіе отъ разныхъ лицъ о ходѣ болѣзни Александра I, «сходятся», что «нигдѣ не встрѣчается и тѣни намека на возможность исчезновенія больного монарха или подозрѣнія въ сходствѣ съ другимъ лицомъ, когда тѣло усопшаго было положено въ гробъ, совершались ежедневныя панихиды».

Подобная категоричность утвержденія была бы пріемлема, если бы матеріалы и документы были провѣрены и если бы изъ сопоставленія ихъ было выяснено, что въ нихъ правда и что ложь. Между тѣмъ, эта работа авторомъ не произведена.

На стр. 30 великому князю представляется курьезнымъ, что «преданіе о замѣнѣ Александра I тѣломъ

---

[1]) Курсивъ нашъ.

умершаго 4 ноября могло вообще существовать», но оставлено авторомъ безъ достаточнаго критическаго обслѣдованія. Тѣмъ болѣе слѣдовало-бы это сдѣлать, что въ отношеніи семьи Маскова правительство Николая I и самъ Николай I были особенно благосклонны, расточали ей всяческія любезности, и «нѣсколько разъ отпускалась сумма на уплату долговъ» покойнаго Маскова, что семьѣ его была предоставлена особо усиленная пенсія, а всѣ его дѣти были устроены въ казенныя учебныя заведенія за счетъ правительства.

На стр. 32 великій князь говоритъ о бальзамированіи тѣла, при чемъ ссылается на актъ, составленный докторомъ Тарасовымъ. Между тѣмъ, этотъ актъ, какъ и всѣ, вообще, отношенія Тарасова, приглашеннаго къ больному государю для лѣченія только 14 ноября, т. е. за 5 дней до его такъ называемой смерти, полны недомолвокъ и большой осторожности, не той англійской сдержанности и осторожности, которыя такъ отличали баронета Вилліе отъ другихъ его коллегъ, но чисто русской, иногда безо всякаго на то желанія пробалтывающейся, вполнѣ неумышленно, отъ природнаго неумѣнія быть осторожнымъ.

Бальзамированіе было, вообще, неудачно, по мнѣнію великаго князя, и потому тѣло потемнѣло, черты лица государя измѣнились. Измѣненія эти были, какъ оказывается, столь велики, что Александра I въ гробу почти не узнавали, почему самый гробъ, вполнѣ затянутый парчей, предпочитали открывать не часто, и самого тѣла народу не показывать совсѣмъ. Этотъ фактъ большой исторической и психологической важности остался недостаточно разъясненнымъ и освѣщеннымъ. Для великаго князя большой доказательностью пользуется тотъ внѣшній и формальный фактъ, что тѣло, положенное въ гробъ подъ видомъ тѣла Александра I, перекладывали гене-

ралъ-адъютанты Его Величества. Но всѣ эти генералъ-адъютанты весьма ненадежные свидѣтели въ настоящемъ дѣлѣ и подлежатъ полному отводу, особенно отнынѣ знаменитый и вполнѣ уличенный въ исторической лжи въ оффиціальномъ документѣ генералъ-адъютантъ князь П. М. Волконскій.

Тѣло вскрывали три раза: 1) недалеко отъ Новгорода въ присутствіи графа Аракчеева, который, не подлежитъ сомнѣнію, зналъ тайну Александра I, 2) въ Бабинѣ и 3) въ Чесмѣ близъ Царскаго села.

Императрица Марія Θеодоровна, увидѣвъ въ гробу тѣло, привезенное подъ видомъ тѣла Александра I, долго и внимательно смотрѣла на него, повидимому, что-то желая найти въ лицѣ покойника.

Тутъ мы должны поставить въ контекстъ удивительное противорѣчіе въ записяхъ князя П. М. Волконскаго въ его оффиціальномъ «Журналѣ» о томъ, что тѣло государя нельзя-де вскрывать по той причинѣ, что оно потемнѣло и сдѣлалось неузнаваемымъ, т. е. потеряло сходство съ Александромъ I, а великій князь утверждаетъ, что оно измѣнилось и потемнѣло «отъ бальзамированія и отъ тряски», и между фразой вдовствующей императрицы Маріи Θеодоровны, что Александръ страшно «похудѣлъ».

Потемнѣніе и похудѣніе—физическія явленія, другъ съ другомъ не имѣющія ничего общаго.

Не подлежитъ сомнѣнію, что кн. П. М. Волконскій говорилъ неправду о потемнѣніи лица Александра I, создавая мотивъ, понятный русскому народу, для сокрытія правды; императрица же совершенно непроизвольно, искренно и подъ вліяніемъ аффекта сказала, что покойникъ похудѣлъ, т. е. измѣнился настолько, что она его не узнаетъ, резюмируя то, что она видѣла своими глазами.

Гдѣ же правда? Вѣдь, потемнѣніе это—одно состояніе

тѣла, а похудѣніе такое, что нельзя узнать собственнаго сына,—совершенно иное состояніе и притомъ прямо противоположное первому.

Гдѣ-же правда? Гдѣ выходъ изъ тисковъ этихъ недомолвокъ и противорѣчій?

Правда, конечно, въ словахъ императрицы.

Заканчивая разсмотрѣніе работы великаго князя мы должны отмѣтить и еще одну черту: великій князь не горитъ, не болѣетъ, не страдаетъ Ѳеодоромъ Козьмичемъ, онъ не проникъ въ него—въ его душу и психологію, не уяснилъ себѣ его мистическій образъ.

Ѳеодоръ Козьмичъ, конечно, «не монахъ» по его собственному выраженію, а что-то совершенно другое, явленіе необычное и своеобразное. Изъ того факта, что легенды объ исчезновеніи Александра I и погребенія вмѣсто него другого лица появились тотчасъ же вслѣдъ за оффиціальнымъ извѣщеніемъ о смерти Александра I—и что слухи эти ширились и росли, можно придти къ заключенію, что тайна Александра I—тайна глубокая, сложная и что не спроста оказалось великое физическое и моральное сходство старца Ѳеодора Козьмича съ Александромъ I.

V.

Что же касается обвиненія великимъ княземъ купца Хромова, на заимкѣ котораго послѣдніе годы проживалъ старецъ, въ томъ, что Хромовъ изъ личныхъ, корыстныхъ цѣлей хотѣлъ во что-бы то ни стало установить тождественность личности старца съ Александромъ I и для этого дѣлалъ всѣ зависящіе отъ него шаги, то такое обвиненіе намъ представляется не имѣющимъ подъ собой почвы.

Среда купца Хромова, жившаго всю жизнь въ Томскѣ, вдали отъ общей европейской культуры,—среда русская, гдѣ религіозный культъ играетъ до сихъ поръ первен-

ствующую и исключительную роль въ душевной и умственной жизни. С. А. Хромовъ видѣлъ въ старцѣ Ѳеодорѣ Козьмичѣ праведника, чистой, святой жизни человѣка, проводника высшей религіозной правды. Вотъ почему въ своихъ извѣстныхъ «Запискахъ» о жизни Ѳеодора Козьмича онъ говоритъ объ его чудесахъ и исцѣленіяхъ и ведетъ его по прямому пути во святые. Допустимо, что практическая смѣтка русскаго купца подсказывала ему въ такомъ муссированіи дѣла Ѳеодора Козьмича матеріальную выгоду въ будущемъ, но въ настоящемъ С. А. Хромовъ, несомнѣнно, былъ твердо убѣжденъ, что Ѳеодоръ Козьмичъ—человѣкъ святой.

Лишь въ послѣдніе годы, въ самый канунъ смерти старца, Хромовъ сталъ подозрѣвать, что старецъ этотъ не простой старецъ, такъ какъ къ нему ѣздятъ архіереи, губернаторы, какія-то высокопоставленныя лица, совѣтники губернскаго правленія, но особенно это подозрѣніе усилилось послѣ того, какъ въ Россію съѣздила воспитанница и крестница Ѳеодора Козьмича Александра Никифоровна и, по благословленію и указаніямъ старца, видѣлась въ домѣ графа Дм. Ерофеича Остенъ-Сакена въ г. Кременчугѣ Полтавской губ., съ самимъ государемъ Николаемъ I, который ее обласкалъ и пригласилъ къ себѣ въ Петербургъ въ гости. Для жительницы глухой отдаленной провинціи это было не только чудомъ, но и явленіемъ страннымъ.

Между царствующимъ и недоступнымъ обыкновеннымъ смертнымъ государемъ стоялъ все тотъ-же таинственный старецъ съ его пророческими указаніями своей воспитанницѣ, что она увидитъ и будетъ говорить на своемъ вѣку ни съ однимъ царемъ, а съ двумя. Старецъ былъ звеномъ, связывающимъ крайне далекаго отъ подданныхъ государя и его воспитанницу черезъ посредство третьяго лица—графа Дм. Ероф, Остенъ-Сакена.

Должно упомянуть, что если бы Θеодоръ Козьмичъ былъ не тѣмъ, чѣмъ предполагается, а былъ, скажемъ, незаконорожденный сынъ Павла I и Софьи Степановны Черторижской, урожденной Ушаковой, на сестрѣ которой былъ женатъ гр. Дм. Ероф. Остенъ-Сакенъ, Семенъ Афанасьевичъ Великій или другой, ему подобный, какъ предполагаетъ великій князь, то, нѣтъ сомнѣнія, Николай I— человѣкъ строгаго, прямолинейнаго мышленія, боявшійся династическихъ заговоровъ и всякаго рода политическихъ интригъ и таинственностей,—нимало не заинтересовался бы личностью Александры Никифоровны, не приглашалъ бы ее къ себѣ для бесѣды о Сибири и, вообще, не былъ бы къ ней особо благосклоннымъ. Что̀ могло связывать умственно и морально Николая I съ Семеномъ Великимъ? Гдѣ тѣ психологическія нити и основанія, которыя побудили бы строгаго законника и человѣка формалистическаго мышленія Николая I любезничать съ неизвѣстной ему сибирячкой. Очевидно, Θеодоръ Козьмичъ, бывшій въ дѣятельной перепискѣ съ гр. Дм. Ероф. Остенъ-Сакеномъ, былъ не Семенъ Великій, а кто-то другой, болѣзненно-остро интересовавшій самого Николая I.

На стр. 9 самъ великій князь приводитъ одинъ любопытный случай, о которомъ разсказывала его посланцу Н. А. Лашкову Анна Семеновна Оконишникова, старшая дочь Хромова, любимица старца Θеодора Козьмича.

Когда старецъ жилъ въ селѣ Коробейниковѣ, то она поѣхала къ нему въ гости вмѣстѣ съ отцомъ. Старецъ вышелъ къ нимъ на крылечко и просилъ подождать, не входить къ нему, такъ какъ у него гости. Они отошли въ сторону, къ лѣсочку, и стали ждать. Прошло часа два. Наконецъ, изъ келіи, въ сопровожденіи самого старца, вышла молодая барыня и офицеръ, въ формѣ, которой она не знала, перевитой золотомъ, высокаго роста, очень

красивый и похожій на покойнаго наслѣдника Николая Александровича. Старецъ проводилъ ихъ весьма далеко. Прощались они довольно долго, и Аннѣ Семеновнѣ показалось, что офицеръ поцѣловалъ руку у Өеодора Козьмича. Наконецъ, они сѣли въ коляску и долго кланялись другъ другу. Өеодоръ Козьмичъ вернулся къ Хромовымъ, весь сіяющій, сказалъ:

— Дѣды-то какъ меня знали, отцы-то какъ меня знали, дѣти какъ меня знали, а внуки и правнуки вотъ какимъ видятъ!

Анна Семеновна была въ ту пору взрослой дѣвицей, 25 лѣтъ, и великій князь самъ удостовѣряетъ и рекомендуетъ вѣрить ея словамъ.

При этомъ должно имѣть въ виду, что старецъ Өеодоръ Козьмичъ никому не позволялъ цѣловать свою руку, такъ какъ этого никогда не было у него въ привычкѣ, и что позволеніе старца поцѣловать ему руку представилось ожидавшимъ его Хромовымъ выходящимъ изъ ряда вонъ, исключительнымъ случаемъ.

Предположимъ, что Өеодоръ Козьмичъ—нѣкій Семенъ Великій, сынъ Павла I и Ушаковой (Черторижской), и представимъ себѣ, что онъ сдѣлался великимъ, возлюбившимъ чистоту и христіанское благочестіе старцемъ. Явился-ли бы къ нему куда-то въ Томскъ наслѣдникъ русскаго престола, безъ согласія его отца, царствующаго императора, и поцѣловалъ-ли бы онъ ему руку на прощаніе? Конечно, нѣтъ.

Между тѣмъ, наслѣдникъ русскаго престола ѣдетъ къ старцу самъ, въ обществѣ нѣкоей молодой дамы, ведетъ съ нимъ 2-хъ часовую одинокую бесѣду и, уѣзжая, цѣлуетъ ему руку. Тутъ или настоящая непорочность и святость, святость убѣдительная и убѣдившая его современниковъ, или же особенно близкое взаимоотношеніе крови.

Цѣлованіе руки уже «не только поэтическій отблескъ легенды весьма заманчивой», какъ говоритъ великій князь, но самъ по себѣ важный психологическій фактъ, освѣщающій эту легенду съ новой стороны.

Только такое объясненіе надо считать единственно правильнымъ.

Затѣмъ, на стр. 10 великій князь, разсказывая о томъ, что осталось послѣ смерти Ѳеодора Козьмича, упоминаетъ объ иконѣ «Почаевской Божіей Матери въ чудесахъ» съ инціаломъ «*А*» еле замѣтнымъ.Но есть другой фактъ, болѣе выразительный. Во время пребыванія въ деревнѣ Зерцалахъ Ачинскаго округа Ѳеодоръ Козьмичъ оставилъ подъ постелью собственноручно написанную букву А и надъ ней карандашемъ сдѣланную корону. При этомъ онъ упомянулъ, что въ этомъ вся его тайна. При той особо бдительной осторожности, скупости свѣдѣній и таинственности, которыми обставлялъ себя Ѳеодоръ Козьмичъ, эта буква *А съ короной* является чрезвычайно важной подробностью.

Въ этомъ фактѣ никто изъ историковъ, изслѣдующихъ жизнь и личность Ѳеодора Козьмича, не сомнѣвается. Онъ имъ извѣстенъ, но никто надъ этимъ фактомъ не задумывается, не входитъ въ его психологію.

Если бы Ѳеодоръ Козьмичъ былъ выдвигаемый великимъ княземъ Семеонъ Великій, то зачѣмъ онъ рисовалъ букву *А съ короной?* Онъ человѣкъ святой, праведной жизни, постникъ, аскетъ, питающій свой умъ и душу житіями святыхъ, молитвами и псалмами, человѣкъ, очищающій себя отъ соблазновъ міра, не могъ такъ сознательно лгать. Ѳеодоръ Козьмичъ не политическій авантюристъ, не искатель престола или какихъ-либо другихъ приключеній; потому то онъ и не могъ, будучи Семеномъ Великимъ, сыномъ Павла I, и не имѣя ни малѣйшаго от-

ношенія къ Александру I, рисовать букву А и надъ ней корону, а долженъ былъ и отчасти могъ поставить надъ своей буквой *С* или *В* и надъ ней корону.

Θеодоръ Козьмичъ былъ человѣкъ искренній, честный, прямой и крайне цѣломудренный. Онъ не политическій шарлатанъ. Да и что онъ выигралъ бы практически при своей жизни, если бы онъ захотѣлъ и даже сумѣлъ посѣять въ людскихъ сердцахъ увѣренность объ его тождественности съ Александромъ I, не будучи имъ на самомъ дѣлѣ?! Конечно, ничего. Значитъ, надо предположить, что Θеодоръ Козьмичъ хотѣлъ посѣять смуту въ Россіи уже послѣ своей смерти. Отсюда выводъ: онъ былъ злой, неискренній, нечестный человѣкъ. Между тѣмъ, никто изъ видѣвшихъ его, отъ него такихъ впечатлѣній не получалъ; наоборотъ, онъ представлялъ собою воплощеніе искренности, честности и душевной чистоты, почти голубиной.

Человѣкъ, жившій въ образѣ Θеодора Козьмича, въ далекой Сибири, совершавшій исцѣленія и чудеса, вызвавшій довѣріе къ себѣ почти всей далекой окраины, очевидно, имѣлъ право ставить надъ буквой А корону и говорить, что въ этой буквѣ вся его тайна. Этого бы никогда не сказалъ какой-нибудь Семеонъ Великій.

Но нужно-ли было ему, отрекшемуся отъ силы, власти, престола, ушедшему отъ міра и его соблазновъ въ глубокіе низы людей, окутанному непроницаемой тайной, вообще, намекать на свое прошлое? Для чего? Отвѣтъ можетъ быть единственный и категорическій: для того, чтобы оправдать себя передъ грядущей исторіей за ту новую ложь, которая допущена была съ его согласія, съ замѣной его въ гробу кѣмъ-то другимъ, и за погребеніе не его тѣла. Свой грѣхъ передъ отцомъ, Павломъ I, онъ искупалъ аскетизмомъ, постомъ, молит-

вами, опрощеніемъ и умерщвленіемъ плоти, а свой грѣхъ передъ русскимъ народомъ онъ искупалъ полу-признаніемъ, что онъ—слабый, немощный человѣкъ, бывшій царь, просилъ прощенія, каялся, что, будучи немощнымъ и слабымъ, онъ не могъ иначе поступить, такъ какъ искупить свой грѣхъ передъ покойнымъ отцемъ онъ считалъ самымъ важнымъ и единственнымъ дѣломъ своей земной жизни.

Нужно признаться, что Θеодоръ Козьмичъ не былъ маньякъ, полусумасшедшій старикъ, выжившій изъ ума, и лишь въ силу какой-то особой одухотворенности и отрѣшенности отъ ненадежныхъ благъ міра, говорившій искренно и чистосердечно. Онъ говорилъ умно, складно и крайне логично. Не было ни у кого сомнѣній, что, въ интересахъ высшей правительственной политики, онъ былъ сдержанъ и остороженъ въ сообщеніи свѣдѣній относительно себя. Если бы Θеодоръ Козьмичъ былъ низкій лгунъ, самозванецъ и обманщикъ, то какъ бы ему было легко и удобно пустить о себѣ исподволь молвь, кого онъ собою представляетъ, или сказать въ день своей смерти Хромову и другимъ, въ то время, когда онъ былъ уже подъ покровомъ грядущаго небытія и ничто земное ему не угрожало, что онъ никто иной, какъ Александръ I, въ столь необычайной, небывалой формѣ отрекшійся отъ престола. Вѣдь, если бы онъ былъ Семеонъ Великій или другой, ему подобный, лживо рисовавшій букву А съ короной, или безъ нея, то, что могло бы его остановить лгать до конца и смѣло объявить себя передъ самымъ концомъ, кто онъ? Для лгущей, нечистой души (для религіознаго и политическаго Хлестакова) передъ смертью было бы легко прямо сказать, что онъ Александръ I, не принимая въ разсчетъ того, какія послѣдствія могутъ произойти отъ этой лжи, но Θеодоръ

Козьмичъ кого-то и что-то щадилъ и именно этого не сказалъ, только намекнулъ слегка, воздушно о своей тайнѣ, но самаго главнаго не сказалъ.

Между тѣмъ,слухи и легенды вились вокругъ личности Өеодора Козьмича, какъ гирлянды, и, судя по задававшимся ему вопросамъ, доходили до него. Өеодоръ Козьмичъ хорошо зналъ, что о немъ говорятъ, и никогда категорически не опровергалъ слуховъ.

Между тѣмъ, помимо его святости и чудесъ, въ немъ было какое-то особенное обаяніе, заставлявшее пріѣзжать къ нему высшихъ представителей мѣстной духовной и административной власти—архіереевъ и губернаторовъ, цѣлаго ряда высокопоставленныхъ лицъ изъ Петербурга, относившихся къ нему съ особой почтительностью и предупредительностью. Мало того, утверждаютъ, что къ Өеодору Козьмичу прибывали изъ Петербурга курьеры, которые, передавши ему какія-то словесныя порученія и пакеты, не останавливались въ самомъ городѣ, мѣстнымъ властямъ не представлялись и тотчасъ же обратно уѣзжали.

Однако, все дѣло какъ разъ было въ томъ, что Өеодоръ Козьмичъ не былъ Семеономъ Великимъ, или ему подобнымъ, а былъ человѣкъ, имѣвшій право чертить букву А съ короной, но онъ не имѣлъ одного права, моральнаго, въ силу запрета, имъ на самого себя наложеннаго, громко сказать, что онъ, Өеодоръ Козьмичъ, былъ связанъ обѣтомъ молчанія и послушанія, что онъ былъ связанъ высшей тайной — тайной искупленія первороднаго своего грѣха передъ націей, исторіей и Богомъ.

Но гдѣ, когда и кто его связалъ??

Это пока тайна, не разоблаченная, но нити для ея разоблаченія уже имѣются, и, нѣтъ сомнѣнія, что если она не будетъ вполнѣ доказательно и документально установ-

влена, то, во всякомъ случаѣ, она будетъ раскрыта въ порядкѣ психологическаго процесса.

Путеводной нитью является Кіево-Печерская лавра, а въ ней тотъ схимонахъ Вассіанъ и затѣмъ Парфеній, который былъ весьма близокъ къ графу Дм. Ероф. Остенъ-Сакену и который обласкалъ и направилъ воспитанницу старца Θеодора Козьмича Александру Никифоровну въ Почаевскую Лавру, гдѣ была въ это время графиня Остенъ-Сакенъ.

Когда темной, пасмурной ночью Александръ I уѣхалъ изъ Таганрога одинъ на лошади, неизвѣстно куда, то онъ долженъ былъ уѣхать именно въ Кіево-Печерскую лавру, къ схимонахамъ, въ дальнія пещеры, гдѣ, должно быть, проходилъ искусъ, гдѣ получилъ посвященіе въ предстоящемъ подвигѣ, гдѣ былъ духовно и условно предположенъ къ схимѣ и, по общимъ правиламъ старчества, сызнова отосланъ впослѣдствіи въ грѣховный міръ, для проповѣди и дѣйствій, до того момента, быть можетъ, передъ самой смертью, когда бы онъ удостоился принятія схимы.

Вся жизнь Θеодора Козьмича есть ничто иное, какъ подготовка къ схимѣ. Великое же послушаніе, обѣтъ молчанія о себѣ, молитвы и служеніе ближнимъ были тѣмъ путемъ, которымъ онъ долженъ былъ идти къ ней.

Послѣ возвращенія Александры Никифоровны въ Томскъ, очевидно, пошли такіе разговоры, что Хромовъ сталъ убѣждаться въ царственномъ происхожденіи Θеодора Козьмича. Эти догадки стали циркулировать и среди духовенства. Хромовъ, какъ настойчивый сибирякъ, вѣроятно, допытывался, кто такой Θеодоръ Козьмичъ, спрашивалъ и его самого, но тотъ отнѣкивался подъ разными предлогами, отвѣчалъ молчаніемъ, иногда продолжительнымъ и томительнымъ, а иногда говорилъ, что онъ и самъ не знаетъ, кто онъ такой.

Послѣ смерти Θеодора Козьмича въ январѣ 1864 года, Хромовъ выѣхалъ съ твердой цѣлью представиться Александру II и что-то, лишь ему предназначенное, передать отъ старца. Подвигъ смѣлый! Томскъ и теперь не близокъ, тогда же, при тѣхъ путяхъ сообщенія, онъ былъ, положительно, за тридевять земель.

Нужно было быть или маньякомъ навязчивой идеи, которая показалась больному воображенію степеннаго и матеріально обезпеченнаго купца Хромова заманчивой и прибыльной, или большимъ авантюристомъ, или наивнымъ честолюбцемъ, чтобы ѣхать въ столицу Россіи, добиваться видѣть самого царя или высокопоставленныхъ лицъ и сказать имъ:

— Я долженъ вамъ повѣдать великую тайну: Государь Александръ Павловичъ Благословенный не скончался въ Таганрогѣ, а умеръ у меня на заимкѣ, близъ Томска, во образѣ старца Θеодора Козьмича.

Сказать такую вещь самому царю или его представителямъ, когда нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться въ томъ, что тутъ же, черезъ Неву, въ соборѣ Петропавловской крѣпости похороненъ подлинный Александръ I, надо имѣть къ тому или неоспоримыя доказательства, или смѣлость проходимца высшаго порядка.

Между тѣмъ, старый купецъ Хромовъ былъ извѣстенъ въ Томскѣ своимъ умомъ, своимъ богатствомъ, своей разсудительностью и религіозностью и собрался въ далекую поѣздку въ Петербургъ не ради, повидимому, личныхъ цѣлей, а для исполненія какого-то важнаго и глубоко-интимнаго порученія, даннаго ему старцемъ. Это-то порученіе и реликвіи, оставшіяся послѣ Θеодора Козьмича, Семеонъ Афанасьевичъ Хромовъ намѣревался передать самому государю изъ рукъ въ руки и, дѣйствительно, ихъ передалъ.

Его выслушали, поблагодарили, но, въ общемъ, обращались съ нимъ сурово, не столько самъ государь, сколько его высокопоставленные слуги.

Во-второй разъ пріѣзжалъ С. А. Хромовъ въ царствованіе Александра III. Онъ видѣлся съ К. П. Побѣдоносцевымъ, съ государственнымъ контролеромъ Т. И. Филипповымъ, съ княземъ С. А. Долгорукимъ и съ министромъ Двора графомъ И. И. Воронцовымъ-Дашковымъ. У графа И. И. Воронцова-Дашкова состоялось совѣщаніе, на которомъ было восемь военныхъ генераловъ. Былъ приглашенъ С. А. Хромовъ. Ему предложили разсказать все, что онъ зналъ о Θеодорѣ Козьмичѣ, причемъ онъ совершенно опредѣленно утверждалъ, что Θеодоръ Козьмичъ никто иной, какъ самъ царь Александръ Благословенный. Среди присутствующихъ поднялся сильный споръ — одни стояли за то, что Томскій старецъ могъ быть Александромъ I, а другіе, наоборотъ, отстаивали противоположное мнѣніе, ссылаясь на государственные акты и протоколы, нужно сказать, чисто-формальные, смерти и погребенія Александра I. Изъ лицъ первой категоріи, мысль о тождествѣ старца Θеодора Козьмича съ Александромъ I наиболѣе сильно отстаивалъ князь С. А. Долгорукій, человѣкъ весьма близкій къ придворнымъ сферамъ и, особенно, къ покойному Александру II, съ которымъ онъ могъ имѣть на эту тему бесѣду.

Послѣ спора одинъ изъ генераловъ, имя котораго потомству не сохранено, быстро всталъ и властно приказалъ С. А. Хромову никому не разсказывать о тождествѣ Θеодора Козьмича съ Александромъ I, такъ какъ-де онъ знаетъ тѣхъ людей, которые везли подлинный прахъ Александра I, и что если онъ будетъ объ этомъ распространяться, то его ждутъ дурныя послѣдствія.

С. А. Хромовъ уѣхалъ обратно въ Томскъ.

Легенда, тѣмъ не менѣе, не переставала жить и особенно расцвѣла въ русскомъ обществѣ въ 1897—1898 годахъ и въ 1901 году, когда К. П. Побѣдоносцевъ былъ въ большой силѣ и когда цензура, фактически ему подчиненная, была жестока и неумолима.

Несмотря на обиліе появившихся брошюръ и большое количество тревожныхъ слуховъ, правительство молчало и ничего не опровергало.

Приведенныя подробности извѣстны документально и свидѣтельствуютъ, что Хромовъ, старый, почтенный сибирякъ, принявшій на себя издержки по поѣздкамъ изъ Томска въ далекій Петербургъ, былъ проникнутъ не корыстными цѣлями и соображеніями, а твердымъ, искреннимъ убѣжденіемъ, что онъ является обладателемъ большой государственной тайны, и потому—смѣло, безъ боязни добивался свиданій съ самимъ государемъ для сообщенія ему этой тайны. Если бы истина, привезенная Хромовымъ изъ Сибири, была пустой, никому не нужной, не справедливой и безсодержательной, какъ скорлупа орѣха, то о ней не спорили бы высокопоставленные слуги царствующаго государя, собравшіеся для этого въ особое совѣщаніе, и само правительство поспѣшило бы съ документами въ рукахъ разсѣять слухи и легенды, такъ властно захватившіе воображеніе русскаго общества.

Мы замѣтимъ еще одинъ, довольно существенный, недостатокъ въ работѣ великаго князя.

Такъ, на стр. II, великій князь говоритъ объ оставленныхъ въ келіи и найденныхъ послѣ смерти Ѳеодора Козьмича его записочкахъ на бумажкахъ въ видѣ ленты:

«Первый изъ трехъ документовъ именуется «тайной» Ѳеодора Козьмича. Несмотря на самые тщательные розыски ключа къ этой запискѣ, до сихъ поръ не удалось еще

никому разгадать эту «тайну» или дешифровать текстъ. Что касается конверта, гдѣ яснымъ и твердымъ почеркомъ написано: «отъ Θеодора Козьмича», то онъ былъ переданъ спеціалистамъ по разбору почерковъ; всѣ имѣющіяся на конвертѣ буквы въ отдѣльности увеличены и сравнены съ другимъ конвертомъ, написаннымъ рукой императора Александра I, но всѣми экспертами единогласно было признано, что не имѣется ни малѣйшаго сходства, какъ въ самомъ характерѣ начертанія, такъ и въ отдѣльныхъ буквахъ, между обоими почерками. Третья же записка представляетъ собою наборъ изреченій изъ священнаго писанія и трудно догадаться, по какому поводу она была написана. Такъ какъ эта записка-копія, а не подлинникъ, то она имѣетъ наименьшее значеніе».

Намъ думается, что спеціалисты по разбору почерковъ не оказались на высотѣ своей спеціальности.

Въ 1908 году, какъ мнѣ разсказывалъ Н. А. Лашковъ, великому князю былъ указанъ преподаватель Имп. Театральной школы, г. Петровъ, который будто бы разобралъ шифръ старца Θеодора Козьмича. Великій князь помѣстилъ въ свою брошюру текстъ, дешифрированный г. Петровымъ, по которому оказалось, что старецъ Θеодоръ Козьмичъ жалуется на жестокость Николая I.

Намъ представляется, что дешифрировка г. Петрова, будучи сложной по замыслу, не удовлетворительна по содержанію и принята быть не можетъ. Николай I былъ, дѣйствительно, жестокъ и суровъ, но Θеодоръ Козьмичъ, какъ старецъ, какъ аскетъ, не могъ жаловаться на притѣснителей, на злобствующія земныя власти. Наконецъ, у г. Петрова имѣется даже просто неправильное чтеніе въ словѣ—струфианъ. Словомъ, дешифрировка насъ не удовлетворяетъ. Она абсолютно не исторична.

Кн. В. В. Барятинскій, новый и совершенно неожиданный изслѣдователь жизни и личности старца Θеодора Козьмича, слѣдующимъ образомъ расшифровалъ записи Θеодора Козьмича (стр. 144): 2) «Видиши-ли на какое васъ бѣзсловесие (или «бѣзсловесне», какъ читаютъ нѣкоторые толкователи) счастие слово (или «слава») изнѣсе».

Это можно понять такъ:

«Видишь ли на какое молчаніе васъ обрекло ваше счастье и ваше слово (т. е. обѣщаніе) или «ваша слава».

2) «Но егда убо А молчатъ П невозвѣщаютъ».

Если согласиться съ тѣмъ, что Θеодоръ Козьмичъ былъ императоръ Александръ, то смыслъ этой фразы очень понятенъ: «Но когда Александры молчатъ, то Павлы не возвѣщаютъ», т. е. «но когда Александръ хранитъ молчаніе, то его не терзаютъ угрызенія совѣсти относительно Павла I».

3) Первая половина лицевой стороны второй записки представляетъ изъ себя, конечно, ключъ къ шифру, при помощи котораго Θеодоръ Козьмичъ, вѣроятно, велъ всю переписку съ какими-то лицами; вторая половина, т. е. «а крыютя струфианъ»—очень загадочна [1]).

Я обратилъ вниманіе на слѣдующее обстоятельство.

Въ вышеприведенной фразѣ шестнадцать буквъ; въ «ключѣ» встрѣчается тоже число—шестнадцать знаковъ: не говорю буквъ, а именно—знаковъ, такъ какъ дважды попадаются комбинаціи изъ двухъ буквъ, соединенныхъ въ одинъ знакъ («ео» и «зн»)».

Затѣмъ кн. В. В. Барятинскій произвелъ изслѣдованіе слова—«струфианъ». Оказалось, что «струфианъ»,

---

[1]) Кн. В. В. Барятинскій.—Царственный мистикъ (Императоръ Александръ I—Θеодоръ Козьмичъ). Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 25 к.

это—страусъ и что фраза о «струфианѣ» взята изъ «Книги пророка Исайи»—стихъ 21, глава 13.

Если Ѳеодоръ Козьмичъ—Александръ I, то фраза: «а крыютя струфианъ», означаетъ:

«я скрываю тебя, Александръ, какъ страусъ, прячащій голову подъ крыло».

4) Обратная сторона второй записки не представляетъ ничего другого, какъ только дату, и, такъ сказать адресъ, т. е. 26 марта 1837 года (день, когда старецъ прибылъ въ Сибирь) «43 пар.») 43 партія, съ которой онъ прибылъ), «в. вол.» (по всѣмъ вѣроятіямъ—«боготольская волость»; можетъ быть, старецъ по ошибкѣ, или по опискѣ, или незнанію поставилъ «в» вмѣсто «б»).

5) Буква «д», писанная такъ, какъ въ тайнѣ, очень характерна для почерка Александра I. Она обращаетъ на себя вниманіе не тѣмъ, что она писана какъ французское—это часто встрѣчалось въ 19 столѣтіи,—но тѣмъ, что нижній завитокъ перечеркнутъ рѣзкимъ штрихомъ.

По этому поводу не могу не отмѣтить одной особенности изъ «записи старца, писанной безусловно тѣмъ же почеркомъ, что и «тайна». Въ «записи» буква «д» писана иначе, т. е. съ завиткомъ кверху, причемъ, завитокъ тщательно вычеркнутъ съ нажимомъ пера, какъ сдѣлалъ бы человѣкъ, не привыкшій писать эту букву именно такъ [1]).

Къ сожалѣнію, самый шифръ не разгаданъ. Мы еще стоимъ почти-что вплотную съ самой тайной и никакъ не можемъ переступить ея порога.

Какъ мы говоримъ, г. Петровъ насъ не удовлетворилъ въ своемъ чтеніи «тайны» Ѳеодора Козьмича.

Гораздо проще надо отнестись къ чтенію и къ самому

([1] То-же стр. 144—145.

тексту «тайны», видя въ ней только автобіографію Ѳеодора Козьмича. Объ этомъ мы будемъ говорить ниже.

Книга кн. В. В. Барятинскаго представляетъ собою большой историческій интересъ и по анализу, и по подбору фактовъ. Авторъ нигдѣ не приводитъ какихъ-либо новыхъ фактовъ или новыхъ матеріаловъ, откуда-либо имъ добытыхъ, онъ приводитъ только тѣ, которые всѣмъ извѣстно, но чрезвычайно умно и умѣло ими пользуется. Редакція «Ист. Вѣстника» и самъ покойный нынѣ его редакторъ С. Н. Шубинскій отнеслись къ книгѣ кн. В. В. Барятинскаго весьма недоброжелательно и отрицательно, но это потому, что С. Н. Шубинскій раздѣляетъ точку зрѣнія великаго князя Николая Михаиловича.

Однако, мы не боимся идти смѣло по пути Н. К. Шильдера, кн. В. В. Барятинскаго и тѣхъ, кто вѣритъ въ идентичность старца Ѳеодора Козьмича и Александра I. Мы идемъ своимъ путемъ, но пользуемся имѣющимися въ печати матеріалами, полагая, что и ихъ будетъ достаточно для нашихъ выводовъ. Къ настоящему изслѣдованію, кромѣ историко-сравнительнаго и соціологическаго метода, въ широкой степени была примѣнена интуиція, какъ методъ психологіи. Методъ интуиціи весьма помогаетъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нѣтъ точныхъ и неопровержимыхъ данныхъ исторіи. Онъ можетъ быть примѣнимъ при обслѣдованіи цѣлыхъ эпохъ и жизни отдѣльныхъ историческихъ личностей, тѣсно связанныхъ съ цѣлой эпохой. Имъ пользовались такіе историки, какъ Бокль, Тэнъ, Момзенъ и ихъ школы.

АЛЕКСАНДРЪ I.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ЕГО ЖИЗНИ.

Петербургъ—Таганрогъ.

«Смерть» Александра I.

Отъѣздъ Александра I изъ Петербурга.

За нѣсколько дней до своего отъѣзда изъ Петербурга, въ одинъ изъ темныхъ августовскихъ вечеровъ, къ Александро-Невской лаврѣ спѣшно примчался С.-Петербургскій генералъ-губернаторъ и комендантъ крѣпости гр. Милорадовичъ и приказалъ привратнику немедленно позвать къ себѣ келейника одного изъ уважаемыхъ и почитаемыхъ всей Россіей схимонаховъ, проживающихъ въ Лаврѣ и не чуждавшихся міра.

Видъ важнаго посѣтителя чрезвычайно смутилъ келейника.

Гр. Милорадовичъ, приказавъ привратнику, охранявшему монастырь со стороны внутренняго двора, у мостика, отойти подальше, черезъ мостикъ, ко кладбищу, и, выйдя изъ коляски на такое разстояніе, чтобы его словъ не слышалъ даже его кучеръ, сказалъ келейнику твердымъ, но очень тихимъ шепотомъ:

— Вашъ батюшка свободенъ нынче?

— Такъ точно, свободенъ,—отвѣтилъ тѣмъ же шепотомъ келейникъ.

— Такъ имѣйте ввиду, ближе къ полуночи, когда будетъ еще темнѣе, чѣмъ теперь, его посѣтитъ одно чрезвычайно высокопоставленное лицо, много выше, чѣмъ я, но это лицо желаетъ остаться неузнаннымъ. Даже если вы

его узнаете, то вы должны сдѣлать видъ, что не узнали его и никакъ его не величать. Вы проведете его къ старцу. Для этого вы должны его ждать у задней боковой калитки и проводите прямо въ келью святого старца. При этомъ не говорите объ этомъ никому, даже старцу, иначе если узнается... я васъ не пощажу—и гр. Милорадовичъ сверкнулъ властно и грозно глазами изъ подъ густо-нависшихъ сѣдыхъ бровей.

Смущенный келейникъ, служитель схимонаха, его послушникъ и исполнитель всѣхъ его наставленій, мгновенно весь сгорбился, точно отъ наваленной на его плечи тяжести, и тихимъ, смиреннымъ голосомъ произнесъ:

— Все будетъ исполнено такъ, какъ приказываете...

Безпокойный порывъ вѣтра зашелестилъ, задвигалъ облѣзшими купами деревьевъ на старомъ Екатерининскомъ кладбищѣ. Гр. Милорадовичъ плотнѣе подобралъ свою шинель и, поправивъ треуголку, обратно сѣлъ въ коляску. Келейникъ, въ полномъ недоумѣніи и въ нерѣшительности, сталъ смотрѣть въ слѣдъ удалявшейся коляскѣ генералъ-губернатора. Затѣмъ пошелъ. Въ немъ сталъ бороться соблазнъ все разсказать старцу, отъ котораго онъ ничего никогда не скрывалъ, и боязнь передъ свѣтской властью, которая сильна и караетъ на землѣ больнѣе власти небесной.

Ввиду этого, онъ не сразу пошелъ въ келію старца, а долго бродилъ по монастырскому двору, не будучи въ состояніи удержать свое волненіе... Затѣмъ вошелъ тихо, едва примѣтно. Пріотворивъ дверь въ переднюю, постоялъ передъ ней и только тогда вошелъ.

Старецъ еле-еле дремалъ, но это не была дрема, а сокровенное ото всѣхъ тихое созерцаніе всего существующаго въ мірѣ.

Дверь скрипнула,—старецъ какъ бы очнулся.

— Ты что?—обратился онъ къ послушнику... Усталъ... на дворѣ вѣтеръ воетъ.

— Да, вѣтеръ... какъ-то холодно стало...

— Отъ вѣтру-ли?

— Пуще отъ вѣтру...

— И отъ дѣлъ человѣческихъ, отъ всея сокровенныя, людямъ невѣданныя. Чадо, не тайной-ли ты окутанъ вѣчной, не великое-ли коснулось тебя?

— Не знаю, преподобный отецъ... не чувствую...

— А не тайну-ли ты узналъ сейчасъ?..

Послушникъ онѣмѣлъ и сталъ смотрѣть на мерцающіе глаза схимонаха. Прозорливость старца привела его въ трепетъ.

Онъ весь извнутри заволновался, поблѣднѣлъ.

— Узналъ, отче, а въ чемъ она, не знаю, не вѣдаю...

— Узнаешь, сынъ... вскорѣ все узнается: великое сдѣлается малымъ—яйцо струфіана да будетъ яйцомъ малымъ, голубинымъ... а голубиное яйцо чистое, непорочное. Время приспѣло. Свѣтъ осіяетъ пучины морскія и дебри лѣсныя.

Настала пауза. Старецъ точно забылся. Келейникъ, по-прежнему, стоялъ въ почтительной, смиренномудренной позѣ и чего-то ждалъ...

— Поди, поди... жди прихода часа полуночи... Часъ сей придетъ... Жди сей часъ, какъ невѣсту, какъ дщерь христову, жди съ загашенными факелами... Время приспѣло. Благословенъ нашъ Богъ всегда, нынѣ и присно. Потомъ вожжемъ наши факелы о спасенной душѣ человѣческой, въ радости велiей пребудемъ...

— Благослови, отецъ, я выйду.

— Да будетъ на тебѣ благословеніе Божіе... Аминь...

Келейникъ поцѣловалъ руку старца и вышелъ.

На дворѣ стояла буря. Грозныя завыванія вѣтра рвали

платье и скуфейку келейника. Онъ весь ежился. Деревья зловѣще шумѣли. Пожелтѣвшіе, осенніе листья слетали съ нихъ и, въ безумномъ, дикомъ хороводѣ, кружились въ воздухѣ, шелестя по плитамъ монастырскаго двора.

Келейникъ прошелъ къ дальней боковой калиткѣ стѣны и, защищаясь отъ вѣтра, зябнущій и боящійся предстоящей встрѣчи съ неизвѣстнымъ лицемъ, сталъ въ глубокой нишѣ, въ которой обычно стояли привратники.

Долго вглядывался келейникъ, стоя на сторожѣ. Вдругъ онъ видитъ, какъ изъ чернаго мрака къ нему подходитъ высокая, статная фигура, густо закутанная въ широкое черное пальто съ капюшономъ и въ черной осенней шапкѣ, надвинутой почти на глаза. Фигура шла прямо на калитку.

Келейникъ сталъ пристально вглядываться, и чѣмъ ближе подходила фигура, тѣмъ болѣе келейникъ сталъ убѣждаться, что передъ нимъ не простой смертный. Гордая осанка, манера властвовать сказались тотчасъ же, какъ онъ коснулся рукой ключа калитки. Въ движеніяхъ посѣтителя было что-то царственное. Келейника поразило только то, что при всей своей величественности посѣтитель во время ходьбы горбилъ плечи, что̀ дѣлало его ниже, и, благодаря этому, верхняя часть тѣла какъ-то наклонялась впередъ.

Келейникъ распахнулъ передъ нимъ калитку и низко поклонился.

— Проводите меня къ старцу!—сказалъ посѣтитель чрезвычайно гармоническимъ, мягкимъ голосомъ...—Онъ бодрствуетъ?

— Батюшка на правилѣ,—отвѣчалъ въ волненіи келейникъ.

— Тѣмъ лучше... идите впередъ!—приказалъ посѣтитель.

Они вступили подъ сводчатыя галлереи монастырскихъ келій. Фонарики тускло освѣщали ихъ. Посѣтитель молчалъ и, еще болѣе закутавшись въ свою широкую накидку-пальто, все время о чемъ-то думалъ. Путь былъ далекій. Они прошли соборъ, свернули на-право, перешли дворъ и только послѣ этого вступили въ маленькій коридоръ. Келейникъ остановился и глухо сказалъ:

— Здѣсь.

Келейникъ благоговѣйно, осторожно, какъ кошка, коснулся рукой дверей. Изъ кельи доносились звуки цѣпей, звенѣвшихъ вслѣдствіе ударовъ о полъ. Звуки были мѣрные и какъ бы соотвѣтствовали колѣнопреклоненнымъ молитвамъ.

— Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа,—бархатнымъ голосомъ, нѣсколько нараспѣвъ, сказалъ келейникъ.

— Аминь!—отвѣтилъ ясный, но старый и нѣсколько надтреснутый, точно изъ далека, голосъ.

Посѣтитель, весь впирившійся взглядомъ въ дверь, какъ-то вздрогнулъ. Видимо, голосъ старца его испугалъ.

Келейникъ слегка пріотворилъ дверь и сталъ ее придерживать, стремясь пропустить посѣтителя.

Въ кельѣ стояли густыя волны ладана, кипарисоваго масла и жженыхъ восковыхъ свѣчей.

Было удушливо тепло.

Этотъ смѣшанный запахъ поразилъ его обоняніе и онъ инстиктивно отшатнулся въ сторону, взявшись длинной рукой за притолоку корридорчика. Этимъ воспользовался келейникъ, быстро прошелъ въ келью и, что-то сказавъ старцу, поспѣшно вышелъ обратно.

Въ отворенную дверь кельи вошелъ посѣтитель и, снявши съ головы шляпу, перекрестился подъ накидкой и затѣмъ преклонилъ колѣна.

Вся келья была увѣшена иконами. Стоялъ аналой, на

немъ разогнутое евангеліе. Келью тускло озаряла лампада, освѣщавшая уголъ съ темнымъ ликомъ Спаса нерукотвореннаго, и три желтыхъ восковыхъ свѣчи. Передъ аналоемъ стоялъ въ полномъ облаченіи священно-схимонахъ въ остроконечномъ клобукѣ, на которомъ были изображены Страсти Господни, въ схимѣ, на равномѣрномъ разстояніи затканной символами смерти и воскресенія, маленькій, очень старенькій и блѣдный, какъ лунь, монахъ. На лицѣ не было ни кровинки. Казалось, что плотское и земное умерло для этого лица. Лишь глаза, сѣрые, свѣтлые и маленькіе, блистали свѣтомъ дѣвственности и непорочности. Лицо холодное, мертвое, точно покрыто маской, безъ движенія. Губы тѣсно сомкнуты и бѣлая, какъ лунь, жидкая борода, неровными полосами спускалась къ груди.

Нѣсколько поодаль отъ аналоя прямо съ полу на высокихъ, толстыхъ и крѣпкихъ ножкахъ стоялъ простой, некрашеный гробъ, ввидѣ четыреугольнаго сруба. Внутри гроба, въ изголовьи, лежалъ обрубокъ березы, покрытый сложенной въ одинъ разъ епитрахилью, потянувшейся внизъ вдоль по ложу гроба. На изголовьи лежала небольшая икона Божьей Матери.

Взглянувъ на гробъ, черезъ полумракъ, черезъ туманъ отъ кадильнаго свѣта и отъ ѳиміама, посѣтитель въ мистическомъ страхѣ попятился назадъ и инстинктивнымъ движеніемъ еще выше поднялъ воротникъ своего пальто, почти закрывъ уши и нижнюю часть лица, до губъ.

Гробъ былъ ложемъ схимонаха. Здѣсь онъ забывался отъ бдѣнія въ постѣ и молитвѣ, немного, нѣсколько часовъ, прикрывшись своей рясой, но сонъ его былъ сномъ прозорливца, спящаго, но видящаго все совершающееся въ мірѣ. Чуткій сонъ святости и непорочности!

Старецъ стоялъ съ опущенными глазами, въ молитвенномъ созерцаніи, и, казалось, не чувствовалъ гостя. Онъ читалъ, шамкая, не спѣша, съ горячими и страстными удареніями на слогахъ, на запятыхъ и на собственныхъ именахъ псаломъ о спасеніи погибающихъ. Затѣмъ онъ положилъ долгій, низкій поклонъ въ землю, и при этомъ его вериги вновь зазвякали откуда-то извнутри...

Гость какъ-то съежился отъ внутренняго холода, точно отъ лихорадки.

Старецъ поднялся, широкимъ крестнымъ знаменіемъ осѣнилъ себя и, горячимъ, вдохновеннымъ взглядомъ, продолжительно посмотрѣвъ на икону Божьей Матери, обдалъ всю келью ѳиміамными куреніями изъ кадила. Затѣмъ онъ благословилъ келью. Келейникъ принялъ изъ рукъ его дымившееся кадило.

Старецъ перевелъ глаза на гостя. Лучистые глаза его смотрѣли кротко и мерцающимъ блескомъ, казалось, ободряли его.

— Боже духовъ и всякія плоти! Спаси царя и царство! Да будетъ благословенъ входъ и исходъ твой! Кто ты, пришедшій сюда и ищущій утоленія страданіямъ души своей?

Гость не отвѣчалъ. Онъ, весь высокій, заслонилъ собою дверь и смотрѣлъ на старца сверху.

— Самодержецъ, зачѣмъ ты у меня, здѣсь, чего ты хочешь?—сказалъ онъ такимъ далекимъ, мягкимъ голосомъ.

— Преподобный отецъ, вы узнали меня, — смущенно сказалъ посѣтитель.

Онъ опустилъ воротникъ. Лицо его было бритое, безъ усовъ и бороды, красивое, гармоническое, причемъ, нижняя часть лица представлялась явно чувственной, лобъ

широкій, длинный, съ лысиной, губы плотно сомкнутыя и большіе, грустные, страдающіе глаза.

— Не предупредили-ли васъ о моемъ приходѣ?—спросилъ Государь.

Схимонахъ опустилъ глаза и тихо, таинственнымъ голосомъ сказалъ:

— На правилѣ полунощномъ я молюсь о мірѣ и людяхъ, молюсь и о тебѣ, каждодневно, молюсь о мятущейся, страждущей, тоскливой и сирой душѣ твоей, Государь. Въ моихъ думахъ и видѣніяхъ о тебѣ, я часто зрю твои слезы и твои терзанія... Я ждалъ тебя давно, ждалъ твоего прихода съ трепетомъ отца, потерявшаго сына. Ты не зналъ меня, государь, а я тебя ждалъ. И ты самъ пришелъ ко мнѣ. Открой же, сынъ мой, тайная своя передъ лицемъ невидимаго Христа. Не бойся таинъ, освятись и очистись въ исповѣди! Исцѣлѣешь, государь.

Губы Александра улыбались, но глаза были холодны и погружены въ глубокую думу.

— Нѣтъ, нѣтъ, скорбь моя безгранична и неисцѣлима,—прошепталъ онъ.—Исповѣдь мнѣ не помогала. Сердце мое испепелилось отъ жара моей скорби. Мнѣ тяжко, преподобный... хуже, чѣмъ твои вериги, тяжелѣе давитъ мою душу скорбь...

— Что отягчаетъ душу твою, государь? — спросилъ старецъ.

Наступило молчаніе.

— Отецъ твой,—замогильнымъ голосомъ отвѣтилъ онъ себѣ вмѣсто Александра.

— Отецъ, отецъ,—весь затрепеталъ Александръ и какъ-то заволновался. На блѣдномъ лицѣ пятнами выступила алая кровь.

— Да, отецъ... я не знаю, виновенъ ли я, а если виновенъ, то въ чемъ, но мой отецъ умеръ невольно, не отъ

меня, а, между тѣмъ, я, одинъ я виню себя въ этомъ преступленіи. Я былъ молодъ, юнъ, старецъ, я не зналъ людей, не зналъ ихъ коварства, я былъ окруженъ злыми льстецами, не щадившими моей юности. Съ той ночи отецъ ходитъ за мной по пятамъ, сидитъ за моимъ столомъ, ѣдетъ со мной въ коляскѣ, бесѣдуетъ, манитъ меня за собой, и глаза у него печальные, страшные. Я не могу жить въ Россіи, не могу жить въ Петербургѣ. Покойный государь преслѣдуетъ мою душу всюду и вездѣ. Вотъ даже сейчасъ я вижу его лежащимъ въ твоемъ гробу... Вотъ онъ, мой отецъ... Я больше не могу, преподобный, спаси и помоги... Укрѣпи мой духъ. Что мнѣ дѣлать?! Я изнемогъ.

Александръ закрылъ лицо руками и сталъ тихо плакать.

Схимонахъ пристально, внимательно посмотрѣлъ на него и твердо, но раздѣльно сказалъ ему:

— Ты видишь отца своего даже въ этомъ моемъ гробѣ?!

Александръ продолжалъ плакать.

— Властитель полу-міра, царь царей, не въ цареніи твое спасеніе, а въ гибели, въ гробѣ. Что власть и сила? Не туманъ-ли предразсвѣтный?! Не утренняя ли заря?! Брось, государь, этотъ тлѣнъ, прахъ и суету. Пусть другіе правятъ, сильнѣе, чѣмъ ты, а ты уйди, исцѣлись гробомъ. Думаешь ли ты, что ты первый государь, меня посѣщающій? Здѣсь бывалъ и твой вѣнценосный отецъ.

— Какъ, мой отецъ?!—и Александръ въ какомъ-то мистическомъ ужасѣ сталъ пятиться къ дверямъ.—Онъ входилъ въ эту дверь, говорилъ съ тобой въ этой кельѣ?

— Да, государь, онъ стоялъ тамъ-же, гдѣ стоишь ты. Онъ былъ одинъ, какъ и ты, маленькій, блѣдный. Онъ спросилъ меня, скоро ли онъ умретъ. Я ему указалъ время, когда, и чтобы онъ готовился... Время это было близко... Злобы людской и ненависти много накопилось

вокругъ. О, вы всѣ въ крови.. Много на васъ всѣхъ крови. Кровь эту долженъ искупить ты, искупить такъ, какъ искупилъ Христосъ грѣхъ человѣчества. Если не искупишь ты, то погибнетъ царствое твое, смутится... въ крови вы всѣ и отъ крови не уйдете... Больше тебя некому спасти твой родъ. Душа твоя единственная, чистая, святая будетъ угодна Богу. Другихъ такихъ, какъ ты, не будетъ. Дерзай, государь, брось суету и царенiе, умри, какъ властитель, и поднимись въ постѣ, молитвѣ и бдѣнiи, какъ рабъ и слуга Божiй. Спадутъ тогда съ тебя душевныя тревоги, и отецъ твой примирится съ тобой. Грѣхъ твой великъ и неисцѣлимъ... Уйди въ гробъ, исцѣлись имъ.

Замогильный голосъ старца былъ твердъ, голосъ посвященiя въ схиму.

Александръ съ текущими по щекамъ слезинками посмотрѣлъ на иконы. Старецъ читалъ молитву, перебирая черныя четки... Потомъ сказалъ:

— Хочешь ли спасенiя, хочешь ли искупить тяжкiя грѣхи крови рода твоего, на тебѣ почившiе?

— Хочу,—отвѣтилъ государь.

— Преклони колѣни предъ аналоемъ и симъ святымъ евангелiемъ.

Александръ сталъ на колѣни. Схимонахъ покрылъ его своей мантiей и сталъ читать надъ нимъ стихъ посвященiя, отпущенiя и отреченiя отъ царства. Александръ сталъ какъ-то нервно вздрагивать и затѣмъ рыдать, и если бы его не придерживалъ схимонахъ, онъ упалъ бы въ глубокомъ волненiи недалеко отъ гроба. Затѣмъ, еще не поднимая его и отвернувъ мантiю, старецъ сталъ внимательно глядѣть ему въ глаза, носъ, уши, губы, дунулъ ему въ лице трижды и сказалъ:

— Духъ, во мнѣ пребывающiй, да будетъ въ тебѣ втройнѣ!

Государь всталъ, трижды облобызался со схимонахомъ, приложился ко святому евангелію и сталъ собираться уѣзжать...

— Ты посвященъ, государь, въ великое служеніе... тебѣ предстоитъ великій путь, надлежитъ пройти великій искусъ. Уйди изъ предѣловъ столицы твоей, отряси прахъ твой! Ты служилъ царству твоему, послужи теперь Богу. Череда пришла. Буди препрославлено царство, держава и великолѣпіе твое, отецъ міра. Аминь. Иди теперь, государь...

Александръ вышелъ, смущенный. Вновь онъ нахлобучилъ мягкую шляпу чуть не до глазъ и, высоко поднявъ воротникъ раскидного пальто, направился къ той же боковой калиткѣ, черезъ которую онъ пришелъ.

На другой день было объявлено, что черезъ нѣсколько дней, вслѣдствіе нездоровья императрицы, Дворъ выѣзжаетъ для леченія на югъ Россіи. Государь спѣшилъ. Было приказано, чтобы по дорогѣ были отмѣнены всякіе депутаціи, пріемы и смотры. Дорога, избранная государемъ отъ Петербурга до Таганрога, была не той обычной дорогой, по которой ѣздили всѣ, а другая, новая, по указаніямъ самого Государя, проходившая по такимъ мѣстамъ, по которымъ никто никогда не ѣздилъ, лишь бы избѣжать торжественныхъ встрѣчъ. Поэтому былъ отданъ приказъ всѣ эти дороги спѣшно ремонтировать на всемъ протяженіи отъ Петербурга до Таганрога.

II.

Всѣ дни до отъѣзда Александръ былъ мраченъ. Много часовъ въ день онъ проводилъ у императрицы Елизаветы Алексѣевны, чего съ нимъ давно не было. Онъ съ ней велъ особенныя бесѣды, наединѣ, вдали ото всѣхъ.

Консиліумъ врачей указывалъ Италію, Южную Францію или Южную Россію для поправленія здоровья больной императрицы, и Государь, послѣ неоднократныхъ съ ней собесѣдованій, избралъ не заграничное лечебное мѣсто, а маленькій, глухой городокъ на берегу Азовскаго моря—Таганрогъ. Никто не понималъ, почему Азовское море и почему Таганрогъ. Побережье Азовскаго моря не отличается качествами и достоинствами крымскихъ береговъ Чернаго моря. Тутъ очень часты вѣтры, стужи, снѣжные заносы и грозныя бури. Говорить о томъ, что въ Таганрогѣ можно было получить не только климатическое, но и экстренное врачебное леченіе, конечно, нельзя. Наоборотъ, Таганрогъ было самое неудобное мѣсто для леченія. Семь лѣтъ тому назадъ, въ 1818 г., Александръ I здѣсь прожилъ нѣсколько времени. Для него былъ выстроенъ небольшой дворецъ, но это пребываніе на берегахъ Азовскаго моря имѣло для него скорѣе эпизодическій характеръ. Онъ, вѣроятно, въ своихъ безпрерывныхъ путешествіяхъ никогда и не вспоминалъ о Таганрогѣ. Теперь же, при опредѣленіи врачей, онъ почему-то о немъ вспомнилъ. Гораздо лучше было бы ѣхать императрицѣ на зиму для леченія на лучезарные берега Чернаго моря, которые въ тѣ времена были еще дики и не культивированы, но герцогъ Ришелье и гр. М. С. Воронцовъ уже поставили городъ Одессу, которая представлялась центромъ тогдашней европейской культуры на югѣ Россіи. Наконецъ, можно было создать свой собственный уголъ, купить имѣніе и поселить тамъ императрицу. Однако, несмотря на всѣ эти соображенія, Александръ неожиданно для всѣхъ поставилъ резолюцію ѣхать двору съ чрезвычайно маленькой свитой, состоящей изъ весьма преданныхъ людей, въ Таганрогъ.

Не нужно забывать, что возлѣ Таганрога похоронена

знаменитая теософка баронесса Крюденеръ, эманацію мистическихъ флюидовъ и авторитетъ которой надъ собой Александръ признавалъ всю жизнь. Г-жа Крюденеръ была для Александра олицетвореніемъ высшей святости. Поближе къ ней стремился онъ побыть послѣдніе дни своего нахожденія у власти, помолиться на ея могилѣ и въ таинственномъ общеніи астральныхъ душъ слиться съ ней во-едино, какъ символъ единенія земли съ небомъ. Тутъ, въ Таганрогѣ, онъ исполнялъ ея завѣты и требованія, высказанные ею въ такой властной и категорической формѣ въ Вѣнѣ—о необходимости для него отреченія отъ власти и посвященія себя Богу.

Прежде всего, царь приказалъ отмѣнить всѣ военные смотры 2-ой арміи, назначенные подъ Бѣлой Церковью, въ Кіевской губерніи, и сдѣлалъ распоряженіе, чтобы вполнѣ преданный ему кн. Петръ Мих. Волконскій, передъ тѣмъ только-что вернувшійся изъ Парижа послѣ коронаціи Карла X, на которой онъ былъ представителемъ Александра, сопровождалъ императрицу, отъѣздъ которой былъ назначенъ на 3 сент. 1825 г.

Самъ- же Александръ, не ожидая государыни, рѣшилъ уѣхать одинъ, 1 сент. въ сопровожденіи ген.-адъютанта Дибича, начальника его штаба, докторовъ—лейбъ-медика баронетта Вилліе и Тарасова и вагенемейстера полковника А. Д. Соломко, 4 оберъ-офицеровъ и очень небольшого штата прислуги.

Обстоятельства, при которыхъ совершался отъѣздъ государя, были, дѣйствительно, исключительны. Государь и раньше бывалъ почти въ постоянной, безвѣстной для Петербурга отлучкѣ, но всякіе прежніе его отъѣзды изъ столицы не были столь суетливы, поспѣшны и не носили такого характера неподготовленности. Царь былъ сумраченъ. Его всѣмъ извѣстная мягкая улыбка на чувствен-

ныхъ губахъ при холодномъ блескѣ лучистыхъ глазъ раскрывалась только для женщинъ и для членовъ дипломатическаго корпуса. Съ другими онъ былъ холоденъ и вѣжливъ.

Передъ отъѣздомъ государь пригласилъ своего «30-лѣтняго друга» министра духовныхъ дѣлъ кн. А. Н. Голицына и просилъ его положить актъ о престолонаслѣдіи въ тѣ мѣста, которыя ему указаны, для храненія на случай какихъ-нибудь чрезвычайныхъ обстоятельствъ.

Вообще, самое желаніе Александра имѣть такой актъ наготовѣ и положить его въ особо надежное мѣсто показалось кн. А. Н. Голицыну нѣсколько необычнымъ.

Государь уѣзжалъ изъ Петербурга и раньше, его отлучки бывали продолжительны, но никогда не возбуждался вопросъ о храненіи актовъ о престолонаслѣдіи. Даже «другъ» царя былъ въ недоумѣніи и не зналъ, что думать.

Однако, онъ сказалъ:

— Осмѣлюсь доложить, Ваше Величество, что я не считаю удобнымъ для государственности сохранять въ тайнѣ такія важные документы, какъ актъ о престолонаслѣдіи, передъ тѣмъ, какъ Ваше Величество отправитесь въ продолжительное путешествіе и изволите пребывать вдали отъ столицы. Пути Господни неисповѣдимы, въ животѣ и смерти мы не вольны, государь, и во-время неопубликованный актъ о замѣщеніи престола можетъ повести къ излишнему броженію и смущенію умовъ. Кто можетъ намъ предсказать, каковъ будетъ нашъ завтрашній день?!—и кн. Голицынъ набожно сложилъ руки пальцами внутрь, воздѣвъ ихъ по-масонски кверху.

Александръ молчалъ, о чемъ-то подумалъ и сказалъ:

— Положимся на Бога, Голицынъ. Онъ устроитъ все лучше насъ, слабыхъ смертныхъ. Я прошу тебя заняться

сейчасъ разборкой бумагъ въ моемъ кабинетѣ: все, что относится ко мнѣ, ты положи въ мой дорожный портфель, секретныя бумаги отложи въ сторону, я ихъ пересмотрю, а бумаги по государственному управленію возьми къ себѣ, рѣши ихъ.

Кн. Голицынъ очень внимательно посмотрѣлъ на Александра.

Александръ какъ бы отвѣтилъ ему внутренно:

— Я усталъ, Голицынъ, очень усталъ, точно бы душа моя надломилась, сдѣлалась такой хрупкой—и онъ какъ-то таинственно, долгимъ взглядомъ посмотрѣлъ въ окно своего кабинета, а потомъ тихо добавилъ:

— Пора все это оставить... Бремя власти велико, безгранично тяжко. Для молитвъ мало остается времени, для очищенія души отъ грѣховъ. Не будетъ намъ прощенія, Голицынъ, если мы не будемъ долго и усердно молиться.

Князь А. Н. Голицынъ, хорошо знавшій характеръ и настроенія Александра, почувствовалъ, что на этотъ разъ у него имѣется какое-то твердое намѣреніе, которое онъ скрываетъ, но ничего не сказалъ, приступивъ къ исполненію порученія государя.

На разсвѣтѣ на 1 сент. Александръ покинулъ Петербургъ. Глубокой ночью, одинъ, безъ свиты, выѣхалъ онъ изъ своего Каменноостровскаго дворца. Тройка лошадей съ кучеромъ Ильей Байковымъ на козлахъ понесла его въ Александро-Невскую лавру.

Въ 4 съ четвертью утра, еще разсвѣтъ не забрезжилъ, тройка остановилась у воротъ монастыря.

Здѣсь въ предверіи собора, Государя ждали митрополитъ Серафимъ, архимандриты въ полномъ монашескомъ облаченіи и вся братія лавры.

Александръ поспѣшно вышелъ изъ коляски, принялъ

благословленіе отъ митрополита и, приказавъ закрыть ворота, прошелъ прямо въ главную церковь собора.

Государь былъ въ фуражкѣ, шинели и сюртукѣ, но безъ шпаги, этого атрибута войны и крови. Послѣднее обстоятельство было характерно и ново для Государя, любившаго военную форму и придававшаго ей, согласно традиціямъ Павла I, извѣстное формальное значеніе.

Монахи шли вслѣдъ за Государемъ и пѣли тропарь: «Спаси, Господи, люди твоя».

Государь вошелъ въ соборъ и, не говоря ни слова, направился къ ракѣ св. Александра Невскаго...

Онъ горячо, колѣнопреклоненно началъ молиться, клалъ низкіе поклоны и про себя шепталъ слова молитвъ.

Въ это время началась служба. То не было молебствіе, напутствующее Государя въ его дальній путь и молящее Творца о дарованіи ему счастливаго пути. То было нѣчто иное, чѣмъ молебствіе... Панихида... То была панихида—по умершемъ царѣ, по боляринѣ Александрѣ и всенародное посвященіе его въ монашескій чинъ.

Въ прежніе разы, когда Государь уѣзжалъ изъ столицы, также бывали молебствія, но они носили болѣе или менѣе торжественный или даже оффиціальный характеръ и совершались въ присутствіи не только монашествующихъ, но и цѣлаго ряда другихъ лицъ.

Государь былъ очень блѣденъ и сосредоточенъ.

Однако, панихида, а если и не панихида, то служеніе, близкое къ нему по своему церковному ритуалу, весьма вѣроятно, то, которое употребляется при посвященіи въ чинъ монашества, но, во всякомъ случаѣ, не молебствіе, служилось самимъ митрополитомъ въ сослуженіи всѣхъ наличныхъ архимандритовъ и всей монастырской братіи. При этомъ имя «болярина Александра» поминалось

очень скупо и рѣдко. Должно быть, было опасеніе, что братія догадается о совершаемомъ великомъ таинствѣ.

Начали читать Евангеліе. Тогда Александръ приблизился къ митрополиту и сказалъ:

— Положите мнѣ на голову Евангеліе.

Митрополитъ исполнилъ его желаніе, а самъ Государь сталъ на колѣни подъ Евангеліе.

Служеніе кончилось. Государь всталъ. Опять направился къ ракѣ съ мощами св. благовѣрнаго Александра Невскаго, приложился къ его образу и, раскланявшись общимъ поклономъ со всѣми, бывшими на служеніи, направился къ выходу изъ собора.

Митрополитъ Серафимъ сказалъ Александру:

— Ваше Величество, не угодно ли пожаловать ко мнѣ въ келію?

— Очень хорошо,—сказалъ Государь,—только ненадолго... я уже и такъ полчаса по маршруту промѣшкалъ.

Тогда всѣ бывшіе на служеніи повернули отъ собора къ дому митрополита и вышли въ залу.

Государь съ митр. Серафимомъ удалились въ гостиную.

Въ дальней гостиной митр. Серафимъ представилъ Государю «достопочтеннаго отца Алексѣя». Онъ былъ старъ, но это была еще бодрая, сильная старость.

— Удостойте, государь, посѣщеніемъ и моей келіи.

— Хорошо. Проведите меня.

Тяжелая, мрачная картина предстала передъ государемъ въ кельѣ схимника. Полъ и стѣны были обиты чернымъ сукномъ. Съ лѣвой стороны отъ входа, у стѣны, стояло большое Распятіе со стоящими Богоматерью и евангелистомъ Іоанномъ; у другой стѣны келіи тянулась черная, длинная, деревяная скамья. Лампада тускло освѣщала мрачную келью старца.

Когда Государь вошелъ, то схимникъ палъ передъ Распятіемъ и, обратясь къ нему, сказалъ:

— Государь, молись!

Александръ сдѣлалъ три глубокихъ земныхъ поклона, а схимонахъ, взявши крестъ, прочелъ отпускъ и осѣнилъ Государя.

Когда молитва кончилась, Государь спросилъ митрополита:

— Все-ли здѣсь имущество схимника? Гдѣ онъ спитъ? Я не вижу его постели.

— Спитъ онъ—отвѣчалъ митрополитъ,—на семъ-же полу, предъ симъ самымъ распятіемъ, предъ которымъ молится.

Схимникъ, вслушавшійся въ вопросъ Государя, всталъ и сказалъ:

— Нѣтъ, Государь, и у меня есть постель... Пойдемъ, я покажу ее тебѣ.

Схимникъ повелъ Александра за перегородку въ своей кельѣ.

Тамъ глазамъ его предстало особенное зрѣлище: на низкомъ столѣ стоялъ весь черный гробъ, въ которомъ были положены схима, икона Божьей Матери въ чудесахъ, свѣчи и все, что нужно для погребенія.

— Смотри, государь, вотъ моя постель, и не моя только, но постель всѣхъ живущихъ на землѣ человѣческихъ тварей. Въ нее мы ляжемъ всѣ, государь, и лежать будемъ долго, покуда не призоветъ насъ Господь.

Александръ погрузился въ глубокое молчаніе... Прошло нѣсколько очень томительныхъ минутъ.

Вся эта обстановка произвела на Александра сильное впечатлѣніе.

Когда онъ нѣсколько отошелъ отъ гроба, то схимникъ сказалъ ему:

— Государь, я—человѣкъ старый и много видѣлъ на свѣтѣ... Благоволи выслушать слова мои. До великой чумы въ Москвѣ нравы были чище, народъ набожнѣе, но послѣ чумы нравы испортились. Въ 1812 году наступило время исправленія и набожности, но по окончаніи войны сей нравы еще болѣе испортились. Ты—государь нашъ и долженъ бдѣть надъ нравами. Ты—сынъ православныя церкви и долженъ любить и охранять ее. Такъ хочетъ Господь Богъ нашъ.

Выслушавъ старца, Александръ сказалъ митрополиту:

— Много длинныхъ и краснорѣчивыхъ рѣчей слышалъ я, но ни одна такъ мнѣ не понравилась, какъ эти краткія слова этого старца. Жалѣю,—обратился онъ къ схимнику,—что я давно съ тобою не познакомился, но теперь я чаще стану навѣщать тебя, когда буду въ Петербургѣ.

Принявъ отъ него благословленіе, Александръ вышелъ вмѣстѣ съ митрополитомъ изъ кельи.

Александръ былъ въ сильномъ душевномъ волненіи и вдругъ... заплакалъ.

Когда онъ садился въ коляску, то проникновенно сталъ глядѣть на небо, а затѣмъ, не покрывая голову фуражкой и держа ее въ рукѣ, Александръ обратился къ митрополиту и ко всей братіи:

— Помолитесь обо мнѣ и о женѣ моей!

Проѣзжая дворомъ Лавры, онъ часто оборачивался, кланялся и крестился, пристально глядя на соборъ.

Уже разсвѣтало, когда Александръ подъѣхалъ къ заставѣ.

Передъ самымъ выѣздомъ изъ города, Александръ приказалъ кучеру Ильѣ Байкову остановиться. Онъ всталъ въ самой коляскѣ во весь свой высокій ростъ, повернулся лицомъ въ сторону Петербурга и, слегка освѣщаемый солнцемъ, медленно встававшимъ, нѣсколько минутъ сто-

ялъ въ полной задумчивости, какъ бы навѣки прощаясь со своей столицей.

Кучеръ Илья видѣлъ лицо Государя: оно было очень блѣдно, сосредоточено и угрюмо. Какая-то несвойственная ему рѣшимость, твердость воли сказывались въ этомъ молчаливомъ прощаніи съ Петербургомъ.

Государь неопредѣленно, неизвѣстно въ чью сторону, кивнулъ головой по направленію къ городу и затѣмъ, сдѣлавъ легкое движеніе правой рукой, точно бы махнулъ ею, приказалъ ѣхать, какъ можно скорѣе.

ТАГАНРОГЪ.

Путешествіе Александра I по Крыму. Смотры. Простуда Александра I. Пріѣздъ фельдъегеря Маскова изъ Петербурга съ бумагами для государя.—Смерть фельдъегеря Маскова 3 ноября у ст. Орѣхова.—Государь приказываетъ д-ру Д. К. Тарасову, помощнику лейбъ-медика Вилліе, остаться при разбившемся на смерть Масковѣ и доложить ему о ходѣ его болѣзни.—Смерть Маскова.—Болѣзнь Александра I (5—19 ноября).—Смерть Александра I.

III.

ТАГАНРОГЪ.

(Смотры и объѣзды Крыма и Области Войска Донского).
Октябрь, 1825 г.

---

13 сентября 1825 года Александръ прибылъ въ Таганрогъ. Имп. Елизавета Алексѣевна пріѣхала недѣли двѣ спустя, 23 сентября.

Соединенный дворъ императора и императрицы составляли слѣдующія лица: 1) генералъ-адъютантъ баронъ Дибичъ, 2) генералъ-адъютантъ кн. П. М. Волконскій, 3) статсъ-секретарь Лонгиновъ, камеръ-фрейлины: 4) княжна В. М. Волконская и 5) Е. П. Валуева, лейбъ-медики: 6) баронетъ Вилліе, 7) Стоффрегенъ (исключительно для императрицы), доктора: 8) Тарасовъ, 9) Доббертъ и 10) Рейнгольдъ, 11) вагенмейстеръ полк. А. Д. Соломко, 12) четыре оберъ-офицера, 13) придворный аптекарь Проттъ,

14) двѣ камеръ-юнгферы и 15) небольшой штатъ низшей прислуги.

Изъ нихъ особенной довѣренностью Александра, относительно всего, что касалось лично его интимной жизни, пользовались слѣдующія 3 лица: а) бар. Дибичъ, начальникъ штаба Государя, в) П. М. Волконскій и с) лейбъ-медикъ баронетъ Вилліе.

Къ нимъ былъ присоединенъ впослѣдствіи еще одинъ—докторъ Тарасовъ, специалистъ по бальзамированію труповъ.

Остальныя лица, причисленныя ко двору императора и императрицы и пріѣхавшія вмѣстѣ съ ними, особой, интимной благослонностью не пользовались и не всегда допускались во внутренніе покои государя. Можно было бы сдѣлать исключеніе для генерала-вагенмейстера полковника А. Д. Соломко, котораго Государь называлъ «моя золотая соломка» и бралъ съ собою всюду, но полк. Соломко, завѣдывавшій экипажной частью двора и маршрутами, цѣнился за преданность особѣ Государя, какъ «гатчинецъ», но не какъ умный, чуткій другъ государя, способный оцѣнить и уврачевать его душевное страданіе. Полковнику Соломко можно поручить все, что касалось внѣшней жизни Государя, онъ былъ вѣрный слуга, но не сердце и душу государя.

Такимъ образомъ, кругъ людей, посвященныхъ въ тайну, былъ сильно съуженъ и ограничивался тремя лицами. Къ этимъ тремъ надо прибавить еще два лица — императрицу Елизавету Алексѣевну, которая обо всемъ была освѣдомлена еще въ Петербургѣ, и д-ра Тарасова.

Не всѣ лица государевой свиты проживали въ маленькомъ дворцѣ, непосредственно по сосѣдству съ государемъ, нѣкоторыя жили на частныхъ квартирахъ. Въ самомъ дворцѣ, въ непосредственной близости къ государю,

жили только три указанныхъ лица: кн. П. М. Волконскій, бар. Дибичъ и баронетъ Вилліе.

Низшая прислуга жила въ надворныхъ флигеляхъ.

Такимъ образомъ, по существу дѣла, въ таганрогскомъ дворцѣ Александра проживала небольшая семья людей, знавшихъ дѣло Государя, преданныхъ ему и вполнѣ умѣвшихъ молчать.

Когда Александръ прибылъ въ Таганрогъ, то онъ отказался показать всѣмъ окружающимъ, что онъ здѣсь останется не очень долгое время, можетъ быть, на цѣлый годъ. Онъ началъ собственноручно все подготовлять къ пріѣзду императрицы, даже гвозди вколачивалъ самъ для подвѣшиванія картинъ, приводилъ въ порядокъ городской садъ и, казалось, весь былъ поглощенъ мыслями о комфортабельномъ устройствѣ жилища. Всѣ видѣли заботы и труды Александра и, естественно, дѣлали заключенія, что Александръ пріѣхалъ въ Таганрогъ надолго и пріѣхалъ для поправленія здоровья императрицы.

И маленькій дворъ, и населеніе Таганрога, естественно, день-ото-дня увѣрялись, что единственной причиной, побудившей государя оставить Петербургъ, была болѣзнь государыни. Слухи объ этомъ росли и крѣпли, тѣмъ болѣе, что здоровье самого государя не внушало никакихъ опасеній.

Можно смѣло утверждать, что въ планъ отреченія отъ престола столь необычнымъ способомъ, какъ уходъ въ старчество схимонашескаго типа, было посвящено только одно лицо, это—императрица Елизавета Алексѣевна. Никто изъ другихъ, преданныхъ государю лицъ, не только до Таганрога, но даже и поближе къ моменту его оффиціальной кончины, не зналъ предстоящей тайны—и только за нѣсколько дней, такъ числа 14—15 ноября, а день кончины назначенъ былъ на 19 ноября,—объ этомъ узнали

ген.-адъютантъ П. М. Волконскій и баронетъ Виллie. Что касается д-ра Тарасова, прикомандированнаго къ императрицѣ, и приглашеннаго за нѣсколько дней къ государю, то его миссія заключалась только въ томъ, чтобы лечить и впослѣдствіи бальзамировать тѣло государя. Конечно, онъ наткнулся на цѣлый рядъ вопросовъ и несообразностей, которые привели его въ полное недоумѣніе, и какъ человѣкъ менѣе сдержанный, чѣмъ баронетъ Виллie, позволилъ себѣ осторожно, но, все же, недвусмысленно не соглашаться съ діагнозомъ болѣзни, сдѣланной его патрономъ. Тогда, очевидно, послѣ оффиціальной кончины Александра, выступаютъ впередъ кн. П. М. Волконскій и баронетъ Виллie и производятъ на д-ра Тарасова моральное давленіе, требуя сохраненія тайны создавшагося положенія и признанія трупа въ интересахъ высшей династической и политической тайны за трупъ Александра I. Д-ръ Тарасовъ подчиняется, но въ своихъ «Запискахъ», написанныхъ много позже, хотя и сдерживается, но кое на что намекаетъ.

Императрица пріѣхала 23 сентября. Переѣздъ долженъ былъ быть длиннымъ и утомительнымъ. Казалось бы, «слабое здоровье и изнуреніе силъ», которыя ей не позволяли въ Петербургѣ дѣлать даже малѣйшее движеніе, должны бы были увеличиться отъ далекаго пути съ сѣвера на югъ Россіи, но вышло какъ разъ наоборотъ. Имп. Елизавета Алексѣевна пріѣхала бодрой, здоровой, сама, безъ посторонней помощи, сошла съ экипажа въ церковь подъ руку съ государемъ.

Черезъ нѣсколько дней она еще больше окрѣпла и физически, и морально.

Государь сдѣлался въ отношеніи ея мягкимъ, нѣжнымъ, предупредительнымъ и внимательнымъ, чего за послѣдніе 10—15 лѣтъ съ нимъ не бывало, предупреждалъ

всѣ ея желанія, устраивалъ всевозможныя развлеченія, лишь бы государыня не скучала.

Не слѣдуетъ забывать, что Александръ женился на ней въ то время, когда ему было 15, а ей всего 14 лѣтъ, и въ послѣдніе годы ихъ семейной жизни разрывъ между супругами былъ полный и окончательный. Александръ увлекался другими женщинами и былъ въ постоянныхъ разъѣздахъ, а государыня оставалась дома и молилась. Жизнь ея была строго замкнута, монотонна и находилась подъ строгимъ моральнымъ контролемъ вдовствующей имп. Маріи Ѳеодоровны, жившей въ Павловскѣ послѣ убійства Павла I и рѣдко пріѣзжавшей въ Петербургъ, но зорко за всѣмъ слѣдившей черезъ своихъ ей преданныхъ при дворѣ слугъ.

Передъ отъѣздомъ императрицы въ Таганрогъ и передъ ея оффиціальной болѣзнью, когда потребовался консиліумъ врачей и ей было предложено выѣхать на югъ для поправленія здоровья, Александръ примирился съ ней и проводилъ съ ней вечера въ длинныхъ одинокихъ бесѣдахъ. О чемъ они говорили? Конечно, пока объ этомъ никому ничего неизвѣстно: Александръ умѣлъ быть скрытнымъ и прикрываться маской лицемѣрія. Этотъ даръ былъ имъ усвоенъ еще при дворѣ его бабушки, Екатерины II. Однако, если заняться разработкой и разборкой архивовъ маркграфини Баденской, уцѣлѣвшихъ отъ самовластительной руки имп. Николая I, порвавшаго много писемъ и документовъ, относившихся къ царствованію Александра I, то тамъ, вѣроятно, можно было бы найти остатки переписки имп. Елизаветы Алексѣевны съ матерью, изъ которой мы многое узнали бы.

Во всякомъ случаѣ, факты остаются фактами: 1) Александръ, несмотря на долголѣтній перерывъ отношеній съ женой, неожиданно для нея самой, съ ней примирился

и сталъ проводить съ ней дни и ночи послѣднихъ мѣсяцевъ передъ своею оффиціальною «смертью» въ одинокихъ бесѣдахъ, что не могло не поразить тонкихъ и молчаливыхъ наблюдателей двора, состоящихъ при государяхъ, и 2) государыня, оффиціально больная, разслабленная, едва имѣющая силы подняться съ постели, благополучно совершаетъ довольно утомительный переѣздъ на лошадяхъ отъ Петербурга до Таганрога въ теченіи 20 дней и, вопреки всякимъ ожиданіямъ, не разслабляется еще больше, а, наоборотъ, оказывается здоровой, бодрой и крѣпкой.

Самъ Государь почти каждый день гулялъ пѣшкомъ по Таганрогу; никому не возбранялъ къ себѣ подходить, разспрашивать и говорить. Съ внѣшней стороны онъ былъ веселъ и вполнѣ покоенъ духомъ, никто не могъ догадаться, что дѣлалось въ его душѣ. На устахъ была свойственная ему улыбка,—это постоянное растянутое положеніе губъ, всегда свидѣтельствующее о неискренности и двойственности натуры.

Несмотря на внѣшнее довольство, Александръ внутри былъ очень непокоенъ, все о чемъ-то думалъ и часто бывалъ крайне сосредоточенъ, иногда не отвѣчая на привѣтливые поклоны горожанъ. Это состояніе задумчивости и сосредоточенности особенно посѣщало его, когда онъ былъ на окраинѣ города, гдѣ онъ былъ болѣе или менѣе свободенъ отъ вниманія случайныхъ лицъ. Въ предѣлахъ города онъ очень сдерживалъ себя и смотрѣлъ на встрѣчавшихся съ нимъ со свойственной ему очаровательной привѣтливостью, но на окраинѣ города, гдѣ было людей мало, онъ весь отдавался своимъ сокровеннымъ думамъ.

Въ это же время онъ сталъ почему-то болѣе подозрителенъ и какъ-то инстинктивно не довѣрялъ людямъ. Такъ, разсказываютъ, что, однажды, во время ѣды онъ

замѣтилъ въ сухарѣ какой-то камешекъ. Онъ его бережно вынулъ, разсматривалъ и потомъ приказалъ разслѣдовать, что это за камешекъ... Оказалось, что камешекъ былъ, какъ камешекъ, и ядовитаго въ немъ ничего не было. Но эта подозрительность была сильно симптоматична, такъ какъ онъ, повидимому, боялся, чтобы его не отравили.

Вмѣстѣ съ тѣмъ развивалась и его глухота. Собственно, это не была глухота въ полномъ смыслѣ слова, а лишь тугоухіе, такъ какъ на тугое ухо онъ, все же, слышалъ и лишь долженъ былъ дѣлать извѣстное усиліе, наклонивъ ухо и голову, чтобы яснѣе и лучше слышать говорившаго.

Высокаго роста, статный и стройный, съ классическими чертами лица въ верхней части и съ чувственными внизу (нижняя, толстая губа, плоскій, плотный подбородокъ), онъ держался прямо, строго, по-военному, закладывая большой палецъ лѣвой руки за бортъ своего сюртука, а правую держа вдоль по линіи тѣла, какъ бы готовую сдѣлать величественный жестъ командованія или приказанія.

Разговаривая съ кѣмъ-либо, онъ любилъ прохаживаться по комнатѣ и, по странной привычкѣ, слушая собесѣдника, становился спиной къ какому-нибудь окну. Выслушавши, онъ отъ него отходилъ.

Стремленіе верхней части туловища къ горбленію можно было легко замѣтить.

Миръ и благоволеніе въ Таганрогскомъ домашнемъ кругу прекратились черезъ довольно непродолжительное время, такъ какъ Александра потянуло попутешествовать. Страсть къ передвиженію съ мѣста на мѣсто была у него велика. Съ другой стороны, кажется, онъ хотѣлъ пока-

зать себя возможно большому числу людей передъ тѣмъ, какъ уйти отъ нихъ.

Сначала онъ уѣхалъ, съ 11 по 15 октября, на 5 дней, въ Землю Войска Донского, а оттуда для обозрѣнія Крыма по всеподданнѣйшему ходатайству Новороссійскаго ген.-губернатора графа М. С. Воронцова, резиденція котораго была въ Одессѣ.

Въ самый канунъ отъѣзда приключилось съ Государемъ одно, по существу ничтожное и заурядное обстоятельство, но для суевѣрныхъ людей имѣющее нѣкоторое провиденціальное значеніе.

Дѣло происходило во дворцѣ, въ Таганрогѣ, по возвращеніи изъ Области Войска Донского. Государь находился въ своемъ кабинетѣ. Было 4 часа пополудни. На небо нашла черная туча. Всюду потемнѣло. Сдѣлалось темно и въ кабинетѣ у государя. Онъ приказалъ камердинеру подать свѣчи. Камердинеръ Анисимовъ подалъ ихъ и ушелъ. Вскорѣ прояснилось, и нужда въ свѣчахъ исчезла. Камериднеръ осмѣлился войти и доложить государю:

Не прикажите ли, ваше величество, принять свѣчи?

Государь спросилъ:

— Для чего?

— Для того, государь, что по-русски со свѣчьми днемъ писать не хорошо.

— Развѣ въ этомъ что-либо заключается?—спросилъ снова государь.—Скажи правду, ты вѣрно, думаешь сказать, что, увидѣвъ съ улицы свѣчи, люди могутъ подумать, что здѣсь покойникъ?

— Да, государь, такъ думаютъ русскіе...

— Ну, когда такъ,—сказалъ Александръ,—то возьми свѣчи.

20 октября Александръ выѣхалъ изъ Таганрога въ

Крымъ въ сопровожденіи ген.-адъютанта, барона Дибича, лейбъ-медика баронетта Вилліе, доктора Тарасова и вагенмейстера полк. Соломко.

Первые дни путешествія государь былъ весьма оживленъ и веселъ.

Побывали въ Маріуполѣ, въ менонитскихъ колоніяхъ по рѣкѣ Молочной, въ Симферополѣ, въ Гурзуфѣ, въ Никитскомъ саду и въ Оріаднѣ, которую государь купилъ у графа Кушелева-Безбородко и гдѣ мечталъ поселиться въ качествѣ простого помѣщика вмѣстѣ съ кн. П. М. Волконскимъ.

Оріадна ему очень понравилась, и онъ началъ мечтать о томъ, что онъ здѣсь поселится навсегда и для этого выйдетъ въ отставку, заживетъ лично для себя.

— Я скоро переселюсь въ Крымъ, — сказалъ однажды государь мечтательно,—я буду жить частнымъ человѣкомъ. Я отслужилъ 25 лѣтъ, и солдату даютъ за этотъ срокъ отставку.

Обращаясь же къ кн. Волконскому, онъ говорилъ:

— Ты тоже выйдешь въ отставку и будешь у меня библіотекаремъ.

Изъ Симферополя Александръ проѣхалъ верхомъ въ Алупку, гдѣ жилъ въ это время гр. М. С. Воронцовъ, а изъ Алупки то же верхомъ въ Байдары, гдѣ его ожидали экипажъ и обѣдъ. Онъ не пожелалъ обѣда, а послалъ его въ Балаклаву, куда поѣхалъ въ коляскѣ вмѣстѣ съ бар. Дибичемъ, гдѣ и позавтракалъ у начальника греческаго баталіона Ревелліоти.

Изъ Балаклавы Александръ проѣхалъ въ коляскѣ до мѣста, гдѣ дорога идетъ въ Георгіевскій монастырь. Здѣсь онъ снова сѣлъ на лошадь, въ мундирѣ безъ шинели, а свиту отпустилъ въ Севастополь; самъ же, въ сопрово-

жденіи фельдъ-егеря Годефроа и проводника татарина, отправился въ горы—въ Георгіевскій монастырь.

Это было 27 октября по старому стилю и 8 ноября по новому стилю, въ 6 час. вечера.

День былъ вполнѣ теплый и не внушалъ никакихъ опасеній. Къ вечеру подулъ сѣверо-восточный вѣтеръ и насталъ довольно чувствительный холодъ.

Весьма вѣроятно, что вслѣдствіе этой перемѣны погоды Александръ простудился. Кромѣ того, на него могли подѣйствовать ослабляюще и длинные переѣзды на лошади.

Такъ какъ въ Севастополѣ былъ назначенъ смотръ морскимъ полкамъ, а государь не возвращался, то начальникъ морскихъ силъ Чернаго моря, адмиралъ Грейгъ, вмѣстѣ съ другими сталъ безпокоиться въ виду наступившей темноты, не зная, чѣмъ объяснить подобное промедленіе государя. Тогда адмиралъ Грейгъ приказалъ полиціймейстеру поспѣшить въ горы съ факелами и освѣтить путь государю.

Государь пріѣхалъ, по однимъ [1]) даннымъ, въ 8 часовъ, а по другимъ [2]) въ 10 часовъ, при свѣтѣ факеловъ, но, вѣроятнѣе всего, именно, къ 10 часамъ, такъ какъ проѣхать въ Георгіевскій монастырь и обратно втеченіи 2-хъ часовъ довольно трудно.

Тотчасъ же онъ принялъ адмирала Грейга и коменданта, проѣхалъ въ соборъ и, при свѣтѣ факеловъ, произвелъ смотръ выстроеннымъ и ждавшимъ его морскимъ полкамъ. Вернувшись, онъ прошелъ прямо къ себѣ въ кабинетъ, приказавъ подать горячаго чая, а отъ обѣда отказался.

---

[1]) Лейбъ-хирургъ Д. К. Тарасовъ «Воспоминанія моей жизни».

[2]) Послѣдніе дни жизни Александра I.—С.-Петербургъ, 1827 г.

Источники расходятся въ часѣ, когда государь пріѣхалъ изъ Георгіевскаго монастыря, но это расхожденіе въ датахъ не имѣетъ въ данномъ случаѣ существеннаго значенія.

28 октября, весь день Александръ осматривалъ укрѣпленія, флотъ, морской госпиталь, казармы. Затѣмъ у государя состоялся большой обѣдъ для всѣхъ начальствующихъ лицъ.

Доктора Вилліе и Тарасовъ зорко слѣдили за состояніемъ здоровья Александра, но ничего неблагопріятнаго не замѣтили.

29 октября государь перешелъ на сѣверную сторону города, осматривалъ здѣсь укрѣпленія и затѣмъ проѣхалъ въ Бахчисарай, гдѣ остановился въ знаменитомъ дворцѣ крымскихъ хановъ. Здѣсь онъ останавливался и раньше, во время своего путешествія въ 1818 году.

Въ Бахчисараѣ къ Александру былъ приглашенъ д-ръ Тарасовъ. Государь просилъ его приготовить ему рисовое питье, которое ему готовилъ Тарасовъ въ прошломъ 1824 году, во время горячки, когда онъ былъ боленъ рожей.

Тарасовъ немедленно исполнилъ приказаніе Александра и доложилъ Вилліе, что у государя разстроенъ желудокъ.

Государь, несомнѣнно, чувствовалъ послѣдствія простуды, ѣлъ мало (перловый супъ и котлеты), но не жаловался на сильное нездоровье, а потому верхомъ проѣхалъ въ Гурзуфъ-Кале и на обратномъ пути въ Успенскій монастырь. Государь, по внѣшнему своему виду, былъ веселъ, со всѣми обращался милостиво и благосклонно, даже шутилъ.

1 ноября Государь былъ въ Евпаторіи, гдѣ посѣтилъ церкви, мечети, синагоги, казармы и карантины.

2 ноября онъ ночевалъ въ Перекопѣ, гдѣ осматривалъ госпиталь.

3 ноября рано утромъ онъ выѣхалъ въ село Знаменское для осмотра собранной тамъ артиллеріи и лазарета, гдѣ интересовался пищей и поѣлъ довольно много овсянаго супа. Обѣдъ же былъ поданъ на становищѣ въ большомъ селѣ между Знаменскимъ и Орѣховымъ.

Д-ръ Тарасовъ, помощникъ баронета Вилліе, дѣлалъ о здоровьи государя подробныя замѣтки для себя. Государь не жаловался на общее разстройство здоровья. Это было лишь обычное небольшое недомоганіе при среднемъ аппетитѣ, хорошемъ самочувствіи и достаточномъ количествѣ физическихъ силъ, такъ какъ онъ былъ въ это время веселъ, жизнерадостенъ и легко совершалъ большіе переѣзды верхомъ на лошади,—способѣ передвиженія, весьма любимомъ Александромъ I.

3 ноября, послѣ обѣда, передъ станціей Орѣхово, государь повстрѣчалъ фельдъ-егеря Маскова, пріѣхавшаго изъ Петербурга въ Таганрогъ съ бумагами для него.

Государь бумаги принялъ и приказалъ Маскову ѣхать за нимъ въ Таганрогъ.

Не доѣзжая Орѣхова, ямщикъ, везшій Маскова, чрезвычайно сильно погналъ лошадей и, ударивъ возокъ о глинистую кочку на поворотѣ съ дороги на мостъ, вывалилъ его на землю. Масковъ ударился головой о кочку и остался лежать на мосту, черезъ который должны были переѣхать слѣдовавшіе за нимъ, безъ движенія.

Александръ, обернувшись. увидѣлъ эту картину, остановилъ свою коляску и приказалъ тотчасъ же оказать Маскову медицинскую помощь, а самъ уѣхалъ дальше въ Орѣховъ, предписавъ сдѣлать ему докладъ о положеніи Маскова,

Д-ръ Д. К. Тарасовъ остался при разбившемся Масковѣ.

Только къ полуночи онъ уѣхалъ въ Орѣховъ.

Его ожидалъ ген.-адъютантъ баронъ Дибичъ и приказалъ немедленно явиться къ государю съ докладомъ о положенiи Маскова.

Д-ръ Д. К. Тарасовъ вошелъ въ опочивальню государя.

Государь сидѣлъ противъ камина, въ шинели, руки въ рукавахъ, и читалъ бумаги.

Видъ у него былъ безпокойный и онъ старался отогрѣться у горячаго камина.

Государь тотчасъ же спросилъ Тарасова отрывистымъ голосомъ:

— Въ какомъ положенiи Масковъ?

Тарасовъ отвѣчалъ:

— Онъ получилъ при паденiи смертельный ударъ въ голову, съ сильнымъ сотрясенiемъ мозга и большой трещиной въ самомъ основанiи черепа. Я нашелъ его на мѣстѣ уже безъ дыханiя и всякое врачебное пособiе оказалось тщетнымъ.

Лицо государя сдѣлалось болѣзненнымъ и тревожнымъ. Несомнѣнно, у государя начинался пароксизмъ лихорадки.

Докладъ былъ конченъ. Государь взялся за колокольчикъ, и Тарасовъ вышелъ.

На другой день, 4 ноября, государь принималъ въ Орѣховѣ архiепископа Ѳеофила и гражданскаго губернатора, которые другъ съ другомъ не ладили, и между ними «произошла ссора, дошедшая даже до личной расправы». Государь ихъ мирилъ, сдѣлавъ обоимъ довольно строгое внушенiе.

Затѣмъ онъ выбылъ въ Марiуполь, куда прибылъ въ

7 часовъ вечера. Въ 10 часовъ онъ потребовалъ къ себѣ лейбъ-медика Вилліе, который нашелъ у государя лихорадку въ полномъ развитіи. Вилліе крайне встревожился, далъ государю стаканъ крѣпкаго пунша съ ромомъ, уложилъ его въ постель и накрылъ, какъ можно, теплѣе.

Государь сталъ безпокоиться и самъ.

Вилліе настаивалъ отдохнуть немного въ Маріуполѣ, но Государь не соглашался, такъ какъ отъ Маріуполя до Таганрога всего лишь 40 верстъ, и онъ спѣшилъ попасть туда по маршруту, къ 5 ноября.

Крѣпко и тепло закутанный, выѣхалъ Александръ въ Маріуполь.

5-го ноября, въ 7 часовъ вечера, Александръ совершенно больной пріѣхалъ въ Таганрогъ.

Таковы наблюденія очень внимательнаго врача, приставленнаго слѣдить за здоровьемъ государя, и нѣтъ никакихъ основаній не довѣрять его записямъ. Д-ръ Д. К. Тарасовъ былъ человѣкъ, преданный своей наукѣ, вполнѣ серьезный, и добросовѣстно исполнялъ свои обязанности при государѣ.

Мы не вѣримъ оффиціальной «Histoire de la Maladie et des derniers moments d l'empereur Alexandre», документу, написанному на французскомъ языкѣ и хранящемуся въ Государственномъ Архивѣ, разрядъ 3, № 163, гдѣ подробно изложены маршруты государя, гдѣ имѣются нѣкоторыя неточности и несогласованія съ тѣмъ, что записано д-ромъ Д. К. Тарасовымъ и гдѣ утверждается, что простудное, а, слѣдовательно, болѣзненное состояніе государя началось съ Севастополя.

Въ этомъ документѣ говорится прямо: «la mal est allé empirant les jours suivants», т. е., въ теченіи послѣдующихъ дней болѣзнь ухудшилась.

Авторъ этого документа неизвѣстенъ, но, во всякомъ

случаѣ, человѣкъ, его писавшій, не долженъ былъ быть человѣкомъ, близкимъ къ личности государя, съ нимъ вмѣстѣ не ѣздилъ и каждодневныхъ путевыхъ замѣтокъ не велъ. Это былъ человѣкъ, весьма, вѣроятно, находившійся въ составѣ двора и наблюдавшій все происходящее въ жизни государя со стороны, но не участвовавшій въ нихъ непосредственно.

Возможно, что авторомъ «Histoire de la Maladie et des derniers moments d l'empereur Alexandre» является кто-нибудь изъ фрейлинъ императрицы Елизаветы Алексѣевны, напримѣръ, княжна В. М. Волконская.

Есть въ этомъ документѣ чисто-женская обмолвка:

«Je n'ecris pas pour le public, mais pour moi et mes amis», т. е., я пишу не для общества, но для себя и моихъ друзей.

Такимъ образомъ, изъ этой сокраментальной приписки вполнѣ ясно вытекаетъ, что этотъ документъ, какъ показываетъ само названіе «Histoire», есть обзоръ фактовъ такъ называемой болѣзни и смерти государя, составленный уже послѣ 19 ноября. Авторъ былъ въ то время въ Таганрогѣ, многое видѣлъ и слышалъ, но достовѣрно зналъ не все, и потому собиралъ «les informations les plus authentiques»,—наиболѣе достовѣрныя свѣдѣнія.

Представляется ли этотъ документъ оффиціальнымъ заказомъ автору или его личнымъ литературнымъ матеріаломъ, мы еще не знаемъ, но онъ находится въ высшемъ правительственномъ хранилищѣ — въ Государственномъ Архивѣ. Нахожденіе его въ государственномъ хранилищѣ какъ бы косвенно указываетъ на его офиціозность или прикосновенность къ офиціознымъ сферамъ не безъ желанія самого имп. Николая I.

IV.

Болѣзнь Александра I.

(5—19 ноября 1825 года).

Александръ пріѣхалъ въ Таганрогъ въ 7 часовъ вечера, усталый и разбитый. Помимо мучившей его лихорадки, онъ весь былъ охваченъ мистическимъ ужасомъ смерти фельдъ-егеря Маскова. Психологическая картина была такова: Масковъ ѣхалъ въ Таганрогъ съ бумагами, вѣроятно, счастливый, что ему придется видѣть самого государя, а, между тѣмъ, онъ столь неожиданно для себя и всѣхъ разбивается на смерть на столбовой дорогѣ, сопровождая государя по его приказанію. Напрашивается выводъ, что своимъ велѣніемъ ѣхать за собой Александръ явился виновникомъ смерти Маскова. Чувствительная и впечатлительная душа Александра вся насторожилась, съежилась и, предъ грандіозностью нравственной отвѣтственности передъ Богомъ за эту смерть, вставшей въ его воспаленномъ и раздраженномъ мучительной лихорадкой мозгу, вся глубоко сомкнулась.

Александръ, должно быть, вспомнилъ и про горящую днемъ свѣчу и повѣріе народа, переданное ему камердинеромъ Анисимовымъ, о томъ, что горящая днемъ свѣча въ домѣ означаетъ покойника.

Эти два факта таганрогской жизни Александра связались въ одну тѣсную психологическую нить неразрывную, и полновластно овладѣли всей психикой государя.

Къ этимъ двумъ весьма важнымъ психологическимъ фактамъ прибавилось еще одно явленіе, третье, чисто физическаго порядка: фельдъ-егерь Масковъ случайно оказался похожимъ на Александра I. Масковъ имѣлъ лицо и

строеніе тѣла, весьма напоминавшія Александра I. Брился и стригся также, какъ государь. Мы не знаемъ только, былъ ли онъ лысъ. Во всякомъ случаѣ, это вполнѣ случайное сходство физическаго строенія фельдъ-егеря Маскова было не менѣе мистическимъ и страннымъ. Все это могло навести на мысль о необходимости привести задуманный планъ въ исполненіе именно теперь, въ противномъ случаѣ, это будетъ поздно и такой удобный случай въ другой разъ не выпадетъ.

Для Александра I была двоякая форма выполненія своего плана отреченія отъ престола: a) или государь дѣйствительно долженъ былъ умереть, или же b) создать фикцію своей смерти и незамѣтно уйти отъ вниманія и любопытства всей Россіи.

Въ первомъ случаѣ морально Александръ I ничего не выигрывалъ, такъ какъ смерть примиряетъ, но не освобождаетъ душу отъ тяжести сознаваемаго человѣкомъ грѣха или преступленія, а, во второмъ случаѣ, онъ морально возвышался, примирялъ себя съ грѣхомъ и уничтожалъ его въ себѣ навсегда черезъ длительный процессъ умертвленія своей грѣховной плоти постомъ и молитвами. Второй путь былъ наиболѣе близокъ душѣ Александра, онъ его, повидимому, и избралъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что сходство лица Маскова съ его лицомъ подвинуло его на великую рѣшимость, вызвало въ немъ страхъ и ужасъ предъ неисповѣдимыми путями Провидѣнія.

Въ данномъ случаѣ есть возможность сдѣлать еще одно предположеніе, не документальное, но психологически вѣрное и вполнѣ допустимое: фельдъ-егерь, столь похожій на государя, былъ спеціально посланъ изъ Петербурга въ Таганрогъ. Если же принять во вниманіе обстановку, въ которой онъ былъ убитъ, то мы должны будемъ

придти къ заключенію, что самая обстановка вполнѣ загадочна. Фельдъ-егерь Масковъ ѣхалъ вслѣдъ за государемъ, скорость движенія его коляски была прямо пропорціональна скорости движенія коляски государя, т. е. коляска Маскова, ѣхавшая въ опредѣленномъ разстояніи отъ коляски государя, развила ту же скорость, что и коляска государя. Между тѣмъ, опасная кочка, о которую у моста разбился Масковъ, не причинила вреда государю. Возможно, что кучеръ государя Илья Байковъ болѣе искусно сумѣлъ ее объѣхать, несмотря на быструю ѣзду, а кучеръ Маскова былъ менѣе опытенъ и потому вывалилъ его, но возможно, психологически возможно, что кучеръ Маскова вывалилъ его и разбилъ на смерть съ опасностью для собственной жизни по чьему-нибудь приказу, во исполненіе чьего-либо неизвѣстнаго таинственнаго плана.

3 ноября Масковъ умеръ, 6-го или 7-го его похоронили.

5-го ноября Александръ, совершенно разслабленный, пріѣзжаетъ къ себѣ въ Таганрогъ, во что бы то ни стало желая попасть домой по маршруту и не желая своимъ опозданіемъ причинять императрицѣ излишнихъ тревогъ.

Въ эти моменты болѣзни государя только 4 человѣка оказались наиболѣе близкими къ государю, каждодневно съ нимъ соприкасались и, начиная съ 5 ноября, стали вести, каждый про себя, свои записки о ходѣ болѣзни государя.

Это были: ген.-адъютантъ кн. П. М. Волконскій, лейбъ-медикъ баронетъ Вилліе, имп. Елизавета Алексѣевна и д-ръ Тарасовъ.

Изъ этихъ четырехъ только двое были особенно интимно близки къ особѣ государя въ эти дни болѣзни и посвящены въ его тайну, а двое другихъ—императрица могла знать о тайнѣ опредѣленно или только путемъ намековъ,

а д-ръ Тарасовъ ничего не зналъ до послѣдняго момента и, только бальзамируя трупъ, онъ пришелъ къ поразительному выводу о несоотвѣтствіи бальзамируемаго тѣла съ извѣстнымъ ему хорошо тѣломъ Александра I.

Такимъ образомъ, узелъ тайны былъ зажатъ въ рукахъ двухъ людей—кн. П. М. Волконскаго и баронета Виллie, оба они—сдержанные, молчаливые и вполнѣ преданные Александру люди, а двое другихъ стали обладателями тайны только послѣ объявленной во всеуслышаніе оффиціальной смерти Александра I.

Кн. П. М. Волконскій велъ оффиціальный «Журналъ» о болѣзни государя, но, по всѣмъ вѣроятіямъ, этотъ «Журналъ» онъ составилъ послѣ смерти Александра, потому что въ немъ есть не только нѣкоторыя недомолвки, весьма поразительныя для оффиціальнаго документа, но и просто завѣдомо невѣрныя и противорѣчивыя свѣдѣнія. Для этого достаточно сравнить доступные исторической наукѣ матеріалы и сопоставить ихъ подъ соотвѣтствующими числами — «Журналъ» кн. П. М. Волконскаго, «Histoire de la maladie ect.» и «Записки» д-ра Д. К. Тарасова, чтобы установить противорѣчивость датъ и сообщаемыхъ самими очевидцами событій матеріаловъ.

По возвращеніи своемъ изъ Крыма въ 6 часовъ вечера, Государь прошелъ прямо въ свою половину, а затѣмъ ушелъ мыться въ уборную.

Вошелъ къ нему князь П. М. Волконскій и спросилъ:

— Какъ Ваше здоровье, Ваше Величество?

Государь отвѣтилъ кн. Волконскому по-французски:

— Я чувствую маленькую лихорадку, которую схватилъ въ Крыму, несмотря на прекрасный климатъ, который тамъ такъ восхваляли... Я болѣе, чѣмъ когда-либо

думаю, что мы прекрасно сдѣлали, что избрали Таганрогъ мѣстопребываніемъ моей жены.

— Съ какого мѣста, Ваше Величество, чувствуете лихорадку?—спросилъ кн. Волконскій.

— Съ Бахчисарая!—отвѣтилъ государь.—Прибывъ вечеромъ и почувствовавъ жажду, я спросилъ пить, и Федоровъ подалъ мнѣ барбарисоваго сиропа. Такъ какъ во время путешествія въ Крыму погода была очень жаркая, я подумалъ, что сиропъ могъ испортиться, но мой камердинеръ сказалъ мнѣ, что сиропъ не пострадалъ. Я проглотилъ цѣльный стаканъ и легъ спать. Ночью я почувствовалъ страшные припадки (transes), но, благодаря моему организму и прекрасному желудку, меня сильно прослабило и все обошлось этимъ. По пріѣздѣ въ Перекопъ я посѣтилъ госпиталь, гдѣ почувствовалъ снова небольшую лихорадку.

— Я нахожу,—сказалъ кн. П. М. Волконскій,—что было не совсѣмъ цѣлесообразно отправляться Вашему Величеству въ госпиталь, гдѣ болѣзнь могла бы еще болѣе усилиться вслѣдствіе скопленія въ одномъ мѣстѣ массы лицъ, пораженныхъ той-же болѣзнью, и что Ваше Величество постоянно забываете Вашъ возрастъ, переходный 50-лѣтній возрастъ, и что теперь у васъ силы не юноши въ 20 лѣтъ.

— О, дорогой другъ!—сказалъ Александръ,—я слишкомъ чувствую это и увѣряю васъ, что все обойдется благополучно. Какъ здоровье императрицы?

— Вполнѣ благополучно.

— Я иду къ ней.

Государь направился въ половину имп. Елизаветы Алексѣевны и провелъ съ ней остатокъ вечера.

Императрица была страшно растревожена нездоровьемъ Александра, ощупала его пульсъ, голову и устано-

вила жаръ. Она приказала принести чай съ лимономъ и послала за баронетомъ Виллie.

На вопросъ лейбъ-медика Александръ отвѣтилъ:

— Я чувствую себя довольно хорошо, меня не знобитъ, но у меня жаръ.

Съ полъ-часа остался государь и затѣмъ ушелъ спать.

Ночь съ 5-го на 6-ое ноября, судя по записямъ въ дневникѣ бар. Виллie, Александръ провелъ «дурно», отказывался принимать лекарство и, вообще, заявилъ, что не желаетъ имѣть леченie. Между тѣмъ, по записямъ имп. Елизаветы Алексѣевны государь:

«въ пятницу (6 ноября) прислалъ сказать, что онъ провелъ ночь хорошо». Александръ не пишетъ, что онъ себя чувствуетъ хорошо, но что онъ «ночь провелъ хорошо».

6 ноября, съ утра, во-время умыванья государя, былъ приглашенъ кн. П. М. Волконскiй для доклада по очереднымъ дѣламъ. На вопросъ о здоровьи Государь отвѣтилъ, что онъ провелъ ночь «изрядно»—и что лихорадки у него не было. Взглядъ у Государя былъ слабый и глаза мутны. Кромѣ того, стала замѣтнѣе глухота, такъ что государь приказалъ кн. Волконскому не продолжать доклада до тѣхъ поръ, пока не окончитъ своего туалета.

Одѣвшись, государь вышелъ въ кабинетъ, сталъ у камина и началъ грѣться, приказавъ продолжать докладъ, а, по окончанiи доклада, отпустилъ его и самъ занялся чтенiемъ бумагъ.

Завтракалъ съ Императрицей.

Въ 3-мъ часу дня къ бар. Виллie былъ спѣшно командированъ камердинеръ государя Федоровъ съ сообщенiемъ, что у государя необыкновенно большой потъ. Бар. Виллie явился, а вслѣдъ за нимъ и кн. П. М. Волконскiй.

Государь былъ въ кабинетѣ, сидѣлъ на канапэ въ сюр-

тукѣ и сверху обернуть байковымъ одѣяломъ, дабы вызвать и поддержать потъ. Виллiе пощупалъ пульсъ, посмотрѣлъ языкъ и, найдя лихорадку, прописалъ слабительныя пилюли. Государь принялъ 8 штукъ этихъ пилюль. Государь хотѣлъ заняться чтенiемъ бумагъ, но Виллiе и кн. Волконскiй отклонили государя отъ этого.

Въ 7 часовъ пилюли произвели свое дѣйствiе и государь, почувствовавъ облегченiе, былъ весьма веселъ, доволенъ лекарствомъ, благодарилъ за него Виллiе.

Затѣмъ кн. П. М. Волконскiй сообщаетъ, что государь просилъ пригласить къ нему императрицу, которая будто бы оставалась у него до 10-ти часовъ вечера.

Между тѣмъ, сама императрица записываетъ нѣсколько иначе:

«Мы оставались одни до 7 часовъ вечера съ 4-хъ час.», послѣ чего императрица ушла къ себѣ ввиду того, что приближалось время дѣйствiя пилюль.

Императрица спросила Государя:

— Я васъ увижу?

— Да, сегодня вечеромъ.

Было уже позже 9 часовъ вечера, а государь ее къ себѣ не приглашалъ. Тогда императрица приказала позвать бар. Виллiе, который ей доложилъ, что лекарство великолѣпно подѣйствовало, что государь заснулъ и еще спитъ. Виллiе былъ очень веселъ и доволенъ. Императрица поручила ему сказать государю, когда онъ проснется, что уже поздно и что, такъ какъ она уже ложится спать, то, вѣроятно, сегодня ей не придется видѣть его...

Такимъ образомъ, кн. П. М. Волконскiй въ оффицiальномъ документѣ привелъ явно невѣрную подробность, чего онъ не могъ бы сдѣлать, если бы велъ весь свой журналъ день за днемъ, а не по памяти.

Съ 6 на 7-о е н о я б р я государь ночь провелъ хорошо

и спалъ спокойно. Всталъ, по обыкновенію, въ 8 часовъ утра, самъ себѣ сдѣлалъ туалетъ, принялъ въ 11 часовъ микстуру, отъ которой ему стало легче. Вечеромъ показался небольшой жаръ. Кн. П. М. Волконскій приписываетъ это тому, что государь вторично не принялъ микстуры.

Императрица же даетъ другую картину 7-му числу. Былъ день субботній.

Государь пришелъ къ ней между 11 и 12 часами и заявилъ, что онъ чувствуетъ себя лучше. Однако же, «по-прежнему былъ желтъ, но болѣе веселъ».

Они занялись самымъ невиннымъ дѣломъ—разборкой и сортировкой раковинъ, которыя императрица собрала на берегу моря. Затѣмъ государь предложилъ ей пойти погулять, а самъ отправился къ себѣ заниматься.

На уговоры императрицы меньше заниматься и дать успокоиться своимъ нервамъ, государь отвѣтилъ:

— Работа настолько сдѣлалась моей привычкой, что я не могу безъ нея обойтись, и если я ничего не дѣлаю, то чувствую пустоту въ головѣ. Если бы я покинулъ свое мѣсто, я долженъ былъ бы поглощать цѣлыя библіотеки—иначе я бы сошелъ съ ума.

Когда императрица вернулась съ прогулки, то получила отъ государя записку съ просьбой присутствовать при его обѣдѣ. «Я прибѣжала», пишетъ императрица.

Государь ѣлъ супъ съ крупой и сухую кашу съ бульономъ, такъ какъ онъ принялъ еще слабительнаго.

Послѣ этого скромнаго обѣда, государь ходилъ по комнатѣ, остановился у одного изъ комодовъ, привелъ въ порядокъ пакеты, готовые къ отправкѣ.

Государь просилъ его оставить, такъ какъ приближалось дѣйствіе лекарства, и онъ жаловался, что его «желудокъ не можетъ больше ничего держать».

Императрица ушла къ себѣ обѣдать.

Между 3 и 4 часами къ ней снова зашелъ государь. Они не много говорили, и затѣмъ государь ушелъ къ себѣ спать.

Государь спросилъ:

— Я пришелъ узнать, почему вы не пошли гулять послѣ обѣда?

Императрица отвѣтила:

— Я дышала чистымъ воздухомъ у окна и у меня въ это время было два удовольствія: слушать шумъ моря и звонъ прекраснаго колокола изъ греческой церкви Константина и Елены. Мелодичный, мягкій, таинственный, этотъ звонъ тихо забирается въ душу и долго, долго звенитъ тамъ,—мечтательно сказала императрица.

Государь улыбнулся и сказалъ:

— Вы увидите, вамъ тутъ такъ понравится, что вамъ будетъ трудно уѣзжать отсюда.

Государь ушелъ. Въ 7 часовъ вечера онъ прислалъ за императрицей. Онъ былъ раздѣтъ и, закутанный въ халатъ, лежалъ на диванѣ.

— Что это?—спросила императрица.

— Лекарство на меня подѣйствовало до боли въ желудкѣ и я надѣлъ фланелевый поясъ. Вилліе далъ мнѣ горячаго чая, и я чувствую себя вполнѣ хорошо.

Государь былъ въ духѣ и очень веселъ, веселѣе чѣмъ наканунѣ, много говорилъ и много смѣялся.

Въ 9 часовъ явился кн. Волконскій и бар. Вилліе и спросили, какъ онъ себя чувствуетъ.

— Хорошо!—отвѣтилъ государь.

Вилліе осмотрѣлъ государя, нашелъ у него жаръ и сказалъ, что онъ, вѣроятно, слишкомъ много работалъ послѣ обѣда.

— Это—необходимость!—сказалъ государь,—и это успокаиваетъ меня.

Явился ген.-адъют. бар. Дибичъ. Шелъ оживленный разговоръ объ отмѣнѣ въ клубѣ изъ-за траура при дворѣ по королѣ Максимиліанѣ Баварскомъ, зятѣ императрицы, бала. Государь не соглашался съ тѣмъ, чтобы изъ-за такого траура слѣдовало отмѣнять увеселеніе.

Затѣмъ всѣ эти лица откланялись, императрица осталась одна съ государемъ и, простившись съ нимъ, черезъ нѣкоторое время, ушла къ себѣ.

Правдивый и вполнѣ искренній разсказъ императрицы совершенно не совпадаетъ съ записями баронета Вилліе и кн. П. М. Волконскаго.

Бар. Вилліе записываетъ:

«Les exacerbations слишкомъ часто повторяются, чтобы я позволилъ себѣ утверждать, что это... хотя это чрезвычайная слабость, эта апатія, эти обмороки имѣютъ большое отношеніе съ нею».

Кн. П. М. Волконскій пишетъ:

«За всѣми убѣжденіями не хотѣлъ продолжать микстуру».

«Les exacerbations», т. е. жестокіе приступы болѣзни, лихорадки, происходили вслѣдствіе часто принимавшихся слабительныхъ пилюль».

Между тѣмъ, ни особой слабости, ни апатіи, ни частыхъ обмороковъ на самомъ дѣлѣ не было, такъ какъ государь былъ веселъ, много смѣялся и много говорилъ.

Такимъ образомъ, въ записяхъ обоихъ придворныхъ лицъ имѣется коренное противорѣчіе съ записями императрицы и другъ съ другомъ. Баронетъ Вилліе, какъ докторъ, долженъ былъ бы внести въ свою запись составъ микстуры, данной имъ государю, разъ онъ пытается дать названіе самой болѣзни, но о микстурѣ онъ ничего не го-

воритъ; о микстурѣ заговорилъ кн. Волконскій, который къ врачеванію никакого отношенія не имѣлъ. Вѣроятнѣе всего, что бар. Вилліе никакой микстуры государю не прописывалъ.

Все это наводитъ на размышленіе, что записи обоихъ лицъ не столько сами по себѣ лживы, сколько неправдивы и писаны потомъ, по памяти, и что наиболѣе цѣнымъ матеріаломъ въ этомъ отношеніи являются только записи имп. Елизаветы Алескѣевны, безпритязательныя, скромныя и искреннія.

Въ воскресенье 8 ноября государь провелъ ночь неспокойно и страдалъ отъ лихорадки.

Утромъ всталъ въ 8 час., самъ дѣлалъ себѣ туалетъ, къ обѣднѣ не пошелъ, такъ какъ боялся возобновленія лихорадки, а, вмѣсто этого, остался у себя въ кабинетѣ и занялся чтеніемъ Библіи.

Часовъ въ 12 у государя былъ небольшой жаръ.

Кн. П. М. Волконскій явился отъ обѣдни. Государь подробно его разспрашивалъ объ обѣднѣ, какъ пѣли пѣвчіе и какъ служилъ вывезенный имъ изъ Новочеркасска новый діаконъ.

Кн. Волконскій, удовлетворивъ любопытство государя, спросилъ его:

— Вы, какъ Ваше Величество, чувствуете себя?

— Мнѣ теперь лучше...—отвѣтилъ государь.—Я вотъ только не знаю, что мнѣ дѣлать съ бумагами, которыхъ все больше и больше накопляется.

Князь Волконскій отвѣчалъ:

— Теперь не до бумагъ, Ваше Величество, такъ какъ здоровье Ваше теперь всего нужнѣе, а какъ, Богъ дастъ, вамъ будетъ получше, тогда успѣете обдѣлать все, какъ слѣдуетъ, но и при томъ вамъ нужно будетъ не вдругъ

заниматься бумагами, а понемногу, дабы лихорадка вновь не вернулась.

Послѣ этого государь приказалъ пригласить къ нему императрицу. Императрица пришла и пробыла у него до своего обѣда, т. е. до 3-хъ—4 часовъ дня.

Государь ничего не ѣлъ, кромѣ хлѣбной отварной воды. Жаръ немного уменьшился, такъ что сталъ незамѣтнымъ.

Государь сталъ писать письма матери—императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ, но приказалъ всѣ отправленія отмѣтить отъ 6 ноября, запретивши писать о своей болѣзни.

— Боюсь я экстра-почтъ,—говорилъ государь—чтобы не навлекли хлопотъ извѣстіемъ о моей болѣзни и не встревожили бы тѣмъ матушку.

— В а ш е В е л и ч е с т в о, н а п и с а н о б у д е т ъ т о л ь к о т о, ч т о у г о д н о б у д е т ъ в а м ъ [1],—сказалъ кн. Волконскій,—но вмѣстѣ съ симъ я полагалъ бы, что лучше писать правду, потому что нельзя совершенно отвѣчать, чтобы кто-нибудь изъ жителей не написалъ чего и болѣе, чѣмъ скорѣе можетъ всѣхъ встревожить.

Между 5 и 6 часами государь послалъ за императрицей и сказалъ ей, что онъ посылаетъ въ Петербургъ курьера. Императрица замѣтила у государя жаръ въ головѣ и «очень больной видъ».

Императрица пошла сдѣлать распоряженіе государя относительно курьера и, вернувшись, сказала ему объ этомъ.

— Хорошо,—отвѣтилъ государь,—отошлите ваши пакеты генералу Дибичу. Когда вы кончите, возвращайтесь.

Около 7 часовъ императрица вновь вернулась къ государю, но ему было уже лучше.

---

[1]) Курсивъ нашъ.

Читали вмѣстѣ газеты, которыя ему доставили большое удовольствіе. Государь просилъ императрицу принести ему книги.

Императрица сказала:

— У васъ былъ такой болѣзненный видъ, что мнѣ было больно на васъ смотрѣть. Вамъ теперь, повидимому, лучше.

— Да, я чувствую себя лучше, — отвѣтилъ государь.

Снова начали читать газеты, каждый про себя.

Затѣмъ онъ пожелалъ уснуть и легъ съ такимъ хорошимъ видомъ, что «пріятно было на него смотрѣть—онъ улыбался и заснулъ».

Спалъ государь часа два, причемъ дыханіе было спокойное, тихое, проснулся только одинъ разъ, посмотрѣлъ вокругъ себя съ довольнымъ видомъ и снова уснулъ.

Императрица замѣчаетъ, что это былъ тотъ веселый видъ, который она у него видѣла потомъ, «въ ужасныя минуты».

Камердинеръ доложилъ о приходѣ лейбъ-медика Вилліе, но государя не будили.

Въ 9 часовъ государь проснулся.

— Какъ вы себя чувствуете?—спросилъ Вилліе.

— Очень хорошо, спокоенъ и свѣжъ.

— Вы увидите, что будетъ потъ,—сказалъ Виліе.

Государю предложили раздѣться и лечь въ постель.

— Я себя здѣсь чувствую такъ хорошо,—сказалъ государь.

Тѣмъ не менѣе, императрица ушла, чтобы дать ему возможность лечь, причемъ государь сказалъ ей:

— Возьмите газеты, завтра принесете мнѣ остальныя.

Императрица ушла.

Въ 10 часовъ [1]) веч. она послала Виллie узнать, въ какомъ положенiи государь. Виллie отвѣтилъ, что ему не удалось убѣдить государя лечь спать и что на всѣ его доводы о необходимости спокойнаго пребыванiя въ постели, улыбаясь, отвѣчалъ:

— Я чувствую себя здѣсь такъ хорошо!

Однако, государь приказалъ приготовить себѣ постель.

Къ вечеру сталъ показываться обильный потъ, который у него продержался всю ночь.

Не придавая особеннаго фактическаго значенiя тому обстоятельству, посѣщалъ государь церковныя службы или нѣтъ, мы только хотѣли бы отмѣтить, какъ велъ свои оффицiальныя записки кн. П. М. Волконскiй. Онъ пишетъ, что государь отвѣдалъ 8 ноября только «отварной хлѣбный супъ», а императрица записываетъ, что «обѣдъ (государя) состоялъ изъ стакана яблочной воды съ сокомъ изъ черной смородины», причемъ Виллie ей сказалъ, что онъ случайно нашелъ цѣлый запасъ этого питья у кн. Волконскаго, который получилъ его отъ своей сестры. Кн. Волконскiй смѣшиваетъ «хлѣбную отварную воду» съ «яблочной водой съ сокомъ изъ черной смородины», которая была у него и о которой онъ не зналъ. Эти подробности весьма характерны и важны, важны именно тѣмъ, что кн. Волконскiй путалъ даже мелкiя подробности, не говоря уже о крупныхъ, имѣющихъ общiй

[1]) Въ брошюрѣ великаго князя Николая Михаиловича «Легенда о кончинѣ имп. Алекс. I въ Сибири и т. д.», стр. 20, напечатано на 12 строчкѣ снизу: «A six heure je fis appeler Wylié». Но при всемъ желанiи императрицы быть «à six heure», когда она ушла отъ государя въ 9 часовъ, никакъ она не могла. Нужно читать въ этомъ мѣстѣ не six, a dix heure, т. е. не 6, а 10 час. Великiй князь эту опечатку не отмѣтилъ у себя, между тѣмъ она весьма существенна въ хронологическомъ отношенiи. Поэтому я ее исправляю.

историческій интересъ, гдѣ онъ всячески старается хитрить.

Есть еще одинъ чрезвычайно любопытный въ психологическомъ отношеніи штрихъ: въ Таганрогъ изъ Петербурга и обратно шли разныя почты—обычныя и необычныя, т. е. экстра-почта. Государь почему-то боялся этихъ экстра-почтъ, а самъ, между тѣмъ, посылаетъ свои письма именно этой почтой. Будучи здоровымъ настолько, чтобы ходить по дворцу, разсматривать бумаги и, вообще, не возбуждать подозрѣній въ случайныхъ свидѣтеляхъ, онъ боялся, чтобы не распространились какъ-нибудь тревожные слухи объ его болѣзни и чтобы эти слухи не достигли Петербурга, причемъ письма, посылаемыя съ этой экстра-почтой 8 ноября, онъ приказываетъ помѣтить 6 ноября.

Но еще любопытнѣе по неожиданности данныя, сообщаемыя оффиціальной «Histoire de la maladie», гдѣ неизвѣстный авторъ пишетъ, что государь настолько скверно чувствовалъ себя 8 ноября, что съ утра призвалъ къ себѣ лейбъ-медика Стоффрегена.

Однако, это очень странно, такъ какъ о приглашеніи Стоффрегена не говорятъ ни императрица, ни кн. П. М. Волконскій, ни лейбъ-медикъ А. В. Вилліе, это во-первыхъ, а во-вторыхъ, лейбъ-медикъ Стоффрегенъ былъ въ составѣ двора императрицы, былъ ея докторомъ, но не государя, который любилъ д-ра Вилліе и вполнѣ ему довѣрялъ. Если бы д-ръ Стоффрегенъ консультировалъ съ д-ромъ Вилліе, то, очевидно, послѣдній объ этомъ упомянулъ бы, а, тѣмъ болѣе, чего абсолютно не могло бы быть, если бы Стоффрегенъ былъ приглашенъ для самостоятельнаго леченія, помимо Вилліе. Но Вилліе въ своихъ запискахъ упоминаетъ о д-рѣ Стоффрегенѣ, однако, совершенно въ иной обстановкѣ,—Вилліе ставитъ діагнозъ бо-

лѣзни государя и объ этомъ сообщаетъ д-ру Стоффрегену, повидимому, только для свѣдѣнія.

Виллiе 8 ноября записываетъ:

«Эта лихорадка, очевидно[1]), febris gastrial biliosa, эта гнилая отрыжка, это воспаленiе въ сторонѣ печени, des presscordes, рвота sine vomite nec dolore pititer comprimendo требуется, чтобы premières voies были хорошо очищены. Надо traire печень. Я сказалъ Стоффрегену» [1]).

Такимъ образомъ, соотвѣтственно дiагнозу лейбъ-медика Виллiе, мы теперь знаемъ, чѣмъ былъ боленъ государь: у него была гнилая лихорадка на гастрической почвѣ, т. е. скорѣе всего малярiя, столь характерная для побережья Чернаго моря. Это была—febris gastrial biliosa съ воспаленiемъ въ сторонѣ печени, съ рвотой.

При этомъ, по всему ходу болѣзни видно, что эта лихорадка и разстройство желудка не были столь тягостнаго свойства, чтобы заставляли больного постоянно лежать въ постели, а обильный потъ, которымъ сопровождалась лихорадка, былъ только показателемъ начинающагося полнаго выздоровленiя.

9 ноября, понедѣльникъ, государь провелъ ночь «изрядно», по-утру потъ продолжался, но государь чувствовалъ себя лучше въ теченiи всего дня.

Ввиду отправленiя экстра-почты въ Петербургъ, кн. П. М. Волконскiй просилъ у государя разрѣшенiя написать вдовствующей императрицѣ Марiи Өеодоровнѣ докладъ о ходѣ болѣзни. Государь разрѣшилъ, а начальнику своего штаба ген.-адъют. бар. Дибичу приказалъ написать о томъ же цесаревичу Константину Павловичу въ Варшаву, но въ такой редакцiи, что государь, забо-

---

[1]) Курсивъ нашъ.

лѣвши во время путешествія по Крыму лихорадкой, вынужденъ временно не выходить изъ дому.

Въ своемъ же дневникѣ императрица записываетъ:

«Lundi 9. Stoffregen me dit: qu'on pourrait regarder la maladie comme coupée, que si la fièvre revenait, elle prendrait une forme intermittente et qu'on en viendrait bientôt à bout. Que je pouvais donné écrire à Petersb. que la maladie n'entait [1]), plus que du passé» [2]),

то есть:

«Понедѣльникъ, 9. Стоффрегенъ мнѣ сказалъ, что на болѣзнь можно смотрѣть, какъ на пресѣченную, что если (даже) лихорадка возвратится, то она приметъ перемежающуюся форму и не скоро достигнетъ своей цѣли, и что я могу писать въ Петербургъ, что болѣзнь болѣе не привьется (не разовьется), какъ въ прошломъ».

Государь съ аппетитомъ ѣлъ свой овсяный супъ, который онъ разбавилъ водой, такъ какъ онъ былъ густъ, и даже съѣлъ сливы, но остановился и сказалъ:

— Не надо много, надо быть благоразумнымъ.

Немного спустя, онъ сказалъ императрицѣ:

— Вы теперь идите обѣдать, а я, какъ порядочный человѣкъ, пойду прилягу послѣ обѣда.

---

[1]) У великаго князя «Легенда», на стр. 20, 4 строчки снизу: «la maladie n'entait plus», т. е. «болѣзнь не привьется». Enter значитъ прививать,—ся, основывать,—ся, а кн. В. В. Барятинскій, комментируя это мѣсто, перепечатываетъ его у великаго князя такъ: «la maladie n'était plus», т. е. что «болѣзнь уже прошла».

[2]) Ввиду того, что переписчикъ, работавшій у великаго князя, сдѣлалъ уже однажды ошибку, поставивъ вмѣсто dix—six, то нѣтъ увѣренности что n'entait не есть n'était, какъ читаетъ и понимаетъ это мѣсто кн. В. В. Барятинскій (Царственный мистикъ, 42). Великій же князь, не пожелавшій сдѣлать перевода съ французскаго, критически не провѣрилъ и французскаго текста.

Между 6 и 7 часами онъ послалъ за императрицею и просилъ ее захватить съ собою газеты.

Императрица исполнила желаніе государя.

— Вы мнѣ приносите игрушку, какъ ребенку!—сказалъ онъ.

Государь принялся читать газеты, а императрица занялась чтеніемъ воспоминаній г-жи де-Жанлисъ, по поводу которыхъ государь задалъ ей нѣсколько вопросовъ, а затѣмъ вдругъ, совершенно внезапно и неожиданно, онъ ее спросилъ:

— Почему вы не носите траура (по зятѣ королѣ Баварскомъ)?

— Я сняла трауръ къ вашему пріѣзду, государь, изъ путешествія. Мнѣ не хочется его надѣвать. Если же вамъ угодно, то завтра же я опять надѣну.

Въ общемъ, здоровье государя улучшилось за этотъ день 9 ноября.

При этомъ весьма важно отмѣтить маленькую, но характерную лично для кн. П. М. Волконскаго и веденнаго имъ журнала болѣзни государя, подробность. На послѣднихъ строчкахъ онъ дѣлаетъ на подлинникѣ своего журнала приписку:

«Сіе приказаніе г. Дибичу дано было 11-го ноября, а не 9-го».

Какъ же, въ такомъ случаѣ, могъ кн. Волконскій вносить въ свой оффиціальный журналъ подъ 9 ноября то, что было 11-го?

Эта запись съ особой явственностью свидѣтельствуетъ, что весь журналъ былъ составленъ кн. П. М. Волконскимъ по памяти, гораздо позже и по чьему-нибудь требованію.

Обратимъ теперь вниманіе на маленькій психологическій штрихъ: кн. Волконскій проситъ государя разрѣшить

ему написать вдовствующей имп. Маріи Ѳеодоровнѣ письмо объ его болѣзни, государь разрѣшаетъ, но проситъ написать о томъ же и цесаревичу Константину въ Варшаву. Кн. Волконскій приводитъ редакцію сообщенія:

«возвратясь съ Крыму съ лихорадкою, принужденъ не выходить изъ дома, дабы не увеличивать лихорадки». Между тѣмъ, со словъ лейбъ-медика Стоффрегена, сказанныхъ императрицѣ, мы знаемъ, что «болѣзнь можно считать пресѣченной», «что болѣзнь уже прошла», т. е. что государь окончательно выздоровѣлъ.

Князь же Волконскій не упоминаетъ въ своемъ журналѣ, сообщилъ ли онъ имп. Маріи Ѳеодоровнѣ и цесаревичу Константину Павловичу, что безпокоиться за здоровье государя въ настоящій моментъ нечего, такъ какъ государь вполнѣ здоровъ и болѣзнь его прошла. Если же онъ объ этомъ не сообщилъ, то онъ долженъ былъ породить въ ихъ душахъ какія-то неясныя сомнѣнія и подозрѣнія, породить ихъ въ какихъ-либо опредѣленныхъ, ему лишь извѣстныхъ, цѣляхъ.

Такимъ образомъ, 9 ноября есть рѣзкая, опредѣленная грань во всемъ теченіи болѣзни государя: отъ 3 до 9 ноября онъ былъ боленъ крымской лихорадкой, отъ которой онъ и выздоровѣлъ. Это есть первая половина болѣзни, а съ 10 ноября начинается вторая и послѣдняя половина его болѣзни.

Трудно установить на основаніи нынѣ имѣющихся документовъ логическую связь въ болѣзни первой и второй половины. Вѣдь, государь окончательно выздоровѣлъ, и самый діагнозъ болѣзни, сдѣланный лейбъ-медикомъ Вилліе, не такой уже страшный, это—febris gastrial biliosa. Какія же непредвидѣнныя осложненія произошли въ здоровьи государя, которыя черезъ 10 дней неминуемо должны были привести къ трагическому концу? Мы ихъ

не знаемъ. Особенно неожиданнымъ представляется этотъ поворотъ болѣзни, если принять во вниманіе, что даже въ пору наибольшаго ея напряженія отъ 3 до 9 ноября физически государь былъ крѣпокъ и желудокъ его работалъ превосходно, что̀ является вполнѣ опредѣленнымъ показателемъ неистощенности, жизненности и полной приспособленности организма къ борьбѣ съ болѣзнью.

Такимъ образомъ, къ 9 ноября государь былъ здоровъ.

Вторая половина тянется отъ 10 ноября до 10 часовъ 50 минутъ 19 ноября, т. е. девять дней, и заканчивается «смертью» Александра I.

10 ноября государь провелъ ночь «изрядно», но къ утру сдѣлалось хуже. Въ 8 часовъ утра онъ принялъ 6 слабительныхъ пилюль, въ 11 часовъ, вставая съ постели для своихъ нуждъ, упалъ въ обморокъ и весьма ослабъ.

Значитъ, принятыя въ чрезмѣрной дозѣ пилюли не только не принесли ему пользы, но подорвали общее хорошее самочувствіе и довели до обморока. Это похоже на то, что государь нарочно хотѣлъ, чтобы его болѣзнь носила не только затяжной характеръ, но и, главное, съ большими осложненіями, видимыми для всѣхъ.

Надорванное самочувствіе вызвало жаръ на весь день, къ вечеру потъ и забывчивость, и государь уже почти совсѣмъ ничего не говорилъ, но только просилъ, и притомъ все знаками.

Такъ записываетъ кн. П. М. Волконскій въ своемъ «оффиціальномъ» журналѣ, но его запись отъ 10 ноября противорѣчитъ записи имп. Елизаветы Алексѣевны, а потому не можетъ быть признана достовѣрной, ка̀къ и почти сплошь весь журналъ кн. П. М. Волконскаго.

Императрица Елизавета Алексѣевна пишетъ:

«Перемѣнивъ бѣлье, онъ послалъ за мной; онъ лежалъ на канапэ въ своемъ кабинетѣ и выглядѣлъ поразительно хорошо сравнительно съ тѣмъ, какъ онъ выглядѣлъ днемъ. Со мной была еще моя книга и я дѣлала видъ, что читаю, но наблюдала за нимъ».

Они вели разговоръ о томъ, почему у императрицы усталое лицо, объ угарной печкѣ и о томъ, кто не закрылъ во-время печки и причинилъ угаръ, о калмыкахъ и о пріемѣ ихъ депутаціи во главѣ съ калмыцкимъ княземъ. Государь просилъ ее принять эту депутацію за него, такъ какъ онъ боленъ и лично самъ этого сдѣлать не можетъ.

Такимъ образомъ, кн. П. М. Волконскій записываетъ въ своемъ «журналѣ», что государь «мало уже и почти совсѣмъ не говорилъ, какъ только чаю просилъ», а императрица, наоборотъ, утверждаетъ, что государь послѣ 3—4 часовъ пополудни «поразительно хорошо выглядѣлъ» и говорилъ довольно много.

Но уже 10 ноября мы замѣчаемъ у Александра I даже въ отчетахъ царедворцевъ новую струю настроеній—государь физически выздоровѣлъ, но, все время, о чемъ-то сосредоточенно думаетъ, его преслѣдуетъ какая-то идея.

Въ оффиціозной «Histoire de la Maladie» отъ 10 ноября указывается, что ночь на 10 ноября государь провелъ скверно, но зато днемъ, 10-го «послѣдовало улучшеніе». При этомъ весьма характеренъ слѣдующій фактъ:

У императора въ обращеніи къ докторамъ вырвались такія слова: «Надо считаться съ моими нервами, которые слишкомъ разстроены и безъ того, лекарства разстроятъ ихъ еще больше».

Такимъ образомъ, Александръ изнервничался. Но отчего? Гдѣ тому причина?

На это отчасти отвѣчаетъ бар. Виллiе своею записью отъ 10 ноября:

«Начиная съ 8-го числа, я замѣчаю, что-то другое занимаетъ его больше, чѣмъ его выздоровленiе, и безпокоитъ его мысли. Post hoc ergo propter hoc» [1]).

Ему сегодня хуже, и Миллеръ, по его словамъ, тому причина. Князю Волконскому вслѣдствiе сего поручено побранить бѣднаго Миллера.

«Что-то другое», о чемъ напряженно думалъ Александръ I и что сильно его безпокоило, и было причиной того, что онъ изнервничался.

Ввиду того, что запись бар. Виллiе представляется болѣе или менѣе интимной, писанной для самого себя, хотя бы и заднимъ числомъ, то, само собой, напрашивается выводъ, что бар. Виллiе даже 10 ноября ничего не зналъ о задуманномъ Александромъ планѣ и что лишь наблюдательность давно лечившаго его врача дала ему матерiалъ для вывода о томъ, что Александра тревожитъ не его болѣзнь, но что-то совершенно другое, болѣе властное и сложное.

Въ это «что-то другое» Александръ не посвящалъ никого. Это «что-то другое», подъ наблюденiемъ лейбъ-медика Виллiе, началось съ 8 ноября, а, по существу, еще раньше, съ 3 ноября, съ того момента, какъ былъ трагически убитъ возлѣ Орѣхова похожiй на Александра I фельдъ-егерь Масковъ.

Поэтому, ужасная доза — 6 слабительныхъ пилюль, принятыхъ Александромъ 10 ноября,—должна была сослужить роль разрывного снаряда для его организма: онъ долженъ былъ и не могъ не заболѣть, хотя бы для дру-

---

[1]) Курсивъ нашъ.

гихъ, постороннихъ наблюдателей. Но, тѣмъ не менѣе, эта болѣзнь, конечно, не того порядка, которая вызываетъ смертельный исходъ, это, повидимому, тоже самое febris gastrial biliosa, хотя уже въ достаточно ослабленномъ видѣ.

11 ноября Александръ ночь провелъ спокойно, поутру чувствовалъ себя лучше, а, можетъ быть и просто хорошо, приказалъ позвать къ нему императрицу, которая оставалась у него до самаго обѣда, т. е. до 3—4 часовъ, но уже черезъ 2 часа, къ вечеру, къ 6 часамъ, у него вдругъ сдѣлался жаръ, и общее болѣзненное состояніе было настолько печально, что, вставая за нуждою, Александръ упалъ въ обморокъ, «но не столь сильный, какъ въ первый», осторожно оговаривается кн. П. М. Волконскій.

«Къ ночи жаръ убавился; потомъ продолжался всю ночь, отъ чего его величество худо почивалъ».

Между тѣмъ, императрица пишетъ, что часовъ въ 5, т. е. послѣ своего ухода, она посылала за Вилліе узнать отъ него о положеніи государя.

«Вилліе былъ веселъ, онъ сказалъ мнѣ, что у него (государя) жаръ, но что я должна войти, что онъ не въ такомъ состояніи, какъ наканунѣ» [1]).

Болѣе интересны въ этомъ отношеніи записи самого Вилліе. Онъ пишетъ, устанавливая новый діагнозъ болѣзни:

«Болѣзнь продолжается; внутренности еще довольно не чисты; ructus inflatio. Когда я ему говорю о кровепусканіи и слабительномъ, онъ приходитъ въ бѣшенство и не удостаиваетъ говорить со мною».

Такимъ образомъ, между веселостью Вилліе при импе-

---

[1]) Курсивъ нашъ.

ратрицѣ и между серьезностію его личной записи есть существенное психологическое противорѣчіе. Конечно, и по записямъ Вилліе мы не можемъ сдѣлать никакого вывода о теченіи болѣзни Александра или объ особо угрожающихъ симптомахъ. Серьезность тона записи Вилліе также не дастъ намъ такого матеріала, но Вилліе, видимо, что-то хотѣлъ увидѣть новое въ загадочномъ и непонятномъ для него направленіи болѣзни Александра, хотѣлъ что-то угадать и пока не могъ.

Въ «Histoire de la Maladie» отъ 11 ноября есть новая версія, которая представляется нѣсколько интересной. Въ ней говорится, что 11 утромъ «государю было лучше, но что ночью лихорадка усилилась», что государь лично продолжалъ предполагать, что у него крымская лихорадка, «тогда какъ это было нѣчто совсѣмъ другое».

Для анонимнаго составителя этого обзора болѣзни государя въ ея направленіи «было нѣчто другое», чѣмъ крымская лихорадка, т. е. малярія, а для лейбъ-медика Вилліе, для спеціалиста, это «нѣчто другое» ничего новаго, увеличивающаго опасенія за здоровье государя, не вносило, и «Вилліе былъ веселъ». Въ данномъ случаѣ болѣе компетентнымъ является, конечно, врачъ, лейбъ-медикъ государя, а не анонимный, неизвѣстный русскому обществу и русской исторіи авторъ «Histoire de la Maladie», составившій свой обзоръ по апокрифическимъ, повидимому, изъ вторыхъ, а, можетъ быть, и изъ третьихъ рукъ, матеріаламъ.

Съ точки зрѣнія строгаго историко-сравнительнаго научнаго метода, «Histoire de la Maladie» слѣдовало бы игнорировать, но такъ какъ онъ хранится въ Государственномъ архивѣ и носитъ характеръ оффиціознаго матеріала, то мы его сравниваемъ съ другими матеріалами и

указываемъ, что онъ глубоко недостовѣрный и, по своимъ неисторическимъ качествамъ, не долженъ былъ бы считаться оффиціознымъ.

Съ 11 ноября прекращаются записи императрицы, такъ что этотъ интимный и весьма интересный по изящной и тонкой штриховкѣ событій матеріалъ отпадаетъ.

12 ноября.

«По утру жаръ продолжался; приказывалъ мнѣ сдѣлать ему питье изъ апельсиновъ, которое я вмѣстѣ съ г. Виллie ему сдѣлали, чѣмъ его величество былъ очень доволенъ и меня благодарилъ. Позвать изволилъ къ себѣ императрицу, которая изволила оставаться цѣлый день. Къ вечеру сдѣлалось лучше».

Но любопытныя вещи пишетъ Виллie, и особенно интереснымъ представляется начало отъ 12 ноября:

«Какъ я припоминаю, сегодня ночью я выписалъ лѣкарства для завтрашняго утра, если мы сможемъ посредствомъ хитрости убѣдить его принять ихъ. Это жестоко. Нѣтъ человѣческой власти, которая бы могла сдѣлать этого человѣка благоразумнымъ. Я—несчастный».

Бѣдный Виллie съ его патетическими восклицаніями! Потомство едва-ли его пощадитъ въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ въ ежедневномъ бюллетенѣ о ходѣ болѣзни государя онъ вспоминаетъ о выпискѣ лѣкарства, какъ о чемъ-то давно бывшемъ, прошедшемъ! Этими словами «какъ я припоминаю» онъ самъ устанавливаетъ недостовѣрность и неисторичность своихъ записей и ихъ позднѣйшее происхожденіе.

Въ другомъ же матеріалѣ «Histoire de la Maladie» говорится:

«Le soir le redoublement de fièvre était trop violent pour ne pas prèsentir le danger»,

т. е.

«Вечеромъ лихорадка возобновилась съ такой силой, что нельзя было не предвидѣть опасности».

Однако, эта запись противорѣчитъ тоже подлинной записи ген.-адъют. кн. Волконскаго о томъ, что государю

«къ вечеру сдѣлалось легче».

Кто же изъ этихъ двухъ свидѣтелей представляется наиболѣе достовѣрнымъ?

На это дастъ намъ отвѣтъ критика матеріаловъ.

13 ноября.

«Государь ночь провелъ изрядно и по утру принималъ слабительное; жаръ уменьшился до полудня, потомъ опять начался и продолжался всю ночь. Вечеромъ принималъ два клистира, которые много облегчили. Во весь день мало изволилъ говорить, кромѣ что просилъ иногда пить; апельсинный лимонадъ ему опротивился, просилъ сдѣлать другой, почему и сдѣлали изъ вишневаго сиропа».

Между тѣмъ, Вилліе дѣлаетъ болѣе грозное замѣчаніе:

«Tout ira mal, parce qu'il ne permet, n'écoute de faire ce qui est absolument necessaire. Cette tendance à dormir est de bien mauvaise augure», т. е.

«Все будетъ идти дурно, такъ какъ онъ не позволяетъ, не слушаетъ, чтобы сдѣлать ему то, что необходимо. Этотъ позывъ ко сну очень дурной знакъ».

Въ еще болѣе мрачныхъ тонахъ описываетъ «Histoire de la Maladie» день 13 ноября.

«Un assoupissement lètargique avec une respiration difficile et entrecoupée et des crispations violentes prouvaient

qu'il fallait des remédes plus efficaces, que la maladie repoussait pourtant avec opiniatretè. La nuit a été affreuse et les craintes sur cet état redoublaient à mesure que chaque redoublement de fièvre devenait de plus violent», т. е.

«Летаргическая сонливость съ тяжелымъ, перерываемымъ дыханіемъ и съ жестокими корчами свидѣтельствовали, что должно принять болѣе дѣйствительныя промывательныя лѣкарства, отъ которыхъ, однако, больной упорно отказывался. Ночь была ужасна, и опасенія за его здоровье усилились соотвѣтственно тому, какъ все болѣе и болѣе усиливалась лихорадка».

Кн. Волконскій утверждаетъ, что «государь провелъ ночь изрядно, былъ, правда, жаръ, который продолжался всю ночь, но не такого характера, чтобы внушать опасенія за его здоровье, «летаргической сонливости» онъ у него не замѣтилъ, и, конечно, объ «ужасной ночи» не могло быть и рѣчи.

Эта противорѣчивость и разноязычность оффиціальныхъ и оффиціозныхъ документовъ не только любопытны сами по себѣ, но и интересны по ситуаціи: люди не спѣлись, писали свои документы въ различныхъ кабинетахъ, не предполагая, что почти черезъ 100 лѣтъ эти документы будутъ свѣрены, сличены, сведены и разнорѣчивость ихъ будетъ дешифрирована.

О лейбъ-медикѣ Виллie мы не будемъ говорить: онъ говорилъ неправду сознательно, какъ хорошо упитанный, веселый баронетъ, но говорилъ неправду и кн. П. М. Волконскій, которому было дано знать многое изъ послѣднихъ дней жизни Александра I, какъ лицу наиболѣе близкому и довѣренному.

Однако, во всѣхъ этихъ показаніяхъ есть одна общая черточка: Александръ I съ 13 ноября окончательно замкнулся въ себѣ и сталъ все

меньше говорить. Онъ о чемъ-то сосредоточенно думалъ одинъ, лежа въ постели и упорно отказываясь отъ принятія лекарства.

До 13 ноября при больномъ Государѣ изъ врачебнаго персонала состоялъ только одинъ лейбъ-медикъ Вилліе.

14 ноября.

Къ больному Александру приглашается, въ помощь лейбъ-медику Вилліе, д-ръ Тарасовъ, который, по приказанію Государя, оказывалъ медицинскую помощь раненому фельдъ-егерю Маскову.

Оффиціальный бюллетень—«Журналъ» кн. П. М. Волконскаго»—о ходѣ болѣзни говоритъ:

«По утру жаръ у государя поменѣе, и его величество дѣлалъ весь свой туалетъ и брился, какъ обыкновенно. Около обѣда сдѣлался опять сильный жаръ, и за ушами шея къ головѣ замѣтно покраснѣла[1]). Вилліе и Стоффрегенъ предложили его величеству поставить за уши піявки; но государь и слышать о семъ не хотѣлъ, всячески былъ уговариваемъ и упрашиваемъ докторами, императрицею и мной, но всѣмъ отказалъ, отсылалъ даже съ гнѣвомъ, чтобы оставили его въ покоѣ, ибо нервы и безъ того разстроены, которые бы должно стараться и не умножать раздраженіе ихъ пустыми лѣкарствами[1]). Въ 8 часовъ вечера, при императрицѣ, всталъ и спустилъ ноги съ постели, отчего сдѣлался ему сильный обморокъ; видя его упрямство, я при его величествѣ сказалъ докторамъ[1]), что почитаю однимъ средствомъ склонить государя на принятіе лѣкарства и приставленіе піявокъ—предложить его величеству причаще-

---

[1]) Курсивъ нашъ.

ніе св. тайнъ, вмѣсто всѣхъ лѣкарствъ, наставя вмѣстѣ съ тѣмъ духовника, чтобъ на духу и послѣ причащенія старался его увѣщевать и согласить на приставленіе піявокъ, говоря, что въ Таганрогѣ сіе средство отъ лихорадки почитается самымъ лучшимъ. Доктора приняли мой совѣтъ и просили императрицу взять на себя сдѣлать таковыя предложенія. Государыня, видя, что жаръ не уменьшается, изволила рѣшиться предложить его величеству пріобщиться, говоря:

«J'ai une grâce à vous demander, comme vous avez refusé tous les remèdes que les medecins vous ont proposés, j'espère que vous acceptez celui que je vous proposerai».—«Qu'est ce?» dit l'empereur.—«C'est la communion», répondit l'emperatrice.—«Suis-je donc en danger»?—demanda sa Majesté.—«Non», dit l'emperatrice,—«mais c'est comme un reméde que tout chretien emploie dans les maladies». L'empereur repondit, qu'il l'accepte avec bien de plaisir et ordonna de faire chercher le prètre».

Въ самое сіе время сдѣлался его величеству пресильнѣйшій потъ, почему доктора положили повременить причастіемъ, пока потъ будетъ продолжаться, а, между тѣмъ, занялись наставленіемъ священника соборной здѣшней церкви, отца Алексѣя Ѳедотова. Въ 11 часовъ вечера государь просилъ императрицу идти къ себѣ почивать. Ея величество ушедши, приказала себѣ дать знать, когда спросятъ духовника».

Въ этой записи двѣ весьма важныхъ психологическихъ подробности:

1-я—государь не желалъ принимать лѣкарствъ, отвергая ихъ, «даже съ гнѣвомъ, чтобы его оставили въ покоѣ» и

2-я—нервы его были до того разстроены, что онъ не могъ принимать лѣкарствъ.

Что же касается самой болѣзни, то нельзя сказать, чтобы болѣзнь приняла такой серьезный оборотъ, который вызывалъ бы такую для христіанина, да еще свято вѣрующаго, чрезвычайно экстренную мѣру, какъ причащеніе св. тайнъ.

Поутру небольшой жаръ, около обѣда посильнѣе и краснота за ушами — вотъ всѣ признаки осложненной болѣзни Александра I за 14 ноября. Нельзя бы было сказать, чтобы въ нихъ могли быть особо тревожные моменты.

Однако, должно сказать, что 13—14 ноября есть весьма важный поворотный пунктъ не въ болѣзни государя, а въ его настроеніи: онъ замкнулся въ себѣ и что-то сталъ серьезно обдумывать.

Въ 9 часовъ вечера къ нему былъ приглашенъ д-ръ Д. К. Тарасовъ, наблюдавшій за агоніей и смертью фельдъегеря Маскова по приказанію самого Александра.

Въ данномъ мѣстѣ слѣдуетъ связать это замыканіе, это самоуглубленіе Александра и приглашеніе къ себѣ врача, оказавшаго врачебную помощь человѣку, такъ неожиданно и трагически погибшему почти на глазахъ самого государя и столь похожему на него.

Александръ, вѣроятно, что-то имѣлъ ввиду, связывая себя съ фельдъ-егеремъ Масковымъ черезъ приглашеніе къ себѣ д-ра Тарасова, такъ какъ было бы довольно и двухъ такихъ испытанныхъ и опытныхъ врачей, какъ его лейбъ-медикъ баронетъ Вилліе и лейбъ-медикъ императрицы Стоффрегенъ.

Д-ръ Д. К. Тарасовъ въ записи отъ 14 ноября устанавливаетъ нѣкоторыя подробности, нѣсколько противорѣчащія оффиціальному «Журналу» кн. П. М. Волконскаго.

Кн. Волконскій утверждаетъ, что обморокъ былъ у государя въ 8 часовъ вечера, а д-ръ Д. К. Тарасовъ утвер-

ждаетъ, что обморокъ былъ въ 7-мъ часу утра во время бритья государя.

По версіи кн. Волконскаго, государь на предложеніе причаститься спросилъ:

— Развѣ я въ опасности?

Императрица отвѣтила:

— Нѣтъ!

Д-ръ Д. К. Тарасовъ описываетъ эту сцену нѣсколько иначе:

«Кто вамъ сказалъ, что я въ такомъ положеніи, что уже необходимо для меня это лѣкарство?»—«Вашъ лейбъ-медикъ Вилліе»,—отвѣтила императрица.—Тотчасъ Вилліе былъ позванъ. Императоръ повелительно спросилъ его:

— «Вы думаете, что болѣзнь моя ужъ такъ зашла далеко?».—Вилліе, до крайности смущенный такимъ вопросомъ, рѣшилъ положительно объявиться императору, что онъ не можетъ скрывать того, что онъ находится въ опасномъ положеніи. Государь, съ совершенно спокойнымъ духомъ, сказалъ императрицѣ:

— Благодарю васъ, мой другъ, прикажите—я готовъ».

Я остановился на крупныхъ противорѣчіяхъ.

Изъ записи д-ра Д. К. Тарасова, весьма, повидимому, точной, сквозитъ особо дѣланная преднамѣренность съ этимъ эпизодомъ о причащеніи. Въ общемъ, Александръ чувствовалъ себя физически довольно бодрымъ и сильнымъ, чтобы ему было нужно причащеніе св. тайнъ. Вѣдь, причащеніе св. тайнъ—мѣра чрезвычайная, экстраординарная, вызываемая предполагаемымъ наступленіемъ конца жизни человѣка, а тутъ эту мѣру принимаютъ по совершенно другому поводу, — для того, чтобы убѣдить государя принимать лѣкарства.

Нѣтъ сомнѣнія, что предложенная кн. П. М. Волконскимъ такая чрезвычайная мѣра, какъ причащеніе, необходима была для инсценированія другого, болѣе крупнаго событія—«смерти» государя, оффиціально послѣдовавшей черезъ 5 дней. Она была необходима, чтобы въ народѣ распространилась вѣсть о безнадежномъ положеніи государя и возможности печальнаго конца.

15 ноября.

«Жаръ продолжался до 4-хъ часовъ утра.

Въ 6 часовъ сдѣлалось его величеству хуже, о чемъ я немедленно доложилъ ея величеству, которая, пришедши къ Государю, тотчасъ напомнила о духовникѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ г-нъ Вилліе *объявилъ государю, что онъ въ опасности»* [1]). Его Величество приказалъ позвать духовника и, прослушавъ молитвы къ исповѣди, обратился къ императрицѣ, сказавъ:

— «Il faut me laisser seul».

Когда всѣ вышли, то государь изволилъ исповѣдываться, а по окончаніи исповѣди приказалъ духовнику призвать императрицу, съ коей вошелъ опять и я съ ген.-ад. Дибичемъ и съ докторами Вилліе, Стоффрегеномъ, Тарасовымъ и камердинеромъ; государь изволилъ пріобщиться св. Тайнъ, послѣ чего духовникъ, поздравляя его величество, просилъ его не отказать помощь медиковъ и совѣтовалъ по обычаю здѣшнему приставить піявки. Умоляя государя не терять времени, сталъ съ крестомъ въ рукахъ на колѣни. Государь сказалъ:—«Встаньте», и, поцѣловавъ крестъ и духовника, сказалъ, что никогда не ощущалъ большаго удовольствія, какъ въ сей разъ; обратился къ императрицѣ, взялъ ея руку и, поцѣловавъ оную, сказалъ:

---

[1]) Курсивъ нашъ.

— «Jamais je n'ai éprouvé un plus grand plaisir et vous remercie beaucoup».

Какъ жаръ не убавлялся, напротивъ того усиливался, то доктора предложили опять піявки[1]); его величество, не отказывая съ тѣхъ поръ ничего, употреблялъ всѣ лѣкарства, какія ему были подносимы; начали съ піявокъ, коихъ поставили за уши 35 по обоимъ сторонамъ, что продолжалось довольно долго и крови было вытянуто; жаръ хотя и уменьшался, но не надолго, и къ ночи было уже хуже. Прикладывали синапизмы къ рукамъ и бедрамъ».

Д-ръ Д. К. Тарасовъ эту сцену описываетъ нѣсколько иначе. Онъ говоритъ:

«Я всю ночь просидѣлъ возлѣ больного, и, наблюдая за положеніемъ его [1]), замѣтилъ, что Императоръ, просыпаясь, по временамъ, читалъ молитвы и псалмы, не открывая глазъ.

Въ пять съ половиною часовъ утра 15-го ноября Императоръ, открывъ глаза и увидѣвъ меня, спросилъ:

— «Здѣсь священникъ»?

Я тотчасъ сказалъ о семъ барону Дибичу, князю Волконскому и баронету Виллie, проводившимъ всю ночь въ пріемномъ залѣ подлѣ кабинета. Князь Волконскій доложилъ о семъ императрицѣ, которая поспѣшила прибыть къ Государю. Всѣ вошли въ кабинетъ и стали при входѣ у дверей. Немедленно былъ введенъ протоіерей Ѳедотовъ. Императоръ, приподнявшись на лѣвый локоть, привѣтствовалъ пастыря и просилъ его благословить; получивъ благословеніе, поцѣловалъ руку священника. Потомъ твердымъ голосомъ сказалъ:

— «Я хочу исповѣдаться и пріобщиться

---

[1]) Курсивъ нашъ.

Св. Тайнъ; прошу исповѣдать меня не какъ императора, но какъ простого мірянина [1]). Извольте начать, я готовъ приступить къ святому таинству».

Въ концѣ своей записи д-ръ Д. К. Тарасовъ прибавляетъ:

«Къ вечеру положеніе императора казалось нѣсколько лучше».

Нельзя сказать, чтобы положеніе государя было безнадежно и 15 ноября: онъ дѣйствовалъ въ этотъ день вполнѣ самостоятельно, безъ чьей-либо помощи и твердо отдавалъ всѣ приказанія.

Самый кардинальный моментъ дня 15 ноября, это—принятіе государемъ св. Тайнъ. Оно произошло весьма торжественно и въ присутствіи цѣлаго ряда людей.

Судя по тому, какъ настоятельно требовалъ къ себѣ Государь духовника, можно утверждать, что обстановка съ принятіемъ св. Тайнъ должна была быть опредѣлена по плану самого императора и лишь ради внѣшней формы была предложена «другомъ» государя кн. П. М. Волконскимъ. Принятія св. Тайнъ, какъ извѣстнаго внѣшняго обряда, хотѣлъ самъ государь не столько для себя, сколько для свидѣтелей, которые разсказали бы другимъ объ его безнадежномъ положеніи.

При этомъ слѣдуетъ отмѣтить слова Государя о томъ, что онъ желаетъ исповѣдываться «не какъ императоръ, а какъ простой мірянинъ».

Но развѣ это возможно? Государь всегда и вездѣ государь, помазанникъ божій, постоянный носитель опредѣленныхъ правъ и обязанностей... Государь и санъ, имъ носимый, неразлучны и вѣчны, едины и нераздѣльны. Въ

---

[1]) Курсивъ нашъ.

этомъ, собственно, и заключается особенность царственнаго положенія русскаго государя.

Между тѣмъ, Александръ I проситъ на исповѣди у духовника отдѣлить его, царя, отъ мірянина и бесѣдовать съ нимъ въ исповѣдальной бесѣдѣ не какъ съ царемъ, помазанникомъ божіимъ, а какъ съ міряниномъ, какъ съ обыкновеннымъ смертнымъ, простымъ подданнымъ.

Это его требованіе представляетъ собою глубоко-психологическій интересъ, несомнѣнное указаніе на то, что Александръ, непрерывно лежащій въ постели съ 15 ноября и въ одиночествѣ передумавшій возможность своего удаленія отъ престола путемъ мнимой смерти, такъ какъ явное отреченіе отъ престола и воцареніе его брата создали бы у народа фикцію двухъ царей на одномъ престолѣ, что̀ повело бы къ новымъ суетамъ и волненіямъ въ обществѣ, безъ того уже революціонно настроенномъ, рѣшилъ путемъ «смерти» разрубить тяжелый гордіевъ узелъ.

При этомъ въ его планы должно было входить, чтобы будущій русскій императоръ, имъ утвержденный и закрѣпленный вслѣдствіе отреченія великаго князя Константина Павловича отъ престола, его братъ великій князь Николай Павловичъ ничего не зналъ о томъ, какъ дѣйствительно произошло его самоотреченіе отъ русскаго престола, дабы не смущать его духъ и управленіе громадной, взволнованной страной. Въ планы Александра I должно было входить, чтобы будущій государь, неповинный ни въ чьей крови, особенно такого близкаго человѣка, какъ ихъ отецъ Павелъ I, внесъ новыя струи, новые методы и новый духъ управленія Россіей. Въ силу этихъ наиболѣе важныхъ и исключительныхъ побужденій, Александръ I, по свойственной его душѣ скрытности, старался очень ограничить число лицъ, знающихъ объ его тайнѣ, и мы смѣло утверждаемъ, что въ дни за время его болѣзни (отъ 15

ноября до 19 ноября) о ней знали только двое—императрица Елизавета Алексѣевна и «другъ государевъ» князь П. М. Волконскій, на котораго была возложена подготовка внѣшняго обряда «смерти» и замѣны тѣла.

Вотъ почему во всемъ оффиціальномъ «Журналѣ» кн. П. М. Волконскаго мы видимъ указанія на все усиливающуюся болѣзнь государя, тогда какъ признаки, которые указываетъ кн. П. М. Волконскій, не такіе ужъ страшные, чтобы внушали опасеніе, и признаки далеко не медицинскіе.

Самъ баронетъ Вилліе, врачъ, не приводитъ точныхъ, объективныхъ признаковъ болѣзни государя—положенія пульса, біенія сердца и т. п., которые бы могли пугать, не говоримъ, тогдашнихъ обывателей, нервно и трепетно слѣдившихъ за болѣзнью государя, но даже насъ, не вносящихъ страсти въ обсужденіе вопроса о болѣзни Александра I.

Вотъ, напримѣръ, лирическая запись баронета Вилліе отъ 15 ноября:

— «Что за печальная моя миссія объявить ему о его близкомъ разрушеніи (dissolution) въ *присутствіи императрицы*[1]), которая пошла предложить ему вѣрное средство»!

Развѣ это—запись врача, спеціалиста по болѣзни и медицинской терминологіи? Развѣ такъ записываютъ о ходѣ и направленіи болѣзни, не говорю, государя, но и, вообще, историческаго лица?

Кромѣ того, въ этой записи баронета Валліе слѣдуетъ отмѣтить маленькую подробность о томъ, что онъ долженъ объявить о «близкомъ разрушеніи» Александра I, «въ присутствіи ея величества государыни».

---

[1]) Курсивъ нашъ.

Почему такая торжественность, почему такой парадъ, почему этотъ внѣшній декорумъ для объявленія о предстоящемъ «близкомъ разрушеніи»? Вѣдь, процессъ перехода въ небытіе—дѣло глубоко интимное и о немъ надо говорить съ большой скромностью и пугливо.

Это все очень подозрительно и наводитъ на сложныя умозаключенія.

Вѣдь, баронетъ Вилліе, по своему положенію и давнишнимъ отношеніямъ съ Александромъ I, для него человѣкъ близкій и достаточно авторитетный: онъ могъ бы объ этомъ сказать наединѣ самому государю и такъ же самой императрицѣ, а, между тѣмъ, баронетъ Вилліе стремится къ помпѣ, къ торжественности, къ объявленію о грядущей смерти государя при свидѣтеляхъ.

Затѣмъ характернымъ нужно считать для лейбъ-медика государя баронета Вилліе то обстоятельство, что онъ говоритъ вообще о лѣкарствахъ, но точно не называетъ самыя лѣкарства, а также надо отмѣтить и то, что въ своихъ запискахъ онъ не говоритъ о томъ, что Александръ I срывалъ піявки со своей шеи и не принималъ прописанныхъ имъ лѣкарствъ, стремясь ухудшить свое положеніе.

Вѣдь, срываніе піявокъ и противодѣйствіе принятію лѣкарствъ, требованіе причастія и всякія приказанія свидѣтельствуютъ объ организованности воли больного, а не объ ея ослабленіи и изнуреніи продолжительной болѣзнью. Между тѣмъ, по свидѣтельству не специалиста кн. П. М. Волконскаго и специалиста бароннета Вилліе болѣзнь Александра была такова, что «близкое разрушеніе» было неминуемо, и, главное, близко.

Словомъ, происходила таинственная драма, скрытымъ, дѣйствующимъ лицомъ которой былъ Александръ, а соучастниками—имп. Елизавета Алексѣевна и кн. П. М.

Волконскій. Баронетъ Вилліе и д-ръ Тарасовъ пока еще ничего не знали. Первый что-то чувствовалъ, но не все ясно себѣ представлялъ, а второй прямо ничего не зналъ и все понялъ позже,—при бальзамированіи «тѣла» Александра.

16 ноября. «Журналъ» кн. П. М. Волконскаго сообщаетъ:

«Ночь проводилъ худо и все почти въ забытьи; въ 2 часа ночи попросилъ лимоннаго мороженаго, котораго откушалъ одну ложечку, потомъ во весь день ему было худо; къ вечеру положили еще къ ляжкамъ синапизмы, но жаръ не уменьшался. Государь былъ все хуже, въ забытьи и ничего не говорилъ».

Д-ръ же Д. К. Тарасовъ, бывшій при государѣ эти дни почти неотлучно, записываетъ:

«Ночь государь провелъ нѣсколько спокойнѣе. Жаръ былъ менѣе сильный; поставленная на затылокъ шпанская мушка хорошо подѣйствовала» [1]).

Зато «Histoire de la Maladie» отмѣчаетъ 16 ноября въ наиболѣе мрачныхъ тонахъ и говоритъ слѣдующее:

«Le redoublement de fièvre survenu entre 3 et 4 heures du matin le 16 était accompagné de tous les indices de la mort», т. е.

«Усиленіе лихорадки между 3 и 4 часами утра 16-го ноября сопровождалось всѣми признаками смерти» [1]).

Кому вѣрить? «Другу»-ли государя кн. П. М. Волконскаго, неизвѣстному автору: «Histoire de la Maladie», который утверждаетъ, что составлялъ ее на основаніи са-

---

[1]) Курсивъ нашъ.

мыхъ достовѣрныхъ матеріаловъ и свѣдѣній, или спеціалисту д-ру Д. К. Тарасову, который неотлучно находился эти дни при государѣ, проводилъ при немъ ночи и зорко слѣдилъ за ходомъ его болѣзни?

Выборъ ясенъ: мы повѣримъ д-ру Тарасову.

По описанію болѣзни государя нельзя и предположить, что его положеніе было тяжко и безнадежно. Поэтому удивительнымъ представляется рѣзкое противорѣчіе между тѣмъ, что записалъ кн. П. М. Волконскій и между тѣмъ, что внесъ въ свой дневникъ д-ръ Д. К. Тарасовъ: по Волконскому «жаръ не уменьшался», а по Д. К. Тарасову отъ поставленныхъ на затылокъ шпанскихъ мухъ «жаръ былъ менѣе сильный» и «ночь провелъ спокойно», а по третьему, оффиціальному документу, 16 ноября уже наступили «всѣ признаки смерти».

Очевидно, оба оффиціальныхъ документа проникнуты одной общей мыслью, однимъ планомъ и однимъ освѣщеніемъ, а д-ръ Д. К. Тарасовъ даетъ единственно вѣрное и ни на что не разсчитанное описаніе хода болѣзни государя.

17 ноября.

Кн. П. М. Волконскій записываетъ:

«Ночью было государю худо, по утру въ шесть часовъ съ половиной положили на спину шпанскую муху. Въ 10 часовъ утра сталъ всѣхъ узнавать и немного говорить, то-есть, просилъ пить. Къ вечеру сдѣлалось хуже, однако позвалъ меня и сказалъ: «сдѣлай мнѣ», и остановился; я спросилъ у его величества, что прикажете? Посмотрѣвъ на меня, отвѣчалъ: «полосканье»; отошелъ отъ него, замѣтилъ, что уже нельзя ему полоскать рта, потому что не имѣлъ силъ, чтобы подняться, а между тѣмъ забылся опять и былъ всю ночь въ опасности».

Д-ръ Тарасовъ также удостовѣряетъ, что «болѣзнь достигла высшей степени своего развитія».

Баронетъ Вилліе говоритъ въ своей записи отъ 17 ноября:

«Чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Смотрите исторію болѣзни. Князь въ первый разъ завладѣлъ моей постелью, чтобы быть ближе къ императору[1]). Баронъ Дибичъ находится внизу».

Императрица же Елизавета Алексѣевна пишетъ вдовствующей императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ такое письмо:

«Я не была въ состояніи написать Вамъ со вчерашней почтой. Сегодня... наступило очень рѣшительное улучшеніе [1]) (du mieux très decidé) въ состояніи здоровья императора... Вы получаете бюллетени. Слѣдовательно, вы могли видѣть, что съ нами было вчера и даже еще этой ночью. Но сегодня самъ Вилліе говоритъ, что состояніе здоровья нашего дорогого больного удовлетворительно [1])».

Запись кн. П. М. Волконскаго нашла себѣ поддержку у обоихъ докторовъ, лечившихъ Александра I. Наиболѣе серьезнымъ и объективнымъ свидѣтелемъ является, конечно, д-ръ Д. К. Тарасовъ, и потому его замѣтка должна представлять для изслѣдователя исключительный интересъ.

Что же касается записи лейбъ-медика Вилліе, то она находится въ какомъ-то странномъ противорѣчіи съ тѣмъ, что въ этотъ день, т. е. 17 ноября, онъ говорилъ имп. Елизаветѣ Алексѣевнѣ. Онъ сказалъ, что состояніе здоровья Александра I 17 ноября было удовлетворительно, а сама императрица подтверждаетъ, что въ его здоровьи «сегодня... наступило очень рѣшительное улучшеніе».

---

[1]) Курсивъ нашъ.

Противорѣчіе очевидно!

Ясно одно: записи кн. П. М. Волконскаго, д-ра Д. К. Тарасова и баронета Виллie кѣмъ-нибудь инспирированы и написаны въ цѣляхъ высокоофиціозныхъ; изъ всѣхъ трехъ свидѣтелей сознательно въ своей замѣткѣ лгалъ баронетъ Виллie въ пунктѣ о здоровьи Александра I. Если сообщеніе бар. Виллie не соотвѣтствовало дѣйствительности, то не соотвѣтствовали дѣйствительному положенію здоровья Александра сообщенія и другихъ свидѣтелей—кн. П. М. Волконскаго и д-ра Д. К. Тарасова.

Никто изъ нихъ трехъ не могъ и думать, что какія-либо письма имп. Елизаветы Алексѣевны будутъ когда-либо опубликованы и что свѣдѣнія императрицы будутъ прямо противоположны ихъ утвержденіямъ.

Историческая критика, сводящая во-едино всѣ историческіе документы и акты, въ этомъ отношеніи пролила достаточно яркій свѣтъ на степень достовѣрности свѣдѣній, сообщенныхъ оффиціальными свидѣтелями, и приходитъ къ заключенію, что свидѣтельства этихъ свидѣтелей чрезвычайно малодостовѣрны и что ихъ свѣдѣнія—ничто иное, какъ или инспирація сверху, или сознательная ложь въ цѣляхъ сокрытія истины снизу.

Для дня 17 ноября безусловно симптоматичнымъ и интереснымъ является сообщеніе бар. Виллie о томъ, что

«князь въ первый разъ завладѣлъ моею постелью, чтобы быть ближе къ императору» [1]).

Изъ этого замѣчанія Виллie явствуетъ, что онъ, лейбъ-медикъ Александра I, ночевалъ во время болѣзни государя гдѣ-то вблизи него—или въ сосѣдней комнатѣ,

---

[1]) Курсивъ нашъ.

или даже въ самой комнатѣ государя, и что у него была даже на этотъ предметъ своя постель.

Представляется страннымъ и неожиданнымъ, что князю П. М. Волконскому, наиболѣе близкому и довѣренному къ Александру I человѣку, понадобилось почему-то единолично быть возлѣ постели не то умирающаго, не то выздоравливающаго государя. Дѣлалась тайна, великая, интимная тайна между государемъ и его довѣреннымъ слугой. Даже такой преданный человѣкъ, какъ баронетъ Вилліе, исключался изъ числа дѣйствующихъ лицъ, выполняющихъ эту тайну.

Такимъ образомъ, съ 17 по 19 ноября при Александрѣ I неотлучно находился днемъ и ночью кн. П. М. Волконскій.

Но не представляется ли, дѣйствительно, страннымъ то обстоятельство, что при тяжко больномъ, съ точки зрѣнія оффиціальныхъ бюллетеней, и даже умирающемъ государѣ, въ то время, когда шелъ, можно сказать, тяжелый кризисъ болѣзни, при немъ постоянно оставался и дежурилъ не консиліумъ врачей, не лейбъ-медикъ Вилліе, а генералъ-адъютантъ государя, человѣкъ военный и въ медицинѣ не свѣдущій?!

Или всѣ эти врачи и близкіе были твердо убѣждены въ неминуемой смерти Александра I, черезъ 2 дня, и потому присутствіе врача и врачей не считалось необходимымъ, или же Александръ I чувствовалъ себя «удовлетворительно» ввиду« весьма рѣшительнаго улучшенія въ состояніи здоровья», и ему нуженъ былъ не врачъ, а только вѣрный, преданный слуга, другъ, посвященный въ какую-то его интимную тайну?!

18-го ноября.

«По утру государь сталъ немного посильнѣе, что и продолжалось до вечера, но къ ночи сдѣлался опять

сильный жаръ, отъ коего пришелъ въ совершенную опасность, ничего уже не говорилъ, но узнавалъ, ибо каждый разъ вскрывалъ глаза и видѣлъ императрицу, то, взявъ ея руки, цѣловалъ и прикладывалъ къ сердцу. Когда я къ нему подошелъ, то изволилъ, взглянувъ милостиво, улыбнуться, и когда я поцѣловалъ его величеству руку, то изволилъ сдѣлать знакъ мнѣ глазами, зачѣмъ я сіе дѣлаю, ибо я зналъ, что онъ не жаловалъ давать свою руку цѣловать. Въ 11 часовъ и 40 минутъ вечера опасность начала прибавляться, и съ тѣхъ поръ все уже былъ въ забытьи».

Д-ръ Д. К. Тарасовъ говоритъ, вопреки П. М. Волконскому, что въ теченіе утра и всего дня 18 ноября было замѣтно улучшеніе въ здоровьи государя, а въ остальномъ сходится съ нимъ. Однако, Тарасовъ счелъ необходимымъ предупредить императрицу о положеніи государя и продежурилъ при немъ всю ночь.

Лейбъ-медикъ Вилліе заявляетъ:

«Ни малѣйшей надежды спасти моего обожаемаго повелителя. Я предупредилъ императрицу и кн. Волконскаго и Дибича, которые находились—первый у себя, а послѣдній—у камердинеровъ».

«Histoire de la Maladie» сообщаетъ совершенно категорически о возобновленіи рано утромъ 18 ноября лихорадки съ тяжелыми приступами и говоритъ, что въ комнатахъ государя находится духовникъ, о которомъ не говорятъ ни Волконскій, ни Тарасовъ, ни Вилліе, а также новое лицо—мѣстный докторъ Доббертъ, при видѣ котораго государь выразилъ изумленіе, такъ какъ ранѣе никогда его не видѣлъ, и былъ удивленъ, по какому поводу и по чьей иниціативѣ онъ приглашенъ.

Если прочувствовать тонъ записи, то увидимъ, что тонъ кн. Волконскаго виляющій, уклоняющійся отъ точ-

наго опредѣленія свойства болѣзни государя въ день 18 ноября, и что этотъ выводъ наиболѣе всего характеризуется словами: — «Государь сталъ посильнѣе». Слово «посильнѣе» ничего не опредѣляетъ, тѣмъ болѣе, что у государя появился и «сильный жаръ» и онъ уже ничего не говорилъ».

Зато тонъ бар. Вилліе рѣшительный и категорическій:

«ни малѣйшей надежды спасти моего обожаемаго повелителя», т. е. положеніе вполнѣ безнадежное, и настолько, что Вилліе счелъ необходимымъ предупредить императрицу и двухъ довѣренныхъ лицъ государя—кн. П. М. Волконскаго и бар. Дибича о грядущей опасности. Между тѣмъ, представляется мало понятнымъ, почему кн. Волконскій, предупрежденный о критическомъ положеніи Александра баронетомъ Вилліе, не записалъ въ своемъ оффиціальномъ журналѣ, что государь по заявленію его врача неминуемо долженъ умереть, а пишетъ уклончивыя и ничего не объясняющія фразы.

Въ тонѣ замѣтокъ обоихъ свидѣтелей—кн. Волконскаго и баронета Вилліе—нельзя не замѣтить неискренности и фальшивости, желанія что-то скрыть и полной недоговоренности.

Если исходить только изъ записи кн. Волконскаго и не сводить ее съ записями бар. Вилліе, то легко сдѣлать выводъ, что Александръ I въ самый канунъ своей оффиціальной смерти былъ не такъ уже плохъ и что онъ скорѣе выздоравливалъ, чѣмъ умиралъ. Если бы опасность смерти Александра была неотвратима, то она была бы ясна и бросилась бы въ глаза всѣмъ, даже случайнымъ наблюдателямъ, уже не говоря о самомъ кн. Волконскомъ, и всякій наблюдатель долженъ былъ бы написать:

— Увы! государь неизбѣжно долженъ умереть на

этихъ же самыхъ дняхъ! онъ безнадеженъ и нѣтъ возможности его спасти!

т. е.,

тонъ долженъ былъ бы быть твердый и опредѣленный.

Политику смерти государя дѣлалъ одинъ только человѣкъ — кн. П. М. Волконскій, а у него въ поводу шелъ лейбъ-медикъ его величества баронетъ Виллiе, который писалъ то, что ему приказывалъ кн. П. М. Волконскій по желанiю самого Александра I.

Ко всему сказанному мы должны добавить, что записи всѣхъ трехъ свидѣтелей—кн. Волконскаго, бар. Виллiе и д-ра Тарасова—сдѣланы не тотчасъ же, какъ продуктъ непосредственнаго наблюденiя и впечатлѣнiя надъ состоянiемъ больного, а нѣкоторое время спустя, по памяти, какъ продуктъ воспоминанiй или специальной подтасованности фактовъ. Это—очень важно отмѣтить, это сквозитъ въ тонѣ всѣхъ ихъ записей.

Заканчивая анализъ записей, характеризующихъ 18-е ноября, мы должны отмѣтить одну черту въ самомъ Александрѣ I, которую мы потомъ встрѣтимъ и у Ѳеодора Козьмича, это—то, что

«онъ (Александръ I) не жаловалъ давать свою руку цѣловать».

Того же самаго не любилъ и не «жаловалъ» старецъ Ѳеодоръ Козьмичъ.

19 ноября.

Александръ скончался.

«Государь оставался въ забытiи во все время до конца, въ 10 часовъ и 50 минутъ испустилъ послѣднiй духъ. Императрица закрыла ему глаза и, подержавъ челюсть, подвязала платкомъ, потомъ изволила пойти къ себѣ».

Д-ръ Д. К. Тарасовъ пишетъ такъ:

«Наступило 19 ноября. Утро было пасмурное и мрачное; площадь передъ дворцомъ вся была покрыта народомъ, который изъ церквей, послѣ моленія объ исцѣленіи государя, приходилъ толпами ко дворцу, чтобы получить вѣсти о положеніи государя. Государь постоянно слабѣлъ, часто открывалъ глаза и прямо устремлялъ ихъ на императрицу [1]) и святое распятіе. Послѣдніе взоры его были настолько умилительны и выражали столь спокойное и небесное упованіе, что всѣ мы, присутствовавшіе, при безутѣшномъ рыданіи [1]), проникнуты были невыразимымъ благоговѣніемъ. Въ выраженіи лица его не замѣтно было ничего земного, а райское наслажденіе и ни единой черты страданія. Дыханіе становилось все рѣже и тише».

Лейбъ-медикъ Вилліе записываетъ въ своемъ дневникѣ такъ:

«Ея величество императрица, которая провела много часовъ вмѣстѣ со мною, одна у кровати императора, всѣ эти дни, оставалась до тѣхъ поръ, пока наступила кончина, въ 11 часовъ безъ 10 минутъ сегодняшняго утра [1]). Князь, баронъ, доктора, дежурные».

Д-ръ Доббертъ, который совершенно случайно появился у постели больного государя, пишетъ (по-нѣмецки):

«Онъ умеръ мучительной смертью. Борьба со смертью—агонія—продолжалась почти одиннадцать часовъ [1]).

«Histoire de la Maladie» такъ описываетъ день смерти государя:

---

[1]) Курсивъ нашъ.

«Въ четвергъ 19 ноября, день навсегда прискорбный, пароксизмъ закончился продолжительной агоніей, къ дыханію примѣшивались стоны, которые указывали на страданія больного, а также предсмертная икота [1]). Дыханіе становилось все короче; пять разъ возобновлялось. Въ три четверти одиннадцатаго [2]) императоръ испустилъ послѣдній вздохъ въ присутствіи императрицы, которая оставалась одна въ молитвахъ около своего умирающаго супруга [3]). Она осталась около получаса при бездыханномъ тѣлѣ; это была она, которая закрыла глаза и ротъ покойнику» [3]).

Камердинеръ Ѳедоровъ, тотъ, который напомнилъ государю повѣрье русскаго народа о зажженныхъ днемъ свѣчахъ, пишетъ слѣдующее:

«Она (императрица) полторы сутки находилась при императорѣ; за часъ до кончины, государь, открывъ глаза и видя около себя предстоящихъ любезнѣйшую царицу, барона Дибича, князя Волконскаго и прочихъ особъ, не могъ говорить, но память еще имѣлъ, сдѣлалъ движеніе рукой, звалъ государыню, которая къ нему подошла... Наконецъ, на исходѣ души великаго своего супруга, сама изволила закрыть дражайшему своему царю глаза и, подвязавъ ему платкомъ подбородокъ, залившись слезами, получила сильный обморокъ [1]). Немедленно вынесли ее въ другую комнату».

Жена вагенмейстера полк. Соломко писала своей ма-

---

[1]) Курсивъ нашъ.

[2]) То-есть, въ 10 часовъ 45 мин. 19 ноября.

[3]) Курсивъ нашъ.

тери А. Л. Колюбакиной 19 ноября 1825 г. изъ Таганрога:

«Совершилось все, любезная маменька, не стало Царя и Россія осиротѣла...

Поутру рано я заѣхала за Чернышевой и мы вмѣстѣ отправились въ придворную церковь — слушать Божественную литургію и молебенъ за здравіе Благословеннаго Императора Александра Павловича. Молились всѣ усердно. Тишина и умиленіе царствовало въ храмѣ, слышны были одни вздохи, возносящіеся къ Богу и пѣніе священнослужителей, обѣдня кончилась, начали молебенъ; всѣ приготовились пасть на колѣни и священникъ развертывалъ книгу, хотѣлъ пѣть заздравныя молитвы, какъ въ ту самую минуту вошелъ къ намъ въ церковь человѣкъ, сказалъ—все кончилось [1]), и пѣніе умолчало, священники пошли въ церковныя двери, пѣвчіе разошлись, молчаніе ужасное воспослѣдовало послѣ умилительныхъ молитвъ — надежда пропала и мы стояли съ Чернышевой какъ окаменѣлыя.— Минута эта останется для меня незабвенною.

Едва съ нами дурно не сдѣлалось, народъ толпами стоялъ на улицахъ и ожидалъ горестнаго событія.

Государь Императоръ скончался 1825 года въ десять часовъ и пятьдесятъ минутъ, т. е., въ 10 часовъ 45 мин. 19 ноября.

Императрица сама закрыла ему глаза, подвязала ротъ, который былъ открытъ, перекрестила его и пошла изъ комнаты. Ей предложили выѣхать изъ дому—она не согласилась, два раза объ немъ служила панихиду—во время служенія она стоитъ неподвижна надъ умершимъ и когда запѣли вѣч-

---

[1]) Курсивъ нашъ.

ная ему память, то она едва на него не упала, ходитъ, стоитъ по цѣлому часу подлѣ него и не спускаетъ глазъ.—Ея положенiе опасно.—Боимся, чтобы вмѣсто одного мы двухъ гробовъ отсюда не повезли [1]).

Угасъ свѣтильникъ Россiи — вѣтеръ полуденный задулъ Его.—Небо было такъ ясно нынѣшнiй день—солнце во всей красѣ освѣщало землю, сiю юдоль печали и скорби, казалось, что небеса радовались видѣвши душу столь чистую, столь добродѣтельную, переселяющуюся на небо. Атаназъ [2]) мой былъ въ самомъ жалкомъ положенiи—и безъ меня Богъ знаетъ, чтобы съ нимъ случилось? Такая тоска, такое унынiе, такая грусть, что былъ свѣтъ не милъ.

Мой мужъ отправился во дворецъ, гдѣ будутъ служить панифиду.—Вы не повѣрите, какъ мрачно смотрѣть на ихъ одѣянiе.

Государыня не плачетъ и не стонетъ, она, какъ окаменѣлая.—Фрейлины насилу ноги таскаютъ.—Виллiё и Иванъ Зиновьевичъ больны [3]).

Ждутъ сюда цесаревича и наслѣдника престола Константина Павловича. Что будетъ, никто не знаетъ. Положено, что тѣло Государя Императора будутъ везти церемонiаломъ въ С.-Петербургъ—шесть недѣль [3]). Здѣсь еще мы проживемъ, а потомъ поѣдемъ.—Атаназъ въ смутное сiе время [4])

---

[1]) Курсивъ нашъ. Всюду сохранена орѳографiя подлинника.

[2]) Атаназъ—Афанасiй Даниловичъ Соломко, мужъ ея, вагенмейстеръ Гл. Штаба въ чинѣ полковника, вѣдавшiй поѣздками и экипажами государя, наиболѣе приближенное и довѣренное его лицо.

[3]) Курсивъ нашъ.

[4]) Курсивъ нашъ.

не хочетъ, чтобы я была розно съ нимъ потому, чтобы безпокойство и неизвѣстность не истерзали насъ.

И его усердная служба чѣмъ кончится, не извѣстно.

Но должно никогда надѣяться на князя и на сыны человѣческія, все гниль и прахъ» [1]).

Къ этимъ даннымъ мы должны присовокупить письмо самого А. Д. Соломко къ извѣстному историку войны 1812 года ген. А. И. Михайловскому-Данилевскому изъ Таганрога отъ 4 декабря 1825 г., т. е. больше двухъ недѣль спустя послѣ «кончины Александра I»:

— «Записку вашу я получилъ и съ горестнымъ прискорбіемъ беру перо, чтобы дать вамъ подробное описаніе того бѣдствія, которое постигло Россію и которое лишило меня благодѣтеля въ царѣ.

Въ послѣдніе годы своей жизни онъ превосходилъ самого себя въ благотворительности, самъ изыскивалъ случай, чтобы прощать осужденныхъ, но раскаивающихся, миловать просящихъ, помогать бѣднымъ, утѣшать скорбныхъ, и въ сихъ заботливыхъ попеченіяхъ о благѣ любимаго имъ народа постигла его смерть и лишила Россію отца и твердой подпоры.

Октября, 20-го числа, государь предпринялъ путешествіе въ Крымъ на Южный берегъ, гдѣ простудился и на возвратномъ пути получилъ лихорадку, которая по прибытіи въ Таганрогъ превратилась въ горячку. Мы пріѣхали на мѣсто 5-го ноября поздно вечеромъ. 19 ноября въ 10 часовъ 55 минутъ скончался Государь [1]).

Болѣзнь его продолжалась 17 дней, въ теченіе которыхъ онъ не хотѣлъ принимать никакихъ лекарствъ и

[1]) Курсивъ нашъ.

всѣ мученія болѣзни переносилъ съ твердостію необыкновенною. 15-го числа въ 6 часовъ пополуночи онъ пріобщился святыхъ тайнъ, послѣ чего, взявши крестъ въ руки, сказалъ: «я никогда не былъ въ такомъ утѣшеніи, какъ теперь нахожусь».

Потомъ перекрестясь, поцѣловалъ крестъ и принялъ благословеніе отъ духовника. Священникъ уговорилъ его позволить себя лечить. Ему поставили піявки, которыя сдѣлали ему облегченіе, но не возвратили здоровья, на другой день отказался принимать лекарство и умеръ, возсылая молитвы къ Богу, въ четвергъ во время обѣдни [1]).

Вотъ вамъ, почтеннѣйшій Александръ Ивановичъ, всѣ подробности горестнаго событія, столь неожиданнаго, случившагося въ столь отдаленныхъ мѣстахъ Россіи. Доктора были при государѣ: лейбъ-медикъ Виллiё, Стофрегенъ, доктора—Ренгольтъ, Добберть и Тарасовъ» [1]).

Казалось бы, Александръ преблагополучно умеръ и при этомъ на глазахъ многочисленныхъ свидѣтелей—императрицы, двора, докторовъ и дежурныхъ.

Между тѣмъ, если пристальнѣе вглядѣться во всѣ показанія свидѣтелей, близко и непосредственно соприкасавшихся съ самимъ Александромъ I и съ дворомъ, то увидимъ разнорѣчія. Дѣло идетъ не о простомъ смертномъ, а объ историческомъ лицѣ — о государѣ. Поэтому надлежитъ быть особо внимательнымъ къ матеріаламъ и возможно осторожнымъ въ выводахъ.

---

[1]) Курсивъ нашъ.

Разнорѣчіе въ показаніяхъ свидѣтелей замѣчается, прежде всего, относительно момента смерти государя:

1) оффиціальный беллютень кн. П. М. Волконскаго говоритъ, что Александръ I умеръ въ 10 ч. 50 мин.

2) Лейбъ-медикъ Вилліе говоритъ, что государь умеръ «въ 11 часовъ безъ 10 минутъ», т. е. въ 10 час. 50 м.

3) «Histoire de la Maladie» говоритъ, что онъ умеръ въ «3/4 11-го», т. е. въ 10 час. 45 мин.

4) М. Н. Соломко, жена вагенмейстера, сообщаетъ, что государь умеръ въ 10 час. 50 мин.

5) Самъ вагенмейстеръ А. Д. Соломко говоритъ, что государь скончался въ 10 час. 55 мин.

Всѣ эти показанія говорятъ объ утрѣ. Между тѣмъ, баронъ Дибичъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ императору Константину Павловичу пишетъ, что Александръ I умеръ 19-го «въ 10 часовъ и 50 пополуночи».

Понималъ ли бар. Дибичъ выраженіе «пополуночи», какъ время послѣ полночи, мы не знаемъ, но должно, все же, сказать, что у барона своеобразная терминологія въ оффиціальномъ донесеніи, наводящая на размышленіе.

Возможно, что Государь и не умеръ утромъ 19-го ноября 1825 г., а умеръ въ ночь на 19-е?

Такимъ образомъ, въ установленіи момента смерти Александра I имѣется разнорѣчіе въ 5—10 мин. и даже въ моментъ дня. Между тѣмъ, въ отношеніи государей такой неточности быть не можетъ, такъ какъ при нихъ всегда состоятъ особые люди, съ особыми полномочіями, на которыхъ возложена государственная и историческая миссія точно устанавливать этапы и крупные, выдающіеся моменты жизни государей.

При этомъ, во избѣжаніе разнорѣчій, эти моменты, съ точки зрѣнія времени, опредѣляютъ высшіе по рангу чины, состоящіе при особѣ государя. При Александрѣ I такой особо-довѣрительной особой былъ, конечно, кн. П. М. Волконскій. Онъ долженъ былъ постоянно находиться при послѣднихъ минутахъ государя и, держа въ рукахъ часы-хронометръ, установить точно моментъ смерти государя и, собравши весь наличный составъ двора, какъ ближайшихъ свидѣтелей, объявить имъ во всеуслышаніе:

— Государь Императоръ Всея Россіи Александръ I въ Бозѣ почилъ въ 10 час. 50 мин.!

Между тѣмъ, кн. П. М. Волконскій этого не сдѣлалъ. При этомъ весьма характерно разнорѣчіе въ датѣ кн. Волконскаго и лейбъ-медика Виллie, съ одной стороны (10 ч. 50 мин.), и въ датахъ оффиціозной «Histoire de la Maladie» (10 час. 45 мин.) и вагенмейстера полковника А. Д. Соломко, гатчинца, человѣка, весьма близкаго къ Александру I, съ другой стороны (10 час. 55 мин.).

Мы имѣемъ пять свидѣтелей и три различныхъ показанія о моментѣ смерти государя.

Это показываетъ, что по этому вопросу не было дано по двору точной директивы, и лишь устанавливаетъ, что моментъ «смерти» Александра I былъ пріуроченъ къ утру 19 ноября.

Жена вагенмейстера полковника Соломко пишетъ матери 8 декабря 1825 года:

«Нѣтъ, нѣтъ, трауръ, плачъ и панафиды—вотъ наши уборы, вотъ наши занятія, вотъ наши разсѣянности. Да, было хорошо, было весело, были большія надежды, но одна пагубная минута все разстроила. Умеръ Царь и съ нимъ наше благополучіе. Вотъ картина нашего положенія, одно

упованіе на Бога и на новаго императора Константина I-го» [1]).

17 декабря она сообщаетъ матери:

«...шествіе печальное начнется 26 сего мѣсяца.

Полки будутъ встрѣчать и провожать тѣло—флигель-адъютантовъ 11 человѣкъ, кромѣ генералъ-адъютантовъ и другихъ генераловъ. Въ эту церемонію назначенъ начальникомъ оной ген.-ад. кн. Трубецкой» [2]).

Самъ полковникъ А. Д. Соломко пишетъ своей тещѣ:

«...я совершенно разстроился, голова моя пуста, душа уныла, чувства притупились.—26-го числа декабря тѣло покойнаго Государя повезутъ, я имѣю счастье сопровождать» [3]).

24 декабря жена его пишетъ матери:

«Я еще въ Таганрогѣ, куда изо всѣхъ мѣстъ съѣзжаются, чтобы отдать послѣдній долгъ незабвенному Монарху—десять флигель-адъютантовъ сюда пріѣхали, чтобы сопровождать тѣло блаженной памяти Государя Императора,—одного генералъ-адъютанта нѣтъ, его ожидаютъ со дня на день. Мы выступаемъ 26 декабря, а въ Москву придемъ 31 декабря.

Въ Москвѣ вы все узнаете, тамъ новости непрерывныя. Говорятъ все и секрету изъ пустяковъ не дѣлаютъ. Много лжи мѣшаютъ съ правдою, но ее нетрудно отличить отъ пустого бреду — она и во тьмѣ свѣтится» [4]).

Мы должны обратить самое серьезное вниманіе на за-

---

[1]) Документы о жизни и кончинѣ государя Александра Павловича. Спб., 1910 г., стр. 53.

[2]) ib. стр. 55.

[3]) ib. стр. 57.

[4]) ib. стр. 59—60. Курсивъ нашъ.

ключительныя строки этого письма. Въ нихъ многое не договорено, такъ какъ корреспондентка опасалась довѣриться почтѣ и откладывала сообщеніе «непрерывныхъ новостей», гдѣ «много лжи мѣшаютъ съ правдой», до Москвы, когда она могла лично обо всемъ поразсказать матери. Эти «новости» касались, очевидно, «смерти Александра I и передавались «по секрету».

Почему же такая таинственность, осторожность и скрытность?

Еще не успѣли похоронить тѣла Александра I, а уже вокругъ него стали виться гирляндами слухи и легенды. Очевидно, былъ для нихъ матеріалъ. Вѣдь, если бы смерть Александра I никому не внушала сомнѣній, то, вѣроятно, незачѣмъ было бы создаваться легендамъ.

IV.

Слѣдованіе «тѣла» Александра I изъ Таганрога въ Петербургъ.

Похоронный кортежъ прослѣдовалъ изъ Таганрога въ Петербургъ. М. Н. Соломко пишетъ 1-го марта изъ Новгорода своей матери:

«28-го февраля печальное шествіе вступитъ въ Царское Село, сколько тамъ тѣло пробудетъ, онъ (ея мужъ, полковникъ Соломко) объ этомъ не знаетъ ни слова, но я слышала, что нѣсколько дней. На встрѣчу тѣлу въ Торжокъ пріѣхали Депрерадовичъ, Киселевъ и молодой князь свѣтлѣйшій Лопухинъ.—Видно, московскіе слухи довольно несправедливы. Илья живъ и здоровъ» [1]).

---

[1]) Документы о кончинѣ государя Александра Павловича. Спб., 1910 г., стр. 63—64.

3 марта 1826 года она пишетъ ей изъ Петербурга:

«Въ Царскомъ Селѣ видала Атаназа (мужа). Государю еще не былъ представленъ, но получилъ отъ него приказаніе все осмотрѣть, какъ колесницу, такъ и всѣ балдахины и катафалки и что найдетъ неудобнымъ, передѣлать по своему желанію. Впрочемъ, неизвѣстность ужасная, непроникаемая окружаетъ мою судьбу, еще недѣля пройдетъ и мы ничего не будемъ знать.

Государыня Марія Ѳеодоровна ѣздила на встрѣчу тѣлу блаженной памяти Государю Императору Александру I въ Тосну, за 40 верстъ отъ Царскаго Села, служила по немъ панихиду и возвратилась въ Царское Село, гдѣ Государь самъ встрѣчалъ за нѣсколько верстъ Незабвеннаго. Въ пятницу шествіе выступитъ въ походъ, будетъ ночевать въ Чесменскомъ дворцѣ, потомъ въ субботу вступитъ въ Петербургъ» [1]).

11 марта 1826 года она пишетъ матери: [2]).

«Всѣ утвердительно говорятъ, что коронація будетъ въ Маѣ или Іюнѣ мѣсяцѣ. Послѣ похоронъ все узнаемъ. Была я въ Казанскомъ Соборѣ—великолѣпіе удивительное, освѣщеніе ослѣпительное. При видѣ этой Колонады, въ траурѣ облеченной, въ дали представляется глазамъ храмъ, который освѣщаетъ мрачность, его окружающую.—Колоны храма зеленыя подъ малахитъ задѣланныя.—Гробъ на возвышеніи стоитъ».

При этомъ слѣдуетъ принять во вниманіе маленькую подробность—въ день вступленія похороннаго кортежа съ тѣломъ Александра I въ Петербургъ шелъ снѣгъ и погода была пасмурная [3]).

---

1) ib., стр. 65—66.

2) ib., стр. 67—68.

3) Документы о кончинѣ государя Александра Павловича. Спб., 1910 г., стр., 97.

Въ дополненіе къ приведеннымъ матеріаламъ слѣдуетъ добавить нѣкоторыя подробности много позже опубликованныхъ, изъ всеподданнѣйшихъ на имя имп. Александра II, прошеній самого Афанасія Даниловича Соломко и его жены Маріи Николаевны.

А. Д. Соломко пишетъ [1]) 3 іюля 1859 года:

«Въ 1814 году, во время Вѣнскаго конгресса, вызванъ я былъ Высочайшимъ повелѣніемъ въ Бозѣ почившаго Великаго Соименника Вашего Имп. Величества, Александра I-го, чтобы состоять при Его Особѣ, и съ той минуты, въ теченіе 11 лѣтъ, имѣлъ счастіе находиться при Немъ безотлучно, и сопровождать всюду, гдѣ только былъ Государь, беречь и охранять Его спокойствіе во время походовъ и путешествій; раздѣлять иногда по Его ко мнѣ милости Его Высокіе труды, посвященные благу Россіи.

Мнѣ суждено было пережить моего Государя-Благодѣтеля; суждено было закрыть глаза Его и передать потомству Его послѣдній вздохъ. Мнѣ суждено было слышать послѣднюю мысль Его, посвященную счастію Нашему Отечеству. Я сохранилъ, какъ святыню тотъ платокъ, который охватывалъ лице Государя въ минуту Его кончины и на который упали первыя слезы Государыни, потерявшей Супруга. . . . .

Въ продолженіе всей службы моей, Государь не разъ удостоивалъ меня своей довѣренности, поручая все то, что не касаясь прямо служебныхъ дѣлъ, относилось лично къ Его Священной Особѣ, или касаясь службы требовало особой Его довѣренности. Такимъ образомъ въ 1815 г., когда Наполеонъ I смутилъ Европейскіе дворы, я еще молодой Офицеръ, былъ посланъ Государемъ съ предположеніями Его, къ фельдмаршаламъ Шварценбергу и Блюхеру.

[1]) ib. отр. 101—102.

Въ послѣдствіи, довѣренность Государя ко мнѣ увеличилась; Онъ не разъ возлагалъ на меня самыя сокровенныя порученія, постоянно ввѣряя мнѣ сохраненіе своей Священной Особы и называя своимъ тѣлохранителемъ. Не разъ случалось мнѣ видѣть Его и въ тревожномъ состояніи духа, заботившимся о счастіи своихъ подданныхъ, и улавливать Его Высокія Думы и проявленія Его истинно-христіанской любви и милости.

При послѣдней, роковой поѣздкѣ Его въ Таганрогъ, Онъ осчастливилъ меня особенною довѣренностью; Онъ мнѣ указалъ на существовавшее въ то время волненіе умовъ молодежи и сказалъ:

— «Этого не знаютъ ни мать, ни жена моя, я тебѣ довѣряю...»

и до послѣднихъ минутъ Его жизни я забывалъ себя, свое семейство, чтобы служить Его Священной Особѣ, служить Ему умомъ, сердцемъ, мыслію, всею душою моею.

По прибытіи въ Петербургъ со Священными останками Государя Благословленнаго, я былъ милостиво принятъ въ Бозѣ почившимъ Родителемъ Вашего Имп. Величества. Онъ мнѣ сказалъ:

— «Благодарю за вѣрную, честную и усердную службу твою!».

И эти слова Родителя Вашего всегда будутъ составлять отраду моей жизни. Государь оставилъ меня Своимъ Генералъ-Вагенмейстеромъ и назначилъ Инспекторомъ Арсеналовъ и парковъ Инженернаго Вѣдомства».

Вскорѣ ген. А. Д. Соломко умеръ. Тогда его жена Марія Николаевна обращается къ имп. Александру II съ всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ о милостяхъ. Между прочимъ, она пишетъ:

«(Мужъ мой) сопровождалъ Императора благодѣтеля своего въ Голландію, онъ имѣлъ счастіе спасти ему жизнь,

повергая свою явной опасности.—Онъ открылъ заговоръ противъ Монарха, возбужденный приверженцами Наполеона I-го съ цѣлію заставить Государя утвердить на престолѣ Франціи низверженнаго Наполеона I-го.

Для спасенія Царя необходимо было измѣнить путь. Его Величество изволилъ сѣсть въ коляску мужа моего, а генералъ Соломко поѣхалъ въ экипажѣ Александра Благословеннаго, надѣвъ на себя шинель и фуражку Императора и поѣхалъ по той дорогѣ, гдѣ ожидали злоумышленники проѣзда Царя.—Они остановили коляску, въ которой находился мой мужъ и одинъ изъ заговорщиковъ выстрѣлилъ въ него. Провидѣніе спасло моего мужа. Но генералъ Соломко не потерялъ присутствія духа, снялъ фуражку. Тогда злоумышленники закричали: nous sommes flombées—и очистили дорогу моему мужу, но его здоровье пострадало и Государь навѣщалъ Его больного.

По возвращеніи въ Россію, для избѣжанія траты большихъ суммъ на исправленіе царскихъ экипажей, мой мужъ устроилъ заведеніе, которое существуетъ и теперь. Во время путешествій Государя по Россіи ему поручались изслѣдованія просьбъ, подаваемыхъ Его Величеству и разнаго рода дѣла.

Онъ былъ хранителемъ Его секретныхъ бумагъ, находящихся въ возимомъ имъ портфелѣ. И въ этихъ путешествіяхъ спасалъ жизнь Царя, повергая свою.

Однажды онъ усмотрѣлъ, что впрягаютъ чудныхъ по наружности лошадей въ коляску Государя, но не хорошо объѣзженныхъ, онъ велѣлъ перепречь ихъ въ свою, за что Государь вознегодовалъ на него, но скоро замѣтилъ, что мужъ мой былъ правъ, эти лошади пронеслись мимо экипажа Государя подъ гору на мостъ и при поворотѣ

опрокинули коляску и мужа моего безъ чувствъ подняли съ земли [1]), баронъ Виллie пустилъ ему кровь и долго лѣчилъ его въ дорогѣ.

Мой мужъ пользовался большимъ довѣрiемъ Императора Александра за правоту его. Всегда въ дорогѣ онъ имѣлъ счастiе обѣдать за столомъ Государя, честiю которою ежедневно пользовались князь Волконскiй, впослѣдствiи баронъ Дибичъ, баронъ Виллie и мой мужъ. Часто Государь называлъ моего мужа своею золотою Соломкой.

Въ путешествiи у окраинъ Сибири Александръ Благословенный даровалъ свободу 300 человѣкамъ, осужденнымъ въ ссылку, слѣдствiе по этому дѣлу производилъ мой мужъ.

По кончинѣ въ Бозѣ почившаго Александра I, Императрица Елизавета Алексѣевна, призвавъ моего мужа къ себѣ, приказала ему сопровождать тѣло Августѣйшаго супруга и сказала:

— «Кому приличнѣе, какъ не вамъ, отдать послѣднiй долгъ Императору».

По прибытiи въ Петербургъ съ драгоцѣнными останками, Императоръ Николай Павловичъ въ своемъ кабинетѣ изволилъ принимать моего мужа и сказалъ ему эти незабвенныя слова:

— Я никогда не забуду твоей честной, ревностной и усердной службы моему Государю, Брату и благодѣтелю.

Помолчавъ немного, онъ прибавилъ:

— Во всякомъ для тебя тягостномъ случаѣ обращайся прямо ко мнѣ.

Въ награду пожаловалъ орденъ Владимiра и пенсiю въ двѣ тысячи рублей ассигнацiями, которыя по измѣненiю были обращены въ 500 руб. с.

---

[1]) Курсивъ нашъ.

Въ той же должности, въ какой мой мужъ находился при Императорѣ Александрѣ I-мъ, онъ сопровождалъ Государя на коронацію въ Москву, былъ по обязанности своей въ кортежѣ во время торжественнаго въѣзда царской фамиліи въ Москву, присутствовалъ при коронаціи и сопровождалъ Государя въ Тулу. Это было его послѣднею поѣздкою съ Царемъ имъ боготворимымъ» [1]).

Изъ этихъ всеподданнѣйшихъ прошеній мы узнаемъ, что, во-первыхъ, на жизнь Александра I дѣлались покушенія и что, во-вторыхъ, А. Д. Соломко былъ не только его особо довѣреннымъ лицомъ, но и такимъ, который хранилъ его особенныя тайны. Соломко былъ гатчинецъ, человѣкъ аракчеевскаго воспитанія и умѣлъ свято хранить въ полномъ молчаніи довѣряемыя ему тайны. Не подлежитъ сомнѣнію, что если бы ему приказалъ не только самъ Александръ I, но и кн. П. М. Волконскій молчать о смерти Александра I, то онъ молчалъ бы всю жизнь, боясь довѣрить кому-либо извѣстную ему тайну.

Изъ психологическаго узла, въ который былъ завязанъ волею судебъ полковникъ А. Д. Соломко, онъ не выбирался даже въ своихъ всеподданнѣйшихъ прошеніяхъ, въ которыхъ съ большими деталями устанавливается версія о несомнѣнности смерти Александра I. А. Д. Соломко «сохранилъ, какъ святыню, тотъ платокъ, который охватывалъ лицо Государя въ минуту его кончины», бюваръ, которымъ пользовался Александръ I во время своего пребыванія въ Таганрогѣ, и прядь его волосъ, отрѣзанныхъ у него по его кончинѣ.

Казалось бы, какія твердыя, неопровержимыя данныя, но въ то же время, какія непровѣренныя и никѣмъ, кромѣ самого А. Д. Соломко или даже издателя его писемъ и

---

[1]) Документы о послѣднихъ мѣсяцахъ жизни и о кончинѣ государя Александра Павловича. Спб., 1910 г., стр. 109—110.

«документовъ» (?), его внука Н. С. Соломко, не подтвержденныя!

Конечно, на первый взглядъ трудно предположить, чтобы А. Д. Соломко, говоря о смерти Александра І-го въ твердой, категорической формѣ, не былъ увѣренъ въ несомнѣнности этого факта, а съ другой стороны надо принять во вниманіе слѣдующіе, весьма важные моменты: 1) со смерти Александра І-го до момента подачи прошенія прошло цѣлое царствованіе протяженіемъ въ 30 лѣтъ и 2) положеніе о томъ, что Александръ І умеръ, превратилось въ исторически носомнѣнный фактъ путемъ давленія самого Николая І и исполнителей его воли на тѣхъ, кто былъ при Александрѣ І въ послѣдніе дни его пребыванія въ Таганрогѣ.

Могъ ли бы А. Д. Соломко, даже если бы онъ, зная, что Александръ І не умеръ, а ушелъ изъ міра и гдѣ-то спасается, не говоримъ прямо—сказать, а намекнуть своему Государю черезъ 30 лѣтъ во всеподданнѣйшемъ прошеніи, которое должно было пройти черезъ руки цѣлаго ряда лицъ, о томъ, что ему, какъ наиболѣе довѣренному лицу, извѣстна тайна смерти Александра І, какъ извѣстна она самому Государю?

Объективныя же основанія несомнѣнности смерти Александра І—платокъ, бюваръ и прядь волосъ не представляютъ собою тѣхъ твердыхъ и неопровержимыхъ доказательствъ, которыя бы не говорили о возможности и случайнаго нахожденія, внѣ зависимости отъ смерти Александра І, всѣхъ этихъ предметовъ у А. Д. Соломко.

Гораздо важнѣе для насъ указаніе, что смерть Александра І тотчасъ же породила массу легендъ и слуховъ. Тѣло еще, такъ сказать, не успѣло остынуть, а уже появились слухи, что Александръ І и не думалъ умирать. Интересно также сообщеніе, что на Александра І дѣлались

покушенія, и, между прочимъ, въ такой любопытной формѣ, какъ та, что въ его экипажѣ предполагалось впрячь лошадей, которые должны были понести и разбить его, и что волненіе умовъ среди молодежи было подъ конецъ царствованія Александра I чрезвычайно велико, и объ этомъ волненіи Александръ I не говорилъ ни матери, ни женѣ, чтобы не смущать ихъ покой, а довѣрилъ эту свою тайну А. Д. Соломкѣ.

Мы должны придать особое значеніе формѣ покушенія на жизнь Александра I—предполагалось впрячь въ его экипажъ необузданныхъ лошадей. При этомъ будетъ умѣстно вспомнить и о смерти фельдъ-егеря Маскова. Въ его экипажъ также впрягли такихъ лошадей, которыя бѣшено понесли его экипажъ и разнесли его вдребезги.

Слѣдуетъ также замѣтить, что фельдъ-егерь Масковъ, лицомъ и видомъ весьма похожій на императора Александра I, былъ спеціально вытребованъ изъ Петербурга курьеромъ съ бумагами на имя государя и убитъ такимъ случайнымъ и неожиданнымъ способомъ.

Очевидно, полковникъ вагенмейстеръ А. Д. Соломко, завѣдывавшій экипажной и маршрутной частью церемоніальной части двора Александра I, былъ, посвященъ въ грядущую тайну. При этомъ допускаемъ, что онъ въ это время не зналъ, для чего это нужно, но исполнялъ приказанія высшаго лица, вѣроятно, кн. П. М. Волконскаго, такъ усердно подготовлявшаго обстановку «смерти» Александра I. Это приказаніе, какъ одно изъ главныхъ звеньевъ, входило въ общій планъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что между смертью фельдъ-егеря Маскова и впряжкой необузданныхъ коней въ экипажъ Александра I имѣется тонкая, паутинообразная психо-

логическая связь и что упоминаніе объ этой формѣ покушенія на Александра I во всеподданнѣйшемъ прошеніи имѣетъ большое симптоматическое значеніе и какъ бы легкій, воздушный, казалось бы, еле уловимый намекъ на что-то такое, что впряжку бѣшеныхъ лошадей связываетъ со смертью Александра I.

Между тѣмъ, слухи и легенды о смерти Александра I начались тотчасъ же (кто-то былъ нескроменъ) и касались какъ разъ вопроса о томъ, что смерти не было, а что Государь исчезъ, отрекшись отъ престола такимъ необычайнымъ способомъ, и возникли они тутъ же, въ Таганрогѣ, среди людей, чуждыхъ политическихъ интригъ и исканій.

Спустя много десятковъ лѣтъ говорили, что наканунѣ оффиціальной смерти Александра I, 18-го ноября 1825 г., въ глухую темную ночь Александръ I скрылся изъ Таганрога, сопровождаемый барономъ ген. Дибичемъ, начальникомъ его штаба, и полковникомъ-вагенмейстеромъ А. Д. Соломко. Всѣ были на коняхъ. Александръ I въ серединѣ, бар. Дибичъ и полковникъ А. Д. Соломко по бокамъ. Отъѣхавъ довольно далеко по направленію къ горамъ, Александръ, въ полномъ молчаніи и глубокой задумчивости, сердечно простился со своими спутниками и, давъ лошади шпоры, быстро скрылся въ глубокой темнотѣ южной ночи. Погода въ Таганрогѣ и по пути была пасмурная, и мрачная.

Позже говорили, что самъ А. Д. Соломко, уже подъ конецъ царствованія Николая I и въ царствованіе Александра II, проговаривался о томъ, что въ ночь на 19 ноября 1825 года, онъ сопровождалъ Александра I вмѣстѣ съ ген. Дибичемъ въ его выѣздѣ изъ Таганрога [1]), такъ что вмѣсто Александра I погребенъ кто-то другой.

[1]) «Колоколъ», № 1060, Фельетонъ Кузьмина—«Неразгаданная Тайна».

Съ гравюры того времени, изображающей кончину Императора АЛЕКСАНДРА I

чепцѣ, женщина, которая должна быть имп. Елизаветой Алексѣевной, сейчасъ же за ней четверо военныхъ, изъ коихъ одинъ штатскій, за ними изъ дверей выглядываютъ двое военныхъ неизвѣстнаго чина, ближе къ нимъ въ самой комнатѣ какой-то военный, плотный, въ аксельбантахъ, театрально приложивъ лѣвую руку къ глазамъ, какъ-будто бы плачетъ, ближе къ нему группа изъ трехъ лицъ, изъ коихъ одинъ штатскій, въ аксельбантахъ, сзади нихъ черезъ столъ въ открытыхъ дверяхъ три человѣка, видимо, прислуги, и въ серединѣ комнаты еще двое штатскихъ лицъ, плачущихъ и закрывшихъ глаза руками.

Позы и положеніе всѣхъ этихъ лицъ чрезвычайно дѣланны и натянуты. Изъ четверыхъ лицъ, закрывшихъ глаза руками, трое почему-то закрылись ладонями лѣвыхъ рукъ и только одинъ, штатскій, закрылъ глаза правильно, какъ закрываютъ всѣ,—правой рукой.

Нѣтъ сомнѣнія, что эта современная гравюра сфабрикована много позже смерти Александра I и не только не передаетъ истинной обстановки, въ которой умеръ Александръ I, но и страдаетъ особенной выдуманностью позъ и расположенія лицъ, участвующихъ въ ней. Эта всѣмъ извѣстная гравюра своею лживостью сильно оскорбляетъ таинство смерти и нужна была тѣмъ, кто хочетъ подтвердить, между прочимъ, и ею несомнѣнность смерти Александра I.

Камердинеръ Федоровъ списалъ свою картину смерти Государя съ этой гравюры и потому его разсказъ по лубочности общаго тона совсѣмъ не достовѣренъ.

Допустимъ, однако, что Александръ I наканунѣ смерти, т. е. 18 ноября, никуда не уѣзжалъ и утромъ 19 ноября былъ въ своей комнатѣ и лежалъ въ постели, какъ умирающій. Д-ръ Тарасовъ говоритъ, что «государь постоянно слабѣлъ, часто открывалъ глаза и прямо устремлялъ

ихъ на императрицу и святое распятіе. Послѣдніе взоры его были настоль умилительны и выражали столь спокойное и небесное упованіе, что всѣ мы, присутствовавшіе, при безутѣшномъ рыданіи, проникнуты были невыразимымъ благоговѣніемъ. Ни единой черты страданія. Дыханіе становилось все рѣже и тише».

Бар. Вилліе подтверждаетъ показаніе камердинера Федорова, что при Александрѣ I до самой его кончины присутствовали императрица («оставалась у кровати императора всѣ эти дни»), князь П. М. Волконскій, доктора, дежурные.

Почему-то не хочется вѣрить показаніямъ даже такого искренняго и достовѣрнаго свидѣтеля, какъ д-ръ Тарасовъ, потому что трудно предположить, чтобы «присутствовавшіе», въ числѣ которыхъ было четыре врача, «безутѣшно» рыдали у постели умирающаго государя, зная, что всякое рыданіе, какъ движеніе воздуха извѣстнаго порядка, какъ всякій шумъ, должно растревожить обострившуюся чувствительность и нервность дѣйствительно умирающаго человѣка. Всѣмъ извѣстно, что при агоніи больного плакать запрещено, чтобы не усложнять тѣхъ страданій, которыя испытываетъ всякій больной вслѣдствіе самого процесса умиранія, тѣмъ болѣе, не могли «безутѣшно», слѣдовательно, громко и не стѣсняясь положенія больного, рыдать сами врачи. Въ этомъ разсказѣ самого д-ра Тарасова много неяснаго и недоговореннаго.

Однако, можно допустить, что въ утро 19 ноября 1825 года Александръ I умиралъ, т. е. самъ своею личностью присутствовалъ на своей постели, но умиралъ не дѣйствительно, а мнимо, т. е. создавалъ, по двуличности и хитрости, ему свойственнымъ, обстановку своей смерти и могъ настаивать на присутствіи возможно большаго чи-

сла свидѣтелей. Свидѣтели были нужны для того, чтобы разсказывать впослѣдствіи, что государь умеръ на ихъ глазахъ, но уже это присутствіе большого количества чужихъ людей при постели умирающаго, нарушающее интимность и святость момента, свидѣтельствуетъ о большой неискренности, преднамѣренности и инсценированности всей этой обстановки. Настоящимъ образомъ люди такъ не умираютъ, а особенно цари! Смерть, какъ величайшая тайна, совершается проще, интимнѣе, скрытнѣе, чѣмъ это было съ Александромъ I.

Весь день 19 ноября Александръ I могъ пролежать на своей постели въ томъ положеніи, какъ онъ былъ утромъ, и лишь поздней ночью встать и, въ сопровожденіи бар. Дибича и полковника А. Д. Соломко, выѣхать изъ Таганрога. Если бы Александръ I оставался лежать весь день 19 ноября, то въ выраженіи его лица могло не быть замѣтно, какъ говоритъ д-ръ Тарасовъ, «ничего земного, а райское наслажденіе, и ни единой черты страданія». Нужно понять тотъ сложный психологическій процессъ и весь кругъ мистическихъ идей, среди которыхъ вращались умъ и чувства Александра, чтобы допустить, что одна мистическая возможность, будучи живымъ, сдѣлаться мертвымъ и очиститься черезъ смерть могла быть необходимо близка душѣ Александра, какъ первая и важная ступень отреченія отъ власти и отъ міра. Нѣтъ сомнѣнія, что живой на постели Александръ I могъ желать мистически совершенія надъ собой обряда отпѣванія мертвыхъ, не какъ формы обмана людей, а какъ формы преображенія личности, перехода въ новую жизнь, въ полосу схимонашества, старчества, въ полосу религіознаго очищенія и замаливанія грѣховъ своихъ и своего рода.

Психологически этотъ моментъ можетъ быть связанъ съ другимъ моментомъ въ Петербургѣ, съ тѣмъ, что было

въ Александро-Невской Лаврѣ въ ночь его отъѣзда въ Таганрогъ.

Ночью же кн. П. М. Волконскій, оставшійся во дворцѣ, при помощи бар. Виллie, могъ замѣнить Александра I или трупомъ фельдъ-егеря Маскова, или кого-нибудь другого.

«Тѣло» Александра I въ Таганрогѣ.

Вскрытіе тѣла—Протоколъ вскрытія.—Актъ о кончинѣ Александра I.—Бальзамированіе.—Роль единственнаго бальзамировщика въ Таганрогѣ д-ра Д. К. Тарасова.—Его осторожный отказъ отъ бальзамированія тѣла.—Свидѣтели бальзамированія.—Выступленіе «тѣла» въ Петербургъ.—Открытіе гроба на пути.—Прибытіе въ Петербургъ.—Выставленіе въ Казанскомъ Соборѣ.—Погребеніе въ Петропавловской крѣпости 13 марта 1826 г.

Итакъ, Александръ I умеръ.

Его тѣло пролежало въ Таганрогѣ во дворцѣ съ 19-го ноября до 11 декабря, а затѣмъ было перенесено въ Александровскій монастырь.

Оно было

«поставлено на катафалкѣ, подъ балдахиномъ, увѣнчаннымъ императорскою короною».

Службы въ соборѣ ежедневно совершалъ архіерей, а утромъ и вечеромъ панихиды.

Въ соборѣ тѣло лежало до 29 декабря.

Затѣмъ его стали перевозить въ Петербургъ. Передвиженіе тѣла продолжалось ровно два мѣсяца, и прибыло оно въ Царское Село 28 февраля 1826 года.

Тѣло Александра I, по оффиціальной версіи, подверг-

лось вскрытію въ 7 часовъ вечера 20 ноября, т. е. черезъ 32 часа послѣ смерти. Нужно было бальзамировать тѣло. На лицо были четыре врача и ни одного спеціалиста по бальзамированію, кромѣ д-ра Д. К. Тарасова.

Если принять во вниманіе, что на дворѣ была зима, то едва ли мертвое тѣло могло испортиться въ 32 часа послѣ смерти. Однако, срокъ, все-таки, надо признать для бальзамированія нѣсколько длинный. Бальзамированіе можно было сдѣлать раньше. Ссылка нѣкоторыхъ изслѣдователей на то, что Таганрогъ стоитъ очень далеко отъ Петербурга, гдѣ только и могли находиться удовлетворительные бальзамировщики, и что потому не только нельзя было во-время, но и, вообще, нельзя было хорошо набальзамировать тѣло Александра, не только не доказательно, но и не можетъ быть принята во вниманіе, такъ какъ, если по оффиціальной версіи Александръ I испытывалъ ухудшеніе чуть не съ 12 ноября, т. е. за недѣлю до смерти, то можно было ожидать печальнаго исхода его болѣзни и подготовиться ко всякимъ случайностямъ, выписавши изъ Петербурга при помощи особой государевой почты всѣ нужныя для бальзамированія средства. Между тѣмъ, такой предусмотрительности со стороны лицъ, окружающихъ Александра I, мы не видимъ. Никто о возможныхъ случайностяхъ не думаетъ, да о нихъ, очевидно, и не надо думать, такъ какъ болѣзнь Александра I протекаетъ совершенно въ другой, чѣмъ обыкновенно бываетъ, плоскости.

Такимъ образомъ, отсутствіе средствъ для бальзамированія и самихъ бальзамировщиковъ въ Таганрогѣ не можетъ служить основаніемъ для вывода о плохомъ состояніи, почернѣніи и потемнѣніи тѣла Александра I.

Имп. Марія Ѳеодоровна, мать Александра I, запросила черезъ личнаго своего секретаря статсъ-секретаря Г. И. Вилламова кн. П. М. Волконскаго, чтобы онъ доставилъ

«Журналъ болѣзни» Александра I. Это было строгое требованіе вдовствующей императрицы.

Требованіе Вилламова было послано изъ Петербурга 27 ноября и получено было въ Таганрогѣ числа 6-го декабря, а уже 7-го декабря кн. П. М. Волконскій посылаетъ Г. И. Вилламову наскоро и спѣшно составленный, чуть не въ одну ночь, «Журналъ болѣзни», со своимъ препроводительнымъ письмомъ слѣдующаго содержанія:

«Милостивый Государь, Григорій Ивановичъ!

Получивъ отношеніе Вашего Превосходительства изъ С.-Петербурга отъ 27-го ноября и во исполненіе высочайшей воли Государыни императрицы Маріи Феодоровны, мнѣ объявляемой, спѣшу при семъ доставить собранный собственно для себя Журналъ о болѣзни въ Бозѣ почивающаго покойнаго государя императора Александра Павловича[1]), который полагалъ хранить драгоцѣннымъ памятникомъ нахожденія моего при послѣднемъ концѣ жизни обожаемаго мною монарха, при лицѣ котораго имѣлъ счастье быть ровно 29 лѣтъ.

Изъ сего журнала ея императорское величество изволитъ усмотрѣть, что 14-го числа покойный государь императоръ, казалось, не полагалъ себя въ опасности и мало вообще изволилъ говорить, съ того же числа память его начала совершенно упадать, и съ трудомъ выговаривалъ слова, когда просилъ пить или чего—другого...

Касательно печальной церемоніи, то я имѣлъ честь увѣдомить Ваше превосходительство, что мною здѣсь исполнено по сіе время, а вчера свинцовый гробъ съ тѣломъ поставленъ въ деревянный, обитый золотымъ глазетомъ съ золотымъ гасомъ и усыпанный шитыми импера-

---

[1]) Курсивъ нашъ.

торскими гербами на томъ же катафалкѣ подъ трономъ, въ траурномъ залѣ. Сегодня надѣта порфира и золотая императорская корона. Когда оконченъ будетъ катафалкъ въ церкви греческаго монастыря, тогда тѣло перевезется туда, гдѣ останется впредь до высочайшаго разрѣшенія, ожидаемаго изъ С.-Петербурга, на основаніи объявленнаго мнѣ о томъ изъ Варшавы отъ 27 ноября повелѣнія отъ его императорскаго величества государя императора Константина Павловича.

Мнѣ необходимо нужно знать, *совсѣмъ-ли отпѣвать тѣло при отправленіи отсюда, или отпѣваніе будетъ въ С.-Петербургѣ, которое, ежели осмѣливаюсь сказать свое мнѣніе, приличнѣе полагаю сдѣлать бы здѣсь, ибо хотя тѣло и набальзамировано, но отъ здѣшняго сырого воздуха лице все почернѣло, и даже черты лица покойнаго совсѣмъ измѣнились, черезъ нѣсколько же времени и еще потерпятъ, почему и думаю, что въ С.-Петербургѣ вскрывать гробъ не нужно, и въ такомъ случаѣ должно будетъ совсѣмъ отпѣть*[1]), о чемъ и прошу Васъ испросить Высочайшее повелѣніе и меня увѣдомить чрезъ нарочнаго.

Здоровье ея имп. вел. вдовствующей государыни императрицы Елизаветы Алексѣевны весьма посредственно. Вотъ уже нѣсколько ночей кряду изволятъ худо оныя проводить и чувствуетъ судороги въ груди, принимая однако же прописываемыя г-номъ Стоффрегеномъ лекарства. Ежедневно два раза присутствовать изволятъ у панихидъ. Фрейлинѣ Валуевой и г-ну Стоффрегену объявлено,

---

[1]) Курсивъ нашъ.

чтобы какъ можно подробнѣе доносили о здоровьѣ ея императорскаго величества.

Покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, повергнуть меня къ стопамъ Е. И. В. Госуд. Имп-цы Маріи Феодоровны за всемилостивый отзывъ ея величества обо мнѣ, который остается единственнымъ мнѣ утѣшеніемъ послѣ сдѣланной ужаснѣйшей потери. Да подкрѣпитъ Всевышній силы ея импер. величества въ столь чрезмѣрной ея печали и продлитъ дни ея для всѣхъ насъ столь драгоцѣнные.

Вашего Превосходительства покорнѣйшій слуга

К. Петръ Волконскій».

Когда Александръ I оффиціально умеръ, то въ Таганрогъ стали пріѣзжать люди, близкіе ко двору, пріѣхала, между прочимъ, и жена князя П. М. Волконскаго, княгиня Софья Волконская. Нельзя сказать, чтобы количество пріѣхавшихъ поражало своею многочисленностью, но, все же, городъ очень оживился.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, великому князю Константину Павловичу былъ посланъ:

1. «Всеподданнѣйшій рапортъ ген.-адъютанта барона Дибича къ императору Константину Павловичу, отъ 19-го ноября 1825 г.

Съ сердечнымъ прискорбіемъ имѣю долгъ донести Вашему Императорскому Величеству, что Всевышнему угодно было прекратить дни всеавгустѣйшаго нашего государя императора Александра Павловича сего ноября, 19-го дня, въ 10 часовъ и 50 минутъ пополуночи [1]) здѣсь въ городѣ Таганрогѣ. Имѣю счастье представить при семъ актъ за подписаніемъ находящихся при семъ бѣдственномъ случаѣ генералъ-адъютантовъ и лейбъ-медиковъ».

---

[1]) Курсивъ нашъ

11. Актъ о кончинѣ императора Александра.

«Нижеподписавшіеся, находясь въ Екатеринославской губерніи въ городѣ Таганрогѣ при высочайшей особѣ, съ глубочайшей вѣрноподданническою скорбію свидѣтельствуемъ, что благочестивѣйшій государь императоръ Александръ Павловичъ самодержецъ всероссійскій и пр., и пр. на возвратномъ пути изъ Крыма 3-го и въ особенности 4-го числа ноября почувствовалъ первоначальные лихорадочные припадки, кои скоро по прибытіи его величества въ Таганрогъ 5-го числа оказались послабляющею желчною лихорадкою, изъ коей образовалась впослѣдствіи воспалительная жестокая горячка съ прилитіемъ крови въ голову [1]). Сія болѣзнь увеличивалась съ быстротою и продолжалась съ такимъ упорствомъ, что всѣ непрестанно употребляемыя къ прекращенію ея врачебныя средства оказались тщетными. 15-го числа государь императоръ изволилъ пріобщиться Св. Таинъ. 17-го по утру въ положеніи его величества примѣчена была нѣкоторая перемѣна, возбудившая слабый лучъ надежды къ облегченію страждущаго вѣнценосца; но въ продолженіе того и послѣдующихъ дней при совершенномъ истощеніи послѣднихъ силъ его величества, горячка [1]) усиливалась съ сугубою жестокостью, 19-го же числа, по полуночи 10 часовъ и 50 минутъ [1]) императоръ отошелъ изъ сей жизни въ вѣчную. Все сіе къ неописанной горести вѣрныхъ сыновъ Россіи совершилось въ присутствіи Е. И. В. Гос. Имп-цы Елизаветы Алексѣевны, которая за всю болѣзнь августѣйшаго ея супруга изволила быть при немъ неотлучно, причемъ и мы, нижеподписавшіеся, непрерывно находились. Настоящее свидѣтельство утверждаемо подписаніемъ нашимъ въ двухъ экземплярахъ. Писано и подписано Ека-

[1]) Курсивъ нашъ.

теринославской губерніи въ городѣ Таганрогѣ ноября въ 19 день 1825 года.

Членъ Гос. Совѣта, ген.-отъ-инф. ген.-ад. князь Петръ Волконскій.

Членъ Госуд. Совѣта, начальникъ главнаго штаба, генералъ-адъютантъ баронъ Дибичъ.

Баронетъ Яковъ Вилліе, тайный совѣтникъ и лейбъ-медикъ.

Конрадъ Стоффрегенъ, д. ст. совѣтн. и лейбъ-медикъ».

Этотъ актъ былъ переведенъ на французскій языкъ, но къ 4-мъ лицамъ, подписавшимъ его, присоединился еще 5-ый, который не только не присутствовалъ во время болѣзни Александра I, но и по сложнымъ своимъ обязанностямъ постоянно долженъ былъ находиться въ Петербургѣ. Это—генералъ-адъютантъ Чернышевъ, военный министръ, lieutenant general et Aide de Camp General, пріѣхавшій въ Таганрогъ уже послѣ смерти Александра I.

Одновременно съ этимъ баронъ Дибичъ посылаетъ великому князю Константину Павловичу два частныхъ письма и копію своего письма къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

Въ первомъ письмѣ имѣется весьма любопытная подробность: говоря о кончинѣ Александра I, баронъ Дибичъ подтверждаетъ, что въ моментъ смерти Государя у его постели никого не было, кромѣ императрицы Елизаветы Алексѣевны, и не указываетъ, чтобы еще кто-нибудь былъ въ этотъ моментъ. Такимъ образомъ, оффиціально устанавливается, что при умирающемъ Александрѣ I въ его комнатѣ была одна только императрица и никого изъ постороннихъ не было. Подробность весьма существенная!

Во второмъ письмѣ баронъ Дибичъ сообщаетъ великому князю о тѣхъ мѣрахъ, которыя онъ принялъ въ

связи съ болѣзнью и смертью Александра I, «не имѣвъ инструкцій на случай несчастья». Между прочимъ, онъ сообщаетъ великому князю, что онъ вмѣстѣ съ кн. Волконскимъ опечаталъ всѣ бумаги Александра I, что онъ послалъ письмо вдовствующей императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ и что, ввиду несомнѣнности печальнаго исхода болѣзни Государя, онъ писалъ объ этомъ предсѣдателю Государственнаго Совѣта свѣтлѣйшему князю Лопухину, петербургскому и московскому генералъ-губернаторамъ, а также «секретныя письма» главнокомандующимъ—графу Виттенштейну и барону Остенъ-Сакену и что онъ разсчитываетъ на то, что самъ Константинъ Павловичъ пріѣдетъ въ Таганрогъ [1]).

Строго оффиціальныя, эти письма заключаютъ въ себѣ небольшія и характерныя подробности. Такъ, вышеуказанная подробность, что при умирающемъ Александрѣ I у его постели находилась одна только имп. Елизавета Алексѣевна и никого больше не было, что баронъ Дибичъ, какъ начальникъ главнаго штаба, и кн. П. М. Волконскій, какъ министръ имп. двора и личный другъ Александра I, опечатали всѣ его бумаги и что с.-петербургскій главнокомандующій Д. Е. Остенъ-Сакенъ узналъ одинъ изъ первыхъ о тяжеломъ положеніи Александра I изъ «Секретнаго письма» бар. Дибича.

Д. Е. Остенъ-Сакенъ намъ будетъ очень нуженъ впослѣдствіи, когда мы будемъ разсказывать о Θеодорѣ Козьмичѣ. Баронъ Остенъ-Сакенъ является ниточкой, тянущейся къ Θеодору Козьмичу изъ Петербурга, изъ Москвы и, вообще, изъ Россіи въ Томскъ и въ другія части Сибири. Эта нить длинна и крѣпка, несмотря на то, что она тонкая, и тянулась въ теченіи всей жизни между

---

[1]) Эти письма напечатаны въ VI т. соч. Н. К. Шильдера «Александръ I». Всѣ эти письма написаны по-французски.

старцемъ Θеодоромъ Козьмичемъ и бар. Д. Е. Остенъ-Сакеномъ.

III. Протоколъ вскрытія тѣла (20 ноября 1825 года, 7 часовъ вечера).

Врачи «нашли слѣдующее:

1. *На поверхности тѣла.*

Видъ тѣла вообще не показывалъ истощенія и мало отступалъ отъ натуральнаго своего состоянія какъ во всемъ тѣлѣ вообще, такъ и въ особенности въ брюхѣ и ни въ одной изъ наружныхъ частей не примѣтно ни малѣйшей припухлости.

На передней части тѣла, именно на бедрахъ, находятся пятна темноватыя, а нѣкоторыя темнокраснаго цвѣта, отъ прикладыванія къ симъ мѣстамъ горчишниковъ происшедшія; на обѣихъ ногахъ ниже икръ, до самыхъ мыщелковъ, примѣтенъ темно-коричневый и различные рубцы, особенно на правой ногѣ, оставшіеся по заживленіи ранъ, которыми государь императоръ одержимъ былъ прежде [1]). На задней поверхности тѣла, на спинѣ между крыльцами, до самой шеи простирающееся довольно обширное примѣтное пятно темнокраснаго цвѣта отъ приложеннаго къ сему мѣсту пластыря [1]) шпанскихъ мухъ происшедшее. Задняя часть плечъ, вся спина, задница и всѣ мягкія части, гдѣ наиболѣе находится жирной клѣтчатой плевы, имѣютъ темно-оливковый цвѣтъ [1]), происшедшій отъ изліянія подъ кожу венозной крови. При поворотѣ тѣла спиною вверхъ изъ ноздрей и рта истекло немного кровянистой влаги.

2. *Въ полости черепа.*

При разрѣзѣ общихъ покрововъ, начиная отъ одного

---

[1]) Курсивъ нашъ.

уха до другого, кожа найдена очень толстой и изобилующею жиромъ [1]). При осторожномъ и аккуратнѣйшемъ отдѣленіи пилою верхней части черепа, изъ затылочной стороны вытекло два унца венозной крови. Черепъ имѣлъ натуральную толстоту. По снятіи твердой оболочки мозга, которая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно подъ затылочной костью, весьма твердо приросла къ черепу [1]), кровеносные сосуды на всей поверхности мозга чрезмѣрно были наполнены и растянуты темною, а мѣстами красноватой кровью отъ предшествовавшаго сильнаго прилитія оной къ сему органу. На переднихъ доляхъ мозга подъ лобными возвышеніями (protuberantia frontalis) примѣтны два небольшія пятна темно-оливковаго цвѣта [1]) отъ той же причины. При извлеченіи мозга изъ своей полости на основаніи черепа, равно, какъ и въ желудочкахъ самаго мозга, найдено прозрачной сукровицы (serositas) до двухъ унцій. Хоровидное сплетеніе лѣваго мозгового желудочка найдено твердо приросшимъ ко дну онаго.

3. *Въ грудной полости.*

По сдѣланіи одного прямого разрѣза, начиная отъ гортани чрезъ средину грудной кости до самого соединенія лобковыхъ костей, и двухъ косвенныхъ, отъ пупка до верхняго края подвздошныхъ костей, клѣтчатая плева была повсюду наполненной большимъ количествомъ жира. При соединеніи реберъ съ грудиною, хрящи оныхъ найдены совершенно окостенѣвшими. Оба легкія имѣли темноватый цвѣтъ и нигдѣ не имѣли сращенія съ подреберной плевой. Грудная полость ни мало не содержала

[1]) Курсивъ нашъ.

въ себѣ водянистой влаги. Сердце имѣло надлежащую величину и во всѣхъ своихъ частяхъ, такъ и существомъ своимъ не мало не отступало отъ натуральнаго состоянія, равно и всѣ главные сосуды отъ онаго происходящіе. Въ околосердечной сумкѣ (pericordium) найдено сукровицы около одного унца.

4. *Въ полости брюшной.*

Желудокъ, въ которомъ содержалось немного слизистой смѣси, найденъ въ совершенно здоровомъ положеніи; печень имѣла большую величину [1]) и цвѣта темнѣе натуральнаго; желчный пузырь растянутъ былъ большимъ количествомъ испорченной желчи темнаго цвѣта; ободошная кишка была очень растянута содержащимися въ ней вѣтрами. Всѣ же прочія внутренности, какъ-то поджелудочная желѣза, селезенка, почки и мочевой пузырь ни мало не отступали отъ натуральнаго своего состоянія.

Сіе анатомическое изслѣдованіе очевидно, доказываетъ, что августѣйшій нашъ монархъ былъ одержимъ острою болѣзнью [1]), коей первоначально была поражена печень и прочіе, къ отдѣленію желчи служащіе, органы. Болѣзнь сія въ продолженіи своемъ постепенно перешла въ жестокую горячку съ приливомъ крови въ мозговые сосуды и послѣдующими затѣмъ отдѣленіемъ и накопленіемъ сукровичной влаги въ полостяхъ мозга [1]), и была, наконецъ, причиною самой смерти Его Императорскаго Величества».

Протоколы подписали:

1. Дмитріевскаго военнаго госпиталя младшій лекарь Яковлевъ.

2. Л.-Гв. Казачьяго полка штабъ-лекарь Васильевъ.

---

[1]) Курсивъ нашъ.

3. Таганрогскаго карантина главный медиц. чиновникъ д-ръ Лакіеръ.

4. Придворный врачъ коллежскій ассесоръ Добертъ.

5. Медико-хирургъ надворный совѣтникъ Тарасовъ.

6. Штабъ-лекарь надворный совѣтн. Александровичъ.

7. Докторъ медицины и хирургіи статскій совѣтникъ Рейнгольдъ.

8. Дѣйств. статскій сов., лейбъ-медикъ Стоффрегенъ.

9. Баронетъ Яковъ Виллie, тайный совѣтникъ и лейбъ-медикъ.

Видѣлъ описанные медиками признаки и при вскрытіи тѣла Е. И. В. Государя Императора Александра Павловича находился Генералъ-Адъютантъ Чернышевъ.

Такимъ образомъ, внѣшняя сторона врачами была соблюдена: Актъ о кончинѣ имп. Александра I и Протоколъ вскрытія тѣла должны были убѣдить маловѣрныхъ въ томъ, что имп. Александръ I дѣйствительно умеръ, а не скрылся куда-нибудь.

Новостью представляется лишь одно, казалось бы, и ничтожное обстоятельство: скрѣпа «Протокола вскрытія тѣла» Александра военнымъ министромъ ген.-ад. Чернышевымъ. Зачѣмъ? Конечно, единственно для того, чтобы придать этому «Протоколу» наибольшую документальность и силу. Между тѣмъ, ген. Чернышевъ пріѣхалъ въ Таганрогъ наканунѣ вскрытія тѣла и лишь случайно былъ при этой процедурѣ.

Затѣмъ нельзя не обратить вниманія, что самые главные врачи Александра I—бар. Яковъ Виллie и д-ръ Д. К. Тарасовъ—подписались—первый—девятымъ, а второй—пятымъ, тогда какъ всѣ остальные врачи, не исключая и самого д-ра Стоффрегена, лейбъ-медика императрицы, подписались въ качествѣ первыхъ свидѣтелей. Между

тѣмъ, нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти свидѣтели были приглашены баронетомъ Виллie лишь для декорума, для полноты картины, но нисколько не были допущены къ самому вскрытію, такъ какъ и вскрытіе представляло собою актъ, облеченный нѣкоторой таинственностью и требовавшій весьма существенной осторожности.

Самое главное руководительство въ бальзамировкѣ принадлежало д-ру Д. К. Тарасову.

Мы, какъ и кн. В. В. Барятинскій [1]), находимъ, что для освѣщенія вопроса, *какъ* производилось бальзамированіе тѣла Александра, чрезвычайно важно привести воспоминанія Н. И. Шенига, состоявшаго при начальникѣ главнаго штаба бар. Дибичѣ по квартирмейстерской части.

Онъ пишетъ:

«21-го числа (ноября), поутру въ 9 часовъ, по приказанію Дибича, отправился я, какъ старшій въ чинѣ изъ числа моихъ товарищей, для присутствія при бальзамированіи тѣла покойнаго государя.

Вошедши въ кабинетъ, я нашелъ его уже раздѣтымъ, и четыре гарнизонные фельдшера, вырѣзывая мясистыя части, набивали ихъ какими-то разваренными въ спиртѣ травами и забинтовывали широкими тесьмами.

Добертъ и Рейнгольдтъ, съ сигарами въ зубахъ, варили въ кастрюлькѣ въ каминѣ эти травы. Они провели въ этомъ занятіи всю ночь, съ той поры, *какъ Виллie вскрылъ тѣло и составилъ протоколъ* [2]). *Черепъ на головѣ былъ приложенъ*, а при мнѣ *натягивали кожу съ волосами*, чѣмъ немного *измѣнилось выраженіе чертъ лица* [2]). Мозгъ, сердце и внутренности были

---

[1]) Кн. В. В. Барятинскій.—Царственный мистикъ, стр. 81—82.

[2]) Курсивъ нашъ.

вложены въ серебряный сосудъ, въ родѣ сахарной большой жестянки съ крышкою, и заперты замкомъ.

Кромѣ вышесказанныхъ лицъ и караульнаго казацкаго офицера, никого не только въ комнатѣ, но и во всемъ дворцѣ не было видно [1].

Государыня наканунѣ переѣхала на нѣсколько дней въ домъ Шихматова.

Доктора жаловались, что *ночью всѣ разбѣжались и что они не могутъ добиться чистыхъ простынь и полотенецъ* [1]. Это меня ужасно раздосадовало. Давно-ли всѣ эти мерзавцы трепетали одного взгляда, а теперь забыли и страхъ, и благодѣянія. Я тотчасъ-же пошелъ къ Волконскому, который принялъ меня въ постели, разсказалъ, въ какомъ положеніи находится тѣло государя, и тотъ, вскочивъ, послалъ фельдъегеря за камердинерами. Черезъ четверть часа они явились и принесли бѣлье.

Между тѣмъ, *фельдшера перевертывали тѣло, какъ кусокъ дерева* [1], и я съ трепетомъ и любопытствомъ имѣлъ время разсмотрѣть его. Я *не встрѣчалъ еще такъ хорошо сотвореннаго человѣка. Руки, ноги, всѣ части тѣла могли бы служить образцомъ для ваятеля; нѣжность кожи необыкновенная* [1]; одно только мѣсто, которое несторожно хватилъ Тарасовъ, было чернаго цвѣта.

По окончаніи бальзамированія, одѣли государя въ парадный общій генеральскій мундиръ, съ звѣздою и орденами въ петлицѣ, на рукахъ перчатки и положили на желѣзную кровать, на которой онъ скончался, накрывъ все тѣло кисеею. Въ ногахъ поставили аналой съ

[1]) Курсивъ нашъ.

Евангеліемъ, которое по очереди читали священники, смѣняясь каждые два часа...»

Подлинный протоколъ былъ подписанъ, въ числѣ другихъ, и Д. К. Тарасовымъ. Между тѣмъ, Д. К. Тарасовъ въ своихъ запискахъ удостовѣряетъ, что онъ подписи своей подъ протоколомъ не давалъ, даже болѣе того, онъ не желалъ бальзамировать «тѣло» Александра I, отговариваясь кн. П. М. Волконскому своимъ «сыновнимъ чувствомъ и благоговѣніемъ къ императору».

Эти отговорки тѣмъ болѣе характерны и интересны, что Д. К. Тарасовъ былъ оффиціальнымъ помощникомъ лейбъ-медика Виллie, состоявшаго при Александрѣ I, былъ единственнымъ въ Таганрогѣ спеціалистомъ по бальзамированію и, слѣдовательно, если бы онъ былъ убѣжденъ въ смерти Александра I, онъ не могъ бы отказаться не только отъ высокой чести, но и просто отъ обязанности службы немедленно же, безъ отговоръ приступить къ бальзамировкѣ. Между тѣмъ, д-ръ Д. К. Тарасовъ ссылается на какія-то «сыновнія чувства» къ Александру I.

Дѣло представится намъ въ иномъ освѣщеніи, если мы предположимъ, что д-ръ Д. К. Тарасовъ отказывался отъ бальзамированія «тѣла» Александра I по той причинѣ, что я не былъ убѣжденъ въ его смерти. Александръ I не умеръ,—и надо было кого-то бальзамировать подъ именемъ Александра. Эта ложь, эта коллизія между дѣйствительностью и внутреннимъ чувствомъ справедливости заставили д-ра Д. К. Тарасова отказаться отъ бальзамированія по весьма несерьезнымъ основаніямъ.

Щепетильность д-ра Д. К. Тарасова понятна и объясняется свойствомъ его характера, недостаточно, быть можетъ, выдержаннаго, какъ подобаетъ въ придворномъ быту. Ему слѣдовало исполнять приказанія также безпрекословно, какъ ихъ исполнялъ лейбъ-медикъ Виллie.

При этомъ весьма характеренъ мотивъ отказа д-ра Д. К. Тарасова: онъ отказывается не потому, что нѣтъ въ Таганрогѣ бальзамировочныхъ средствъ, которыя, кстати сказать, при существованіи въ ту пору специально для личныхъ нуждъ Александра I особый эстафеты, называвшейся экстра-почтоіі, могли быть доставлены изъ Петербурга менѣе, чѣмъ въ четверо сутокъ, а «сыновними чувствами и благоговѣніемъ къ императору», причемъ не говоритъ къ покойному императору. Какимъ образомъ могъ д-ръ Тарасовъ отказываться отъ бальзамированія самого императора подъ такимъ ничтожнымъ предлогомъ и почему ни императрица, ни кн. П. М. Волконскій, ни, наконецъ, самъ лейбъ-медикъ Вилліе, его начальникъ, просто не приказали ему бальзамировать безъ отговорокъ и въ опредѣленной, даже суровой, служебной формѣ?

Не подлежитъ сомнѣнію, что Д. К. Тарасовъ въ тайну смерти посвященъ не былъ: онъ увидѣлъ ее, а увидѣвши, онъ не пожелалъ присоединить свое имя къ исторической лжи и сталъ отлынивать отъ выполненія высокой обязанности.

Что это такъ, подтверждаютъ слова офицера Н. И. Шенига, который говоритъ, что

1) «Вилліе вскрылъ тѣло и составилъ протоколъ. Черепъ на головѣ былъ приложенъ, а при мнѣ натягивали кожу съ волосами, чѣмъ немного измѣнилось выраженіе чертъ лица»,

2) что присутствовали при этомъ два доктора—Добертъ и Рейнгольдтъ, «четыре гарнизонныхъ фельдшера, которые, «вырѣзывая мясистыя части тѣла, набивали ихъ травами и забинтовывали широкими тесьмами», одинъ караульный офицеръ и онъ, Н. И. Шенигъ, состоявшій при ген. Дибичѣ, но всѣ они выполняли только чисто слу-

жебныя роли и къ тѣлу подошли только послѣ окончанія самой важной процедуры, продѣланной самимъ бар. Вилліе,

3) что «доктора жаловались, что ночью всѣ разбѣжались», и нельзя было достать чистыхъ простынь и полотенецъ,

4) что «фельдшера перевертывали тѣло, какъ кусокъ дерева», т. е. не оказывали ему должнаго уваженія.

Изъ всего разсказаннаго самимъ очевидцемъ вскрытія и бальзамированія мы не встрѣчаемъ имени д-ра Д. К. Тарасова. Его не было при этихъ операціяхъ.

Мало того, изъ всѣхъ присутствующихъ при вскрытіи и бальзамированіи 9 человѣкъ, только одинъ Вилліе хорошо зналъ тѣло Александра I, а всѣ остальные, за исключеніемъ, быть можетъ, только Н. И. Шенига, его видѣли случайно и весьма ненадолго. Принимая же во вниманіе, что «выраженіе чертъ лица немного измѣнилось» послѣ натягиванія на черепъ кожи съ волосами, то сдѣлается яснымъ, что даже и самъ Н. И. Шенигъ не могъ знать, кого же, въ самомъ дѣлѣ, бальзамируютъ.

Всѣмъ дѣломъ заправлялъ одинъ баронетъ Вилліе.

При этомъ необходимо отмѣтить характерныя психологическія подробности—полное неуваженіе къ бальзамируемому тѣлу со стороны дворцовой прислуги, которая могла бы и подежурить при покойномъ, какъ, напримѣръ, близкіе къ Александру I камердинеры государя—Анисимовъ и Ѳедоровъ, и со стороны низшаго медицинскаго персонала.

Это неуваженіе къ праху императора при наличности вдовы-императрицы, грознаго ген. Дибича, законопослушнаго волѣ Государя кн. П. М. Волконскаго и другихъ начальствующихъ лицъ надо отнести не за счетъ грубости человѣческой души, а за счетъ категорическихъ

и неопровергнутыхъ слуховъ, которые тогда же распространились по Таганрогу о томъ, что Александръ I не умеръ, а скрылся.

Тутъ кстати ужъ будетъ припомнить замѣчаніе кн. П. М. Волконскаго въ его письмѣ къ статсъ-секретарю Г. И. Вилламову, секретарю имп. Маріи Ѳеодоровны, матери Александра I, о томъ, что тѣло слѣдовало бы окончательно отпѣть въ Таганрогѣ,

«ибо хотя тѣло и набальзамировано, но отъ здѣшняго сырого воздуха лице все почернѣло, и даже черты лица покойнаго совсѣмъ измѣнились, черезъ нѣсколько же времени и еще потерпятъ, почему и думаю, что въ С.-Петербургѣ вскрывать гробъ не нужно».

Тутъ характерны двѣ весьма существенныя подробности: 1) забота кн. П. М. Волконскаго во что бы то ни стало не вскрывать гроба, чтобы покойника никто не видѣлъ, и 2) измѣненіе чертъ лица въ зависимости отъ «сырого воздуха».

Правда, кн. П. М. Волконскій твердо и опредѣленно говоритъ «о болѣзни въ Бозѣ почивающаго покойнаго государя императора Александра Павловича», такъ какъ онъ превосходно понималъ, что его письмо къ Г. И. Вилламову и самый имъ «собранный собственно для себя Журналъ» будутъ впослѣдствіи разсматриваться, какъ историческіе документы, а потому онъ не былъ искрененъ и точенъ.

Несмотря на большое количество лицъ, подписавшихъ «Актъ вскрытія», все же, опытные врачи и діагносты не могутъ точно опредѣлить, отъ какой-же болѣзни умеръ Александръ I? Отъ гнилостной лихорадки, отъ тифа или

отъ чего-либо другого? Мало того, очень любопытно несоотвѣтствіе указаній на рубцы, бывшіе на ногахъ у Александра I. Рожистое воспаленіе, которымъ болѣлъ Александръ I въ январѣ 1824 года, оставило слѣды ввидѣ рубцовъ на лѣвой ногѣ, а протоколъ вскрытія говоритъ о «различныхъ рубцахъ, особенно, на правой ногѣ», чего у Александра I не было. Здѣсь получилось противорѣчіе, весьма опасное для тѣхъ, кто вскрылъ тѣло и кто зналъ общій видъ тѣла Александра I.

Такимъ образомъ, выводъ ясенъ: д-ръ Д. К. Тарасовъ, увидѣвъ, что приходится бальзамировать не Александра I, а чье-то другое тѣло и, можетъ быть, лично извѣстное ему тѣло фельдъ-егеря Маскова, достаточно испортившееся отъ лежанія въ могилѣ съ 6 ноября по 19-ое, т. е. въ теченіе 13 дней, вслѣдствіе чего черты лица покойнаго могли измѣниться, не только отказывался отъ бальзамированія, но и не далъ своей подписи подъ актомъ вскрытія. Между тѣмъ, въ этомъ актѣ имѣется подпись д-ра Д. К. Тарасова. Нѣтъ сомнѣнія, что она подложна. За него подписался кто-то другой.

Дѣло все въ томъ, что актъ вскрытія разсматривался, какъ документъ конфиденціальный и не подлежащій оглашенію, а потому тѣ, кто дѣлалъ при Александрѣ I тайну его смерти, твердо были убѣждены, что этотъ актъ не будетъ достояніемъ исторіи, а д-ръ Д. К. Тарасовъ, писавшій свои воспоминанія, не зналъ, что и его подпись фигурируетъ подъ актомъ вскрытія, справедливо полагая, что разъ онъ не подписывалъ оффиціальнаго документа, то, значитъ, и подписи его не могло быть.

Когда оба документа были обнародованы и сравнены, то ложь оказалась на сторонѣ оффиціальнаго документа.

11-го декабря тѣло было перевезено изъ дворца въ мѣстный греческій соборъ и простояло здѣсь до 29 декабря.

Погребальный кортежъ направился въ Петербургъ подъ общей командой генералъ-адъютанта графа Орлова-Денисова и при наблюденіи за тѣломъ д-ра Д. К. Тарасова.

Но какимъ образомъ опять былъ выдвинутъ д-ръ Д. К. Тарасовъ, когда во дворцѣ знали его нежеланіе участвовать во вскрытіи и въ бальзамированіи мертваго тѣла? Дѣло было такъ.

Когда процессія должна была выступить для слѣдованія въ Петербургъ, то императрица Елизавета Алексѣевна пригласила д-ра Д. К. Тарасова къ себѣ и сказала ему:

— «Я знаю всю вашу преданность и усердную службу покойному императору, и потому никому не могу лучше поручить, какъ вамъ, наблюдать во все путешествіе за сохраненіемъ тѣла его и проводить гробъ его до самой могилы».

На этой фразѣ слѣдуетъ остановиться, такъ какъ по ней можно судить, какъ была тонка и паутинообразна вся таганрогская трагедія.

Положимъ, что д-ръ Д. К. Тарасовъ былъ твердо убѣжденъ въ томъ, что во гробу лежитъ не Александръ I, и потому, насколько могъ, при данныхъ обстоятельствахъ, съ соблюденіемъ возможной осторожности фрондировалъ не только словами, сколько дѣйствіями, и предположимъ, что при такой психологической коньюнктурѣ онъ получаетъ приказъ отъ самой императрицы въ крайне мягкой формѣ «наблюдать во все путешествіе за сохраненіемъ тѣла покойнаго императора».

Ему предписывалось не только наблюдать за положеніемъ тѣла въ гробу, но и признать, что въ гробу—императоръ.

Могъ-ли бы отказаться д-ръ Д. К. Тарасовъ отъ порученія, даннаго самой императрицей? Вѣдь, оно было дано 29 декабря, т. е. мѣсяцъ и 10 дней спустя послѣ оффиціальной смерти Александра I, въ то время, когда вся Россія была оповѣщена о ней и въ Таганрогъ съѣхалось изъ Петербурга много знатныхъ оффиціальныхъ лицъ сопровождать тѣло государя. Могъ-ли слабый, одинокій д-ръ Тарасовъ отвѣтить императрицѣ:

— Благодарю за честь, Ваше Величество, но нѣтъ, я не поѣду, такъ какъ его величество живъ!?

На что бы могъ разсчитывать какой-то д-ръ Тарасовъ, если бы онъ пожелалъ раскрыть династическую по тому времени тайну, посѣять смуту и поселить сомнѣнія въ русскомъ народѣ послѣ только-что подавленнаго 14 декабря? Противъ д-ра Тарасова выступили бы вдовствующая императрица Марія Ѳеодоровна, новый императоръ, достаточно проявившій грозныя тенденціи своей души, и тѣсно сплоченный у трона придворный кругъ. Д-ръ Тарасовъ со всѣмъ его знаніемъ правды былъ очень ничтоженъ и, не имѣя возможности вести съ душевно-угнетенной императрицей интимную бесѣду, безропотно и безъ возраженій вынужденъ былъ подчиниться приказанію. Только черезъ 45 слишкомъ лѣтъ, глубокимъ старцемъ, онъ обмолвился въ своихъ воспоминаніяхъ о тайнѣ смерти Александра I.

Маршрутъ, которымъ слѣдовала процессія, былъ таковъ:

Харьковъ, Курскъ, Орелъ, Тула, Москва, Петербургъ.

Процессія двигалась крайне медленно.

Народъ волновался. Слухи росли въ ужасающихъ раз-

мѣрахъ во все время передвиженія тѣла. Народъ требовалъ открытія гроба, такъ какъ гирляндой, цѣпляясь другъ за другомъ, вились по всей Россіи и, особенно, по тѣмъ мѣстамъ, по которымъ шелъ гробъ, слухи о томъ, что Александръ I совсѣмъ не умеръ, а удалился, и что въ гробъ положено тѣло какого-то солдата, похожаго на государя.

Ввиду этихъ слуховъ и въ связи съ ними непремѣннаго желанія народа видѣть вскрытый гробъ гр. Орловъ-Денисовъ, общій начальникъ погребальной процессіи, сталъ примѣнять особыя мѣры воздѣйствія на толпу, употребляя репрессіи и даже воинскую силу.

Только 3-го февраля 1826 года прибыло тѣло въ Москву. Гробъ былъ поставленъ въ Архангельскомъ соборѣ. Народъ стекался въ необычайномъ количествѣ, стремясь проникнуть въ соборъ. Тогда были приняты особыя мѣры предосторожности: въ 9 часовъ вечера ворота Кремля запирались и у каждаго входа ставились готовыя къ выстрѣламъ артиллерійскія орудія. Пѣхота была расположена тотчасъ же за стѣнами Кремля, бивуаками, а кавалерія стояла готовая, съ осѣдланными лошадьми въ Экзерцисгаузѣ, на Моховой, сейчасъ же за стѣнами Кремля. Городъ со всѣхъ сторонъ былъ охваченъ военными патрулями.

Такимъ образомъ, два важныхъ въ психологическомъ отношеніи момента сопровождали гробъ Александра: а) легенды и слухи и б) разожженное этими легендами и слухами любопытство народа, требовавшаго вскрытія гроба для того, чтобы самому убѣдиться, что везутъ тѣло государя, а не чье-либо другое.

Ввиду того, что русское общество еще не остыло послѣ кровавой бури, закончившейся 14-мъ декабря, допустимъ, что слухи о мнимой смерти Александра I

сѣялись сторонниками декабристовъ... Цѣль и мотивы, конечно, ясны: — смутить общественную совѣсть и вызвать въ обществѣ оппозицію правительству. Но можно-ли было бы разсчитывать, что общество, побѣжденное грозными и террористическими пріемами правительства, что-нибудь выиграетъ отъ этой оппозиціи? Конечно, нѣтъ... Очевидно, заинтересованность декабристовъ въ распространеніи слуховъ и легендъ о мнимой смерти Александра I надо признать чрезвычайно проблематичной, тѣмъ болѣе, что слухи эти имѣли своимъ источникомъ Таганрогъ, куда еще не проникли декабристы. Нужно смѣло отвергнуть участіе декабристовъ и ихъ единомышленниковъ, еще уцѣлѣвшихъ отъ карающаго меча правительства, въ собраніи и распространеніи слуховъ о мнимой смерти Александра I. Колыбель этихъ слуховъ— Таганрогъ, а ихъ основа—какая-то правда, мистическая правда, выявляемая сама собой, въ силу общаго моральнаго закона, что всякая правда непремѣнно должна выявиться.

До Москвы гробъ не вскрывался. Отъ Москвы до Петербурга онъ вскрывался: 1) въ Таганрогѣ передъ отправленіемъ тѣла въ Петербургъ, 2) на второмъ ночлегѣ отъ Москвы въ селѣ Чашошковѣ 7-го февр. въ 7 часовъ вечера, 3) по выходѣ изъ Новгорода въ присутствіи гр. Аракчеева, въ деревнѣ Бабинѣ, 4) въ деревнѣ Тоснѣ въ присутствіи вдовствующей императрицы Маріи Ѳеодоровны въ 45 верстахъ отъ села Бабина и 5) въ Царскомъ Селѣ въ присутствіи имп. Николая I и императорской фамиліи, а всего—пять разъ. Всѣ осмотры производились въ полночь особымъ комитетомъ въ присутствіи графа Орлова-Денисова, которому д-ръ Тарасовъ представлялъ рапорты о положеніи тѣла.

Д-ръ Тарасовъ пишетъ въ своихъ «Запискахъ»:

«Я имѣю особенное предписаніе отъ графа Орлова-Денисова о возможномъ попеченіи за цѣлостью тѣла императора, во время всего шествія. Съ этой цѣлью я представилъ графу, что для удостовѣренія о положеніи тѣла императора необходимо по временамъ вскрывать гробъ и осматривать тѣло[1]).

Лейбъ-медикъ Виллiе записываетъ:

«Сего 26-го февраля въ 7 часовъ вечера пополудни, въ Бабинѣ, я производилъ осмотръ тѣла блаженной памяти императора Александра. Раскрывъ его до мундира, я не нашелъ ни малѣйшаго признака химическаго разложенія, обнаруживающагося обыкновенно выдѣленіями сѣрнисто-водороднаго газа, обладающаго весьма ѣдкимъ запахомъ; мускулы крѣпки и тверды и сохраняютъ свою первоначальную форму и объемъ. Поэтому я смѣло утверждаю, что тѣло находится въ совершенной сохранности, мы обязаны этимъ удовлетворительнымъ результатомъ точному соблюденію во время пути необходимыхъ мѣръ предосторожности».

Въ этой записи бар. Виллiе интересно его замѣчаніе, гдѣ онъ утверждаетъ, что тѣло находится въ полной сохранности. Отсюда можно сдѣлать выводъ, что тѣло детально, извнутри не осматривалось, а лишь, повидимому, вскрывалась крышка гроба и перекладывались коврики съ пахучими травами и нѣкоторыя принадлежности покойнаго, какъ императора, но тѣло не распахивалось, не обнажалось отъ савана и другихъ одѣяній, да и не могло обнажаться, такъ какъ оно было со всѣхъ сторонъ забинтовано тесьмами. Оставалось открытымъ одно лишь лицо, сдѣлавшееся черно-коричневымъ, съ очень измѣнившимися чертами лица.

*) Курсивъ нашъ.

Какъ близъ Новгорода гробъ открывался для гр. Аракчеева, такъ въ Тоснѣ гробъ открывался для имп. Маріи Θеодоровны, матери Александра I, всегда винившей его въ убійствѣ Павла I. Императрица спеціально для этого пріѣхала почти одна изъ Павловска. Отъ Павловска до Тосны верстъ 80—100—и нужна была особая побудительная причина, особая острота любопытства, которая заставляла бы императрицу-мать не дожидаться прибытія тѣла въ Царское Село или въ Петербургъ, гдѣ она могла бы увидѣть тѣло въ гробу.

Въ высшей степени властолюбивая, сильная волей, хитрая и умная имп. Марія Θеодоровна играла большую роль въ тогдашней придворной жизни, несмотря на то, что она жила не въ Петербургѣ, а въ Павловскѣ, удалившись по своему настойчивому желанію отъ большого двора послѣ убійства Павла I, и твердо держала въ своихъ рукахъ всѣ нити придворныхъ интригъ. Она все знала и почти всѣмъ незамѣтно направляла. Отъ ея зоркаго вниманія ничто не ускользало. Кромѣ того, благодаря остротѣ своего ума и наблюдательности она вела мемуары своего времени.

Зачѣмъ же понадобилось ей предварительно удовлетворять свое любопытство осмотромъ тѣла въ прибывшемъ гробу? Не знала-ли она чего-нибудь? Для чего ей потребовалось сдѣлать осмотръ подальше отъ Петербурга и въ достаточно таинственной обстановкѣ? Вѣдь, извѣстно, что особенно страстной любви къ Александру I—своему сыну—она не испытывала, несмотря на всю почтительность къ ней Александра. Отчужденіе обусловливалось насильственной смертью Павла I.

Въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытный матеріалъ представляютъ собою частныя письма княгини

Софьи Волконской, жены кн. П. М., пріѣхавшей въ Таганрогъ послѣ 19 ноября, къ имп. Маріи Ѳеодоровнѣ.

Письма писаны по-французски.

Она пишетъ 26 дек. 1825 г. изъ Таганрога.

«Кислоты, которыя были примѣнены для сохраненія тѣла, сдѣлали его совершенно темнымъ. Глаза значительно провалились; форма носа наиболѣе измѣнилась, такъ какъ стала немного орлиной».

Но крайне интереснымъ съ недоговоренностями и обмолвками представляется ея письмо къ императрицѣ отъ 31 декабря:

«Я осмѣливаюсь снова взяться за перо, чтобы передать Вамъ, государыня, съ хорошей оказіей подробности, о которыхъ я узнала во время моего путешествія. Я сейчасъ же *испытала чувство сожалѣнія, что Ваше Величество не узнали о нихъ* до того, *также*, какъ и *обо всѣхъ другихъ письмахъ моего мужа, которыя предшествовали этимъ, и здѣсь мое сожалѣніе еще возросло послѣ всѣхъ новыхъ данныхъ, которыя я узнала* и послѣ того, какъ я убѣдилась, что *нѣсколько лицъ, приближенныхъ къ императору, подозрѣвали и скрывали вещь, которую мой мужъ одинъ могъ замѣтить съ большей несомнѣнностью, чѣмъ другіе* [1]). Съ его столь преданнымъ сердцемъ, любившимъ императора въ теченіи 29-ти лѣтъ сряду, съ полнымъ самоотреченіемъ, *онъ могъ менѣе, чѣмъ кто-либо другой,—по крайней мѣрѣ, я такъ думаю, — ошибиться по поводу того, что происходило въ его прекрасной душѣ. Благосклонность*, съ кото-

[1]) Курсивъ нашъ.

рою вы соизволили, Государыня, выслушать меня по поводу выдержки (un passage) изъ одного изъ писемъ моего мужа, которое я по тогдашнимъ обстоятельствамъ предпочла не показывать вамъ полностью [1]); та доброта, съ которой вы изволили мнѣ отвѣтить и отъ которой, несмотря на этотъ моментъ, ничто не ускользало, останется въ моей памяти, пока я буду жива. И потому-то теперь я говорю самой себѣ, что я не должна бояться ознакомить съ моими письмами (т. е. тѣми, которыя получила) мать нашихъ государей, которая не посѣтуетъ на меня за мое рѣшеніе сообщить ей извѣстіе тяжелое, но которое она сможетъ довѣрить тому, кто, быть можетъ, найдетъ для себя выгоднымъ узнать интимное наблюденіе, сдѣланное надъ душевными настроеніями нашего возлюбленнаго незабвеннаго императора. Я должна добавить, что мой мужъ не знаетъ и никогда не узнаетъ, что я пишу это письмо и что я пересылаю вамъ, Государыня, его письма, содержащія въ себѣ сообщеніе, которое онъ никогда не подумаетъ вамъ сдѣлать [1]).

Но меня утѣшаетъ мысль, что то, что видѣлъ и что составляетъ его глубокое убѣжденіе по этому поводу, не будетъ утеряно. Я осмѣливаюсь вамъ это довѣрить и вы сдѣлаете изъ этого то употребленіе, которое Небо, ваша мудрость и ваше знаніе новаго государя вамъ подскажутъ [1]).

Умоляю васъ, Государыня, сохранить для меня эти по-

---

[1]) Курсивъ нашъ.

слѣднія письма моего мужа о несчастіи, съ нами случившемся, или же, если Ваше Величество сочтете лучшимъ—передать ихъ запечатанными моей матери» [1]).

Далѣе:

«Все, что связано съ вашимъ возлюбленнымъ сыномъ, представляетъ изъ себя воспоминаніе, которое я желала бы сохранить до моей смерти, но затѣмъ оно уничтожается вмѣстѣ со мной. Я чувствую въ этомъ необходимость и сумѣю обезпечить ее заранѣе».

Далѣе она проситъ не открывать «никогда никому содержанія этого письма».

Это письмо княгини Софіи Волконской, несмотря на его недоговоренности, можетъ быть разсмотрѣно, какъ одинъ изъ ключей къ разгадкѣ тайны.

Кн. Волконская пересылаетъ императрицѣ письма, писанныя ей ея мужемъ княземъ Петромъ Михайловичемъ изъ Таганрога въ Петербургъ, и сообщаетъ, что она намѣрена сообщить ей, «матери нашихъ государей, извѣстіе тяжелое», наблюденіе надъ душевнымъ состояніемъ не покойнаго, какъ ей слѣдовало бы сказать, а «нашего возлюбленнаго незабвеннаго императора», которое можно сообщить лишь тому, кому необходимо знать это «интимное наблюденіе». Самъ кн. П. М. Волконскій, ея мужъ, кончно, не рѣшился бы сказать этого императрицѣ, но она это дѣлаетъ помимо его желанія, довѣряя ей, «матери государей», тайну, изъ которой она сдѣлаетъ употребленіе, которое ей подскажутъ «небо, (ея) мудрость и знаніе новаго государя».

Сопоставляя всѣ эти мѣста, а также и то, что княгиня Софья Волконская писала свое письмо изъ Таганрога,

---

*) Курсивъ нашъ.

гдѣ она провѣрила сообщенія ея мужа изъ другихъ источниковъ и гдѣ лежалъ въ соборѣ еще не погребенный императоръ, мы должны утвердительно сказать, что дѣло шло о тайнѣ смерти Александра I. Это сопоставленіе «Неба, (ея) мудрости и знанія новаго государя» въ случаѣ сообщенія ему тайны, подтверждаетъ, что рѣчь идетъ о весьма крупномъ событіи, основанномъ на «интимномъ наблюденіи» и касающемся лично Александра I. Изъ писемъ кн. П. М. Волконскаго къ ней это «интимное наблюденіе» было, вѣроятно, названо собственнымъ именемъ.

Мы не будемъ прикрывать вуалью это полупризнаніе и скажемъ, что кн. П. М. Волконскій признается женѣ, что Александръ I не умеръ, а отрекся отъ престола, удалившись въ частную жизнь, и имп. Марія Өеодоровна, которая пережила ужасъ убійства ея мужа Павла I и которая обвиняла своего старшаго сына въ соучастіи въ этомъ убійствѣ, поняла всю глубину драмы, пережитой Александромъ I.

Узнавши объ этой тайнѣ отъ жены близкаго къ имп. Александру человѣка, имп. Марія Өеодоровна нисколько не подумала собщить объ этомъ немедленно своему сыну, имп. Николаю I, а поспѣшила за 100 верстъ отъ Петербурга въ Тосно посмотрѣть первой на тѣло. Ей нужно было самой, первой, провѣрить полученныя ею изъ самыхъ надежныхъ рукъ свѣдѣнія о томъ, кого везутъ въ Петербургъ подъ именемъ Александра I.

Такимъ образомъ, имп. Марія Өеодоровна знала, что въ Таганрогѣ совершилась трагедія и что въ Петербургъ везутъ не Александра I.

Что она могла сдѣлать?

Настоять у своего сына, новаго государя, отмѣнить похороны, изобличить правду? Въ какомъ видѣ, формѣ и

порядкѣ можно было это сдѣлать, не подвергая русское общество при неподавленномъ тогда еще революціонномъ настроеніи потрясеніямъ? Положеніе имп. Маріи Өеодоровны было не щекотливое, а безвыходное: знать, что въ гробѣ лежитъ не ея сынъ, и сказать всему міру, что да, это—ея сынъ.

Выйти изъ лабиринта ощущеній, въ которыхъ неожиданно очутилась имп. Марія Өеодоровна, можно было только путемъ предварительной провѣрки своихъ впечатлѣній: она и поѣхала въ Тосно.

О томъ, что ей было извѣстно о тайнѣ смерти Александра I, она не только никому ничего не сообщала, но не сказала даже имп. Николаю I, который безусловно твердо былъ убѣжденъ въ тотъ моментъ, что везутъ его старшаго брата.

Со стороны имп. Маріи Өеодоровны это было, съ одной стороны, очень дальновидно, а, съ другой, дипломатично и тонко, такъ какъ она не хотѣла смущать души Николая I въ это весьма трудное для него время. Вѣроятно, потомъ, когда все нѣсколько улеглось, она сказала ему все, дополнивъ показаніями остальныхъ свидѣтелей, но въ моментъ привезенія тѣла въ Царское Село и въ Петербургъ Николай I, какъ и весь дворъ, ничего не зналъ, и потому всѣ его дѣйствія искренни и серьезны.

Послѣ осмотра тѣла имп. Маріей Өеодоровной въ Тосно, гробъ былъ направленъ въ Царское Село, куда онъ прибылъ 28 февраля.

Въ Царскомъ Селѣ гробъ былъ встрѣченъ имп. Николаемъ I, вел. княземъ Михаиломъ Павловичемъ, принцемъ Вильгельмомъ Прусскимъ, братомъ имп. Маріи Өеодоровны, принцемъ Оранскимъ, первыми чинами Двора, духовенствомъ и жителями Царскаго Села при звонѣ колоколовъ.

На другой день, 1 марта, князь А. Н. Голицынъ, другъ Александра I, министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, вызвалъ къ себѣ д-ра Д. К. Тарасова и спросилъ его:

— Можно-ли открыть гробъ и можетъ-ли императорская фамилія проститься съ покойнымъ императоромъ?

Д-ръ Тарасовъ пишетъ въ своихъ «Запискахъ» объ этомъ такъ:

— Я отвѣчалъ утвердительно и увѣрилъ его, что тѣло въ совершенномъ порядкѣ и цѣлости, такъ что гробъ могъ бы быть открытъ даже для всѣхъ. Потомъ онъ (Голицынъ) мнѣ сказалъ, что императоръ мнѣ приказалъ, чтобы въ двѣнадцать часовъ ночи я, при немъ и графѣ Орловѣ-Денисовѣ, со всею аккуратностью открылъ гробъ и приготовилъ все, чтобъ императорская фамилія могла вся, кромѣ царствующей императрицы, которая тогда была беременна, *родственно проститься съ покойникомъ* [1]).

Въ 11 час. вечера священникъ и всѣ дежурные были удалены изъ церкви, а при дверяхъ, внѣ оной, поставлены были часовые; остались въ ней: князь Голицынъ, гр. Орловъ-Денисовъ, я и камердинеръ покойнаго императора Завитаевъ. По открытіи гроба я снялъ атласный матрацъ изъ ароматныхъ травъ, покрывавшій все тѣло, вычистилъ мундиръ, на который пробилось нѣсколько ароматныхъ специй, перемѣнилъ на рукахъ императора бѣлыя перчатки (прежнія нѣсколько измѣнили свой цвѣтъ), возложилъ на голову корону и *обтеръ лицо, такъ что тѣло представлялось совершенно цѣлымъ, и не было ни малѣйшаго признака порчи* [2]). Послѣ этого князь Голицынъ, сказавъ, чтобы мы остава-

[1]) Курсивъ нашъ.

[2]) Курсивъ нашъ.

лись въ церкви за ширмами, поспѣшилъ доложить императору.

Спустя нѣсколько минутъ, *вся императорская фамилія*[1]) съ дѣтьми, кромѣ царствующей императрицы, вошли въ церковь при благоговѣйной тишинѣ, и *всѣ цѣловали въ лицо и руку покойнаго*[1]). Эта сцена была до того трогательна, что я не въ состояніи вполнѣ выразить оную. По выходѣ императорской фамиліи я снова покрылъ тѣло ароматнымъ матрацомъ и, снявъ корону, закрылъ гробъ попрежнему.

Всѣ дежурные и караулъ введены были въ церковь ко гробу и началось чтеніе Евангелія. При этомъ произошло нижеслѣдующее:

Императрица Марія Ѳеодоровна *нѣсколько разъ*[1]) поцѣловала руку усопшаго и говорила:

— Oui, c'est mon cher fils, mon cher Alexandre! Ah! comme il a maigri!»

Трижды она возвращалась ко гробу и подходила къ тѣлу».

Эти свѣдѣнія мы находимъ у прусскаго генерала фонъ-Герлаха, записанное имъ со словъ принца Вильгельма Прусскаго, впослѣдствіи германскаго императора Вильгельма I.

Мы должны отнестись къ этому свидѣтельству съ нѣкоторымъ вниманіемъ.

Имп. Марія Ѳеодоровна, эта дипломатка, не утратившая еще ни обаянія, ни желанія оказывать вліяніе на ходъ историческихъ судебъ Россіи путемъ закулисныхъ интригъ, говорившая не то, что было у ней на умѣ, и умѣвшая искусно ткать сѣти интригъ вокругъ себя, сказала громко, раздѣльно фразу, которую должны были слышать окружавшіе ее члены императорской фамиліи и ко-

---

[1]) Курсивъ нашъ.

торая какъ то не вязалась съ ужасающей погребальной дѣйствительностью. Ей было важно, чтобы другіе слышали ея слова и пересказали ихъ другимъ.

Имп. Марія Ѳеодоровна сказала по-французски (тогда весь придворный кругъ говорилъ только по-французски!):

— Да, это — мой дорогой сынъ, мой дорогой Александръ! А! какъ онъ похудѣлъ!

Важно не то, конечно, что Александръ I, будучи мертвымъ, похудѣлъ. Это было возможно послѣ цѣлаго ряда химическихъ воздѣйствій, которыя были произведены надъ трупомъ, но то, что имп. Марія Ѳеодоровна, мать императора, говоритъ эту фразу громко, у гроба мертваго, какъ бы опровергая кого-то, какъ бы убѣждая кого-то изъ присутствующихъ въ томъ, что въ гробѣ находится несомнѣнно Александръ I.

Однако, слова въ ея устахъ—«какъ онъ похудѣлъ»!—звучатъ сомнѣніемъ и похожи по внутреннему своему тону, по психологіи тона на то: «какъ онъ не похожъ, какой онъ худой! Но что дѣлать! Это, все же, мой сынъ, мой дорогой Александръ»!..

Императрица, пережившая весь ужасъ убійства ея царствующаго мужа, могла пережить и громко удостовѣрить мнимую смерть Александра по соображеніямъ, какъ ей казалось, высшей политики, въ интересахъ общественнаго спокойствія.

Цѣловала-ли императрица руку мертвому, неизвѣстно изъ другихъ источниковъ, да и неважна эта подробность, такъ какъ императрица не столько цѣловала самую руку, сколько ткань, но она наклонялась надъ трупомъ въ гробѣ, это важнѣе съ психологической стороны. Какъ можно съ легкимъ сердцемъ наклоняться надъ трупомъ не сына?

Три раза имп. Марія Ѳеодоровна подходила къ гробу

съ мертвымъ и три раза, повидимому, довольно пристально вглядывалась въ его лицо. Это внутреннее безпокойство, это желаніе узнать, кто лежитъ въ гробѣ, не давало мира ея пытливой материнской душѣ.

Свидѣтель говоритъ, что императрица трижды подходила къ тѣлу, но нѣтъ указаній, чтобы она волновалась вслѣдствіе неожиданной смерти ея сына, чтобы она плакала или какъ-нибудь, хоть слегка, выражала свои душевныя страданія. Она была холодна, сдержанна и подходила къ гробу, какъ экспертъ, желающій успокоить взволнованное общественное мнѣніе, и, какъ экспертъ, произнесла свою французскую фразу о томъ, что она узнаетъ своего сына, своего дорогого Александра.

Мы не думаемъ, чтобы мать, какая бы она ни была, какъ бы не были далеки и отдаленны душевныя связи, соединяющія ихъ на разстояніи лѣтъ, не испытала нѣкотораго волненія при видѣ сына въ гробу. Много незамѣтныхъ на первый взглядъ, тонкихъ, еле уловимыхъ психологическихъ нитей посѣяно между ними. Эти нити оживаютъ, наполняются будящими воображеніе и память матери воспоминаніями и властно воскрешаютъ потухающій образъ сына.

Никакого волненія у имп. Маріи Θеодоровны, повидимому, не было, да и не могло быть послѣ писемъ княгини Софьи Волконской. Мѣста для сомнѣній — у ней тоже не было: императрица знала, что въ гробѣ не ея сынъ, но никому не считала возможнымъ сказать объ этомъ ввиду исключительныхъ условій слѣдованія тѣла въ Петербургъ. Она также не могла и уклониться отъ строгаго и неизмѣннаго ритуала, продиктованнаго этикетомъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда хоронятъ императора.

Вѣдь, на каждый шагъ, на каждое дѣйствіе имп. Маріи Θеодоровны смотрѣлъ не только близкій ей придвор-

ный кругъ, но и вся Россія, и вся Европа въ лицѣ своихъ уполномоченныхъ, посланниковъ, пословъ и аккредитованныхъ при русскомъ правительствѣ лицъ. Необходима была крайняя осторожность, крайняя осмотрительность въ поступкахъ и въ словахъ, необходимо было созданіе тона внѣшняго поведенія, чтобы что-нибудь малѣйшее, незамѣтное не бросилось въ глаза стороннимъ наблюдателямъ и не дало матеріаловъ для выводовъ.

Имп. Марія Өеодоровна все это прекрасно понимала и, все-таки, не выдержала до конца своей роли, сказавъ весьма опрометчивую и значительную по своему содержанію фразу о томъ, что Александръ похудѣлъ. Конечно, говоря эту фразу въ кругу весьма близкихъ людей, она совершенно не предполагала, что эта фраза когда-нибудь будетъ достояніемъ исторіи, да и не могутъ монархи или люди, къ нимъ близкіе, только молчать! Должны же они что-нибудь говорить и какъ-нибудь выражать свои чувства!..

Не испытывая ни малѣйшаго волненія при видѣ сына въ гробу, она не испытывала его и далѣе.

Дѣло другое—Николай I. Онъ могъ волноваться (Николай I былъ человѣкъ натуры глубокой и чувствительной) и вполнѣ искренно, въ твердомъ убѣжденіи, что передъ нимъ—мертвый братъ, могъ цѣловать ему руку. Николай I въ тотъ моментъ ничего не зналъ, не знала ничего и императорская фамилія... Всѣ были увѣрены, что хоронятъ Александра I. Формальный, реалистическій умъ Николая I при его самомнѣніи и самолюбіи не могъ допустить, чтобы онъ былъ обманутъ въ такомъ вопросѣ, какъ смерть брата. Поэтому онъ не задумывался надъ фактомъ смерти брата и выполнялъ то, что полагается по церемоніалу. Николая I связывали съ Александромъ I особыя отношенія: Николай I говорилъ ему вы и смотрѣлъ на

него, какъ на отца. Александръ I былъ старше Николая I лѣтъ на 25. Вообще, въ жизни имп. Маріи Өеодоровны появленіе двухъ паръ сыновей на большомъ разстояніи другъ отъ друга представляетъ интересную страницу для любознательнаго историка: двѣ пары сыновей и два совершенно различныхъ типа лицъ.

Испытывая къ Александру I чисто сыновнія чувства, Николай I могъ быть смущенъ потерей брата, который замѣнялъ ему въ его представленіяхъ отца и государя. Легенды и слухи могли до него доходить, но, какъ строгій, формалистическій умъ, Николай I не придавалъ имъ значенія и смотрѣлъ, какъ на досужія сплетни словоохотливыхъ кумушекъ. Тѣмъ болѣе, онъ не придавалъ имъ значенія, что онъ былъ всецѣло поглощенъ ликвидаціей революціоннаго движенія въ Россіи, подъ вліяніемъ котораго, по его представленіямъ, могли зарождаться и распространяться эти «сплетни».

Оплакивая Александра I, Николай I былъ искрененъ и вѣренъ себѣ:—онъ оплакивалъ своего «благодѣтеля», какъ онъ неоднократно писалъ Александру I.

Теперь остается сказать, зналъ ли что-нибудь кн. А. Н. Голицынъ, давнишній и искреннѣйшій другъ Александра I, который поручилъ ему разборку его бумагъ и дѣлъ въ его личномъ кабинетѣ при отъѣздѣ изъ Петербурга въ Таганрогъ. Кн. А. Н. Голицынъ, мистикъ, былъ связанъ съ Александромъ I духовно по тайнымъ религіознымъ кружкамъ. Александръ I вполнѣ довѣрялъ искренности и честности кн. А. Н. Голицына, но онъ почему-то не считалъ для себя возможнымъ довѣрить ему тайны своего будущаго.

Поэтому, приказывая д-ру Д. К. Тарасову открыть гробъ для императорской фамиліи, кн. А. Н. Голицынъ

твердо былъ убѣжденъ, что въ гробѣ лежитъ Александръ I.

Д-ръ Д. К. Тарасовъ приказаніе кн. А. Н. Голицына исполнилъ.

Какой-то странный кругооборотъ обмана твердо былъ спаянъ со стальнымъ гробомъ, въ которомъ покоилось «тѣло» Александра I. Имп. Марія Ѳеодоровна знала тайну, но, вѣроятно, думала, что ея не знаетъ д-ръ Д. К. Тарасовъ, почему въ Тоснѣ ей давалъ объясненія и вскрывалъ гробъ не Тарасовъ, а самъ бароннетъ Виллie, котораго она хорошо и давно знала. Д-ръ Тарасовъ зналъ тайну, но ея не знали ни Николай I, ни Голицынъ. Знавшіе тайну смотрѣли другъ другу въ глаза и были увѣрены, что они не знаютъ тайны.

Въ церковь, гдѣ стоялъ гробъ, вошла только императорская фамилія, т. е. сравнительно весьма небольшая группа людей: вдовствующая имп. Марія Ѳеодоровна, имп. Николай I съ дѣтьми, среди которыхъ были старшіе—великіе князья Александръ и Константинъ Николаевичи, братъ государя великій князь Михаилъ Павловичъ, братъ вдовствующей императрицы, случайно гостившій въ ту пору въ Петербургѣ принцъ Вильгельмъ Прусскій, а съ ними кн. А. Н. Голицынъ и гр. Орловъ-Денисовъ.

Можно утверждать, что тайну смерти Александра I знали въ этотъ моментъ, въ ночь 1 марта, только двое: имп. Марія Ѳеодоровна, трижды подходившая къ гробу, и д-ръ Д. К. Тарасовъ, который вмѣстѣ съ камердинеромъ Александра I Завитаевымъ былъ скрытъ отъ императорской фамиліи ширмами. Тишина могла быть благоговѣйная и торжественная, цѣловать въ плотно забинтованное тесьмами лицо Александра I присутствовавшіе могли, но видѣть эту «трогательную сцену» д-ръ Тара-

совъ, конечно, не могъ. Поэтому въ этомъ мѣстѣ д-ръ Тарасовъ передаетъ скорѣе свои ощущенія, чѣмъ непосредственныя наблюденія. Да и какая была въ этой сценѣ особенная трогательность!

Цвѣтъ лица покойника очень измѣнился. Ввиду этого Николай I, несмотря на совѣты окружающихъ его лицъ, запретилъ открывать гробъ «жителямъ столицы». Между тѣмъ, открытый гробъ умершаго государя для русскаго народа есть не только своего рода таинство, но и психологическая необходимость. Николай I смѣло шелъ противъ основныхъ переживаній русскаго народа по тѣмъ соображеніямъ, что видъ тѣла въ гробу при томъ народномъ движеніи и сомнѣніяхъ въ подлинности трупа, которыя преслѣдовали его во время всего пути и, особенно, въ Москвѣ, не соотвѣтствовалъ обычному виду Александра I. Д-ръ Д. К. Тарасовъ говоритъ, что это запрещеніе Николая I послѣдовало:

«кажется, единственно по той причинѣ, что *цвѣтъ лица* покойнаго государя былъ *немного измѣненъ въ свѣтло-каштановый*, что произошло отъ покрытія онаго въ Таганрогѣ уксусно-древесною кислотою, которая, впрочемъ, *ни мало не измѣнила чертъ лица*»[1].

Заявленіе д-ра Д. К. Тарасова о томъ, что измѣненъ только цвѣтъ лица, но самыя черты лица не измѣнены, вполнѣ неискренне и противорѣчитъ показаніямъ кн. П. М. Волконскаго, который въ письмѣ къ статсъ-секретарю Г. И. Вилламову говоритъ о такомъ измѣненіи чертъ лица покойнаго Александра I, что лучше гроба нигдѣ не вскрывать, и офицера Н. И. Шенига, представителя барона Дибича, начальника Гл. штаба Александра I,

[1]) Курсивъ нашъ.

Императрица ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСѢЕВНА.

Свѣтлѣйшій Князь
П. М. ВОЛКОНСКІЙ.

Лейбъ-медикъ Бар. ВИЛЛІЕ.

черезъ которую проникаетъ свѣтъ въ холодный и жуткій мракъ могилы въ Петропавловской крѣпости.

Проходитъ 100 лѣтъ со дня «смерти» Александра I и размѣръ этой щелочки увеличивается. Идетъ свѣтъ.

Итакъ, Александръ I, какъ императоръ, умеръ. Исторія міра и Россіи его больше не знаетъ.

СТАРЕЦЪ ѲЕОДОРЪ КОЗЬМИЧЪ.

Старецъ Өеодоръ Козьмичъ.

Өеодоръ Козьмичъ появляется на Уралѣ въ г. Красноуфимскѣ, Пермской губ., осенью 1836 года, а вообще, въ Сибири только съ 26 марта 1837 года.

Если Өеодоръ Козьмичъ—царь Александръ I, то гдѣ онъ былъ съ ноября 1825 года по осень 1836 года; т. е. цѣлыхъ 11 лѣтъ?

1825—1836 годы.

Въ жизни Александра I—Өеодора Козьмича—это самый темный, самый неизслѣдованный и трудно поддающійся изслѣдованію періодъ его жизни.

Можно смѣло утверждать, что ни бывшіе въ архивѣ III Отдѣленія и извлеченные К. П. Побѣдоносцевымъ оттуда документы, касающіеся Өеодора Козьмича, ни тѣ, которые имѣются въ настоящее время въ архивѣ Кабинета Его Величества, не могутъ освѣтить именно этого періода.

Александръ I, должно быть, спасался гдѣ-нибудь въ скиту, былъ на схимонашескомъ послушаніи, былъ у кого-нибудь изъ старцевъ на искусѣ.

Чтобы пройти кругъ искуса, нужно не менѣе 10 лѣтъ. По требованіямъ аскетическаго старчества нужно было имѣть 50 или около этого лѣтъ, чтобы начать проходить

старчество. Александру I было въ 1825 году 50 лѣтъ. Значитъ, онъ началъ прохожденіе искуса.

Но гдѣ?

Старчества въ томъ видѣ, какъ оно существовало въ 60 и 70-хъ и далѣе годахъ прошлаго вѣка въ Оптиной и другихъ пустыняхъ на основаніи строгаго схимонашескаго устава, въ 1825 году еще не существовало. Должно быть, это былъ обыкновенный искусъ строгаго монашества.

Центромъ тайны, гдѣ проходился первый періодъ посвященія Александра I въ старцы, были: 1) Почаевская Лавра и 2) Кіево-Печерская Лавра, ея дальній скитъ, гдѣ проживалъ знаменитый схимонахъ старецъ Вассіанъ. Съ Вассіаномъ Александръ I встрѣчался и ранѣе, бывалъ у него, совѣтовался, спрашивалъ о себѣ и о своемъ будущемъ. Схимонахъ и тогда былъ уже старъ, но еще бодръ. Онъ отличался строгой подвижнической жизнью и обладалъ даромъ прозорливости. Къ нему стекались поклонники съ разныхъ концовъ Россіи. Онъ лечилъ, исцѣлялъ и подавалъ совѣты...

Можно смѣло утверждать, что Александръ I, исчезнувшій изъ Таганрога верхомъ на лошади въ темную, пасмурную ночь на 19 или 20 ноября 1825 г., поѣхалъ въ первые же дни по направленію къ Кіево-Печерской Лаврѣ. Явившись въ Лавру, онъ высказалъ пожеланіе по предварительному о томъ уговору со старцемъ скрыться отъ всего міра, облечься власяницей и обучиться самой техникѣ старчества, тѣмъ внѣшнимъ пріемамъ, безъ которыхъ не можетъ быть старчества, какъ формы внѣшняго поведенія.

Какъ бы Александръ I ни старался опроститься, но на немъ сказывалась порода и въ движеніяхъ его проявлялись внѣшніе пріемы человѣка, имѣвшаго большую власть. Самыя движенія выдавали въ немъ наличность

чертъ, несвойственныхъ большинству обыкновенныхъ людей. Прежде всего, надо было произвести надъ собой и своими манерами особенную, большую работу. Побѣда надъ собой не могла достаться легко. Это былъ длительный процессъ, требовавшій многихъ лѣтъ напряженной работы...

Мы не знаемъ этапа движенія Александра I въ Сибирь, но, можетъ быть, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ тщательной и усердной подготовки онъ отправился уже съ имѣющимся схимонашескимъ опытомъ на искусъ въ другіе монастыри и побывалъ въ одномъ изъ псковскихъ монастырей, гдѣ былъ найденъ слѣдъ пребыванія Ѳеодора Козьмича. Однако, не подлежитъ сомнѣнію, что второй этапъ Александра I есть строгій по уставу и аскетической жизни Почаевскій монастырь.

Александръ I принялъ, конечно, тайное, а не явное посвященіе и долженъ былъ еще послѣ искуса отправиться снова въ міръ и послужить ему. Этотъ періодъ служенія міру можетъ продолжаться до конца жизни безъ возвращенія въ монастырь, причемъ внѣшнее, явное посвященіе въ монашество или въ схиму можетъ быть произведено уже на смертномъ одрѣ.

Основа схимонашества—не одно только служеніе Богу, но и обѣтъ молчанія и обѣтъ забвенія о себѣ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что начало посвященія Александра I въ монашество было въ Петербургѣ въ Александро-Невской Лаврѣ, въ ту ночь, когда онъ уѣзжалъ въ Таганрогъ, принятіе же на себя обѣта молчанія по древнему обычаю русскихъ государей—въ Кіево-Печерской Лаврѣ и въ Почаевѣ, а самое служеніе міру—въ Сибири.

Такимъ образомъ, можно опредѣленно утверждать, что въ тотъ моментъ, когда Александръ I исчезъ изъ Таган-

рога, Александръ I, какъ Александръ I, какъ монархъ, какъ властитель, умиралъ и оставался вмѣсто него просто человѣкъ Александръ Павловичъ. Поэтому-то не аллегорически, а настоящимъ образомъ, согласно древне-каѳолическому ученію русской церкви, съ принятіемъ монашества человѣкъ для прошлой жизни умираетъ и возрождается для другой, новой, улучшенной жизни. Согласно этому ученію, можно сказать, что въ ноябрѣ 1825 года Александръ I умеръ въ Таганрогѣ и возродился для новой жизни, въ которой онъ хотѣлъ искупить свой первородный грѣхъ—соучастіе въ убійствѣ своего отца—имп. Павла I.

Принимая во вниманіе, что Кіевъ былъ ближайшимъ отъ Таганрога монашескимъ пунктомъ, нужно еще помнить, что Кіевъ былъ также весьма близкимъ религіознымъ пунктомъ къ имѣнію графа Димитрія Ерофеевича Остенъ-Сакена, извѣстнаго мистика, въ духовномъ отношеніи тѣсно связаннаго съ Александромъ I и занимавшаго постъ главнокомандующаго войсками гвардіи С.-Петербургскаго Округа. Имѣніе было у гр. Д. Е. Остенъ-Сакена и въ Кіевской губ., и въ Херсонской губ.—Пріютъ, гдѣ онъ самъ проживалъ послѣ отставки.

Графъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ, какъ и министръ духовныхъ дѣлъ кн. А. Н. Голицынъ, былъ мистикъ, вѣрившій въ загробный міръ, въ духовъ, въ явленія ихъ міру и т. д., и былъ въ тѣсной интимной связи со всѣми выдающимися монахами и, особенно, со схимонахами его времени. Онъ ихъ часто навѣщалъ, а съ нѣкоторыми изъ нихъ переписывался и дружилъ. Такимъ образомъ, Кіевъ явился центромъ, связывавшимъ Александра I въ первые годы прохожденія имъ искуса съ Петербургомъ черезъ его друга гр. Д. Е. Остенъ-Сакена, который, нѣтъ сомнѣній, былъ въ тайну посвященъ. Черезъ нѣкоторое время Але-

ксандръ I, вѣроятно, переѣхалъ изъ Кіева въ болѣе строгій по уставу Почаевъ.

Впослѣдствіи, лѣтъ черезъ 35, Θеодоръ Козьмичъ послалъ изъ Сибири въ Кіевъ къ схимонаху Парѳенію, ученику схимонаха Парѳенія, свою воспитанницу, Александру Никифоровну, никогда не бывшую въ Россіи, съ рекомендательнымъ письмомъ. Оттуда она отправилась въ Почаевъ, гдѣ вышла замужъ, по предсказанію старца. Въ первый свой пріѣздъ въ Почаевъ, она познакомилась по письму Θеодора Козьмича съ гостившей здѣсь случайно старой графиней Остенъ-Сакенъ, женой гр. Димитрія Ерофеича, которая увезла ее погостить къ себѣ въ Кременчугъ, Полтавской губ., куда также будто бы случайно черезъ нѣкоторое время пріѣхалъ имп. Николай I и много ее разспрашивалъ о Сибири и объ ея странствованіяхъ по монастырямъ, пригласивши ее побывать у него во дворцѣ въ Петербургѣ, причемъ приказалъ гр. Д. Е. Остенъ-Сакену написать ей пропускъ.

Итакъ, ключъ для разгадки тайны Θеодора Козьмича покоится въ Кіевѣ и въ Почаевской Лаврѣ.

Хотѣлось бы предположить, что за эти 10 лѣтъ искуса Александръ I почти ни съ кѣмъ не переписывался, за исключеніемъ двухъ-трехъ, особенно довѣренныхъ лицъ, вродѣ кн. П. М. Волконскаго или гр. Д. Е. Остенъ-Сакена. Это скорѣе была не переписка, а очень короткія о себѣ сообщенія, два-три слова. Вслѣдствіе неупражненія въ письмѣ и упражненія въ грубой монашеской работѣ почеркъ Александра I могъ измѣниться, хотя навыкъ хорошо писать остался.

Уйдя въ себя, погрузясь въ суровую аскетическую жизнь, лишенный знанія того, что дѣлалось въ мірѣ, онъ первые годы аскетизма могъ еще страдать отъ властно захватившихъ его душу и укоренившихся привычекъ

жизни, но съ годами, когда вкусъ къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ сталъ притупляться, когда онъ вошелъ въ существо монашескаго искуса и позабылъ о мірѣ, существующемъ за стѣнами монастыря, онъ пересталъ страдать и писалъ сохранившимся двумъ-тремъ друзьямъ все рѣже и рѣже. Однако, два-три человѣка, самыхъ къ нему близкихъ людей, все-же хорошо были освѣдомлены о малѣйшемъ передвиженіи Александра I и никогда, втеченіи всей своей жизни, не теряли его изъ виду.

Для Александра I были тяжелы только именно эти 10 лѣтъ искуса, когда привычки и пріемы другой жизни были въ немъ еще живы и когда могла быть опасность, что его потянетъ снова въ міръ, но послѣ 10 лѣтъ искуса, когда страсть и привычки прежней жизни были побѣждены, уже не представлялось никакой опасности снова вернуться ему въ міръ, съ которымъ онъ давно порвалъ всѣ духовныя связи, для новыхъ подвиговъ умерщвленія плоти и воли и самоусовершенствованія, для исцѣленія и вразумленія людей, живущихъ въ міру.

Для того, чтобы эта страница жизни Ѳеодора Козьмича—Александра I—была полнотію прочтена, необходимо знать содержаніе всѣхъ записокъ и писемъ гр. Д. Е. Остенъ-Сакена, хранившихся въ его имѣніи Пріютъ, Херсонской губ., и выкраденныхъ, неизвѣстно кѣмъ, изъ серебряной шкатулки, гдѣ хранились особенно секретныя его бумаги, послѣ его смерти въ мартѣ 1881 года. Говорятъ, что эти бумаги были конфискованы по требованію оберъ-прокурора Св. Синода К. П. Побѣдоносцева.

Быть можетъ, съ теченіемъ времени случайная находка въ какомъ-нибудь изъ монастырей дастъ ключъ къ разгадкѣ этой тайны, но пока всякій любознательный изслѣдователь долженъ вооружиться логикой и психологіей и ими оперировать, подготовляя выходъ къ истинѣ и рас-

чищая ее отъ плевелъ и сорныхъ травъ на основаніи тѣхъ скудныхъ матеріаловъ, которые предоставляетъ ему осторожная оффиціальная исторія.

Дальнѣйшіе этапы передвиженія старца Ѳеодора Козьмича болѣе или менѣе извѣстны.

ПЕРМСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

Какими путями шелъ Ѳеодоръ Козьмичъ до Пермской губерніи, неизвѣстно, но случилось слѣдующее обстоятельство.

Глухой осенью 1836 года въ окрестностяхъ г. Красноуфимска, Пермской губ., появился верхомъ на упитанной красивой лошади пожилой мужчина, лѣтъ шестидесяти, съ окладистой, почти уже сѣдой бородой, въ грубомъ крестьянскомъ кафтанѣ. Онъ подъѣхалъ къ кузницѣ и просилъ подковать ему лошадь. Манеры и самый тонъ рѣчи настолько были барскія, необычныя и несоотвѣтствующія костюму проѣзжаго, что кузнецъ поинтересовался узнать, откуда и куда онъ ѣдетъ и что̀ онъ за человѣкъ.

Проѣзжій давалъ уклончивые отвѣты и, видимо, вообще, не хотѣлъ продолжать разговоровъ на эту тему.

Кузнецъ, мѣстный крестьянинъ, сталъ настойчиво къ нему приставать со своими докучливыми вопросами.

Вокругъ собралась толпа. Толпа стала интересоваться личностью незнакомца.. Ввиду же того, что онъ продолжалъ отмалчиваться, народъ рѣшилъ свести его на допросъ въ городъ.

На допросѣ у мѣстныхъ полицейскихъ властей въ Красноуфимскѣ онъ категорически отказался дать о себѣ какія-либо свѣдѣнія и заявилъ, что онъ—непомнящій родства бродяга по имени Ѳеодоръ Козьмичъ.

Допрашивавшія же его власти, видя его особенныя манеры, слыша особенный тонъ его рѣчи, невольныя движенія, которыя свидѣтельствовали о знатномъ воспитаніи, высшей породѣ и утонченныхъ привычкахъ, имъ совершенно недоступныхъ, стали его допрашивать съ большей осторожностью и мягкостью. Онѣ просили его открыть свое званіе, сказать, кто онъ, такъ какъ, если онъ этого не сдѣлаетъ, то имъ придется примѣнить къ нему весьма суровый законъ о бродягахъ. Проѣзжій категорически не желалъ давать о себѣ какихъ-либо свѣдѣній, такъ какъ-де онъ и самъ ихъ не знаетъ. Упорство его было велико и привело мѣстныя власти въ большое раздраженіе.

Пришлось примѣнить къ нему законъ о бродягахъ.

Ѳеодоръ Козьмичъ былъ наказанъ за бродяжничество двадцатью ударами плети и сосланъ на поселеніе въ Томскую губернію.

СИБИРЬ.

26 марта 1837 года Ѳеодоръ Козьмичъ прибылъ съ 43-ей партіей ссыльно-поселенцевъ въ Боготольскую волость Томской губерніи и былъ помѣщенъ на жительство на казенный Краснорѣченскій винокуренный заводъ, приписанный къ деревнѣ Зерцалы.

Обращались съ нимъ, не какъ съ обыкновеннымъ ссыльно-поселенцемъ, а съ особенной внимательностью. Заводская администрація его любила, доставляла ему все необходимое и ни на какія работы не назначала. Также тепло относились къ нему служащіе и рабочіе, съ которыми онъ умѣлъ сходиться просто и легко.

Прожилъ онъ на Краснорѣченскомъ заводѣ 5 лѣтъ.

Въ 1842 году имъ была избрана для жительства Бѣлоярская станица, гдѣ онъ песелился въ избѣ, спе-

ціально для него выстроенной казакомъ Симеономъ Николаевичемъ Сидоровымъ.

Здѣсь онъ прожилъ только нѣсколько мѣсяцевъ, такъ какъ крестьяне сосѣднихъ селъ собирались къ нему толпами и, видя его праведную, аскетическую жизнь, докучали ему просьбами о совѣтахъ. Ему это мѣшало. Онъ хотѣлъ уединиться, быть среди людей и, въ то же время, вдали отъ нихъ.

Тогда онъ переѣхалъ въ деревню Зерцалы, къ которой былъ приписанъ. Здѣсь онъ поселился въ общей избѣ, принадлежащей отбывшему срокъ наказанія каторжанину Ивану Иванову, человѣку весьма бѣдному.

Только нѣсколько времени прожилъ здѣсь Θеодоръ Козьмичъ, а уже слава объ его праведной жизни стала распространяться по всѣмъ окружнымъ деревнямъ.

Народъ снова сталъ къ нему стекаться со всѣхъ сторонъ.

Это его тяготило. Хозяинъ избы, Ивановъ, это замѣтилъ и построилъ ему келью за предѣлами деревни, куда Θеодоръ Козьмичъ и переселился. Здѣсь онъ жилъ перерывами, такъ какъ постоянно уходилъ въ сосѣднія деревни.

Лѣтомъ 1843 года онъ ушелъ на работу въ Енисейскую тайгу. Здѣсь были золотые пріиски нѣкоего Попова, которыми завѣдывалъ Асташевъ, впослѣдствіи самъ ставшій богатымъ золотопромышленникомъ.

Асташевъ очень бережно относился къ Θеодору Козьмичу и отзывался о немъ съ большимъ къ нему уваженіемъ.

На устахъ Θеодора Козьмича было молчаніе и самъ онъ былъ воплощеніемъ осторожности, сдержанности и скромности.

Въ тайгѣ Ѳеодоръ Козьмичъ проработалъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Въ Зерцалахъ, Ачинскаго округа, онъ прожилъ, въ общей сложности, лѣтъ 6.

Въ 1849 году онъ переѣхалъ на жительство по берегу рѣки Чулвинъ, въ двухъ верстахъ отъ села Краснорѣченскаго.

Сюда его пригласилъ богатый и извѣстный въ Сибири крестьянинъ Иванъ Гавриловичъ Латышевъ, который построилъ ему келью на своей пасѣкѣ.

У Латышева онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ, однако, не постоянно, такъ какъ уходилъ въ разныя стороны.

Въ 1851 году онъ просилъ Латышева устроить ему келью въ тайгѣ, въ 10-ти верстахъ къ сѣверу отъ села Краснорѣченскаго, вблизи деревни Коробейниковой.

Въ 1854 году онъ снова переселился на жительство въ Красную Рѣчку, гдѣ тотъ же Латышевъ построилъ ему другую келью въ сторонкѣ отъ дороги, въ глухой чащѣ, надъ обрывомъ рѣки.

Въ 1857 году Ѳеодоръ Козьмичъ познакомился съ довольно состоятельнымъ томскимъ купцомъ Семеномъ Ѳеофановичемъ Хромовымъ.

С. Ф. Хромовъ увлекся самой личностью старца, его рѣчами и совѣтами. Онъ убѣдилъ старца переѣхать къ нему въ Томскъ, гдѣ построилъ на своей заимкѣ, въ 4 верстахъ отъ Томска, спеціально для него келью.

Ѳеодоръ Козьмичъ переѣхалъ изъ чащи на берегу Красной Рѣчки на заимку купца Хромова 31 октября 1858 года.

Въ деревнѣ Зерцалахъ, Ачинскаго Округа, и въ ея окрестностяхъ, старецъ Ѳеодоръ Козьмичъ прожилъ, въ общей сложности, 20 лѣтъ.

Разставаясь съ этими мѣстами навсегда, Ѳеодоръ Козь-

мичъ перенесъ изъ своей кельи въ часовню образъ Печерской Божіей Матери, который былъ привезенъ въ даръ одной изъ его молодыхъ поклонницъ, нѣкоей Поповой, и заказалъ себѣ, какъ бы напутствіе на отъѣздъ, молебенъ.

Всѣ почти мѣстные крестьяне присутствовали на молебнѣ. Громко плакали. Сѣтовали на судьбу за исхожденіе отъ нихъ старца.

На прощаніе старецъ на стѣнѣ поставилъ своей рукой букву А съ короной надъ ней и съ летящимъ голубемъ вмѣсто перечерка и раскрасилъ ее.

Затѣмъ онъ сказалъ крестьянамъ:

— Подъ этой буквой хранится тайна—вся моя жизнь. Узнаете, кто былъ.

Икона, какъ и корона съ буквой А, донынѣ хранится въ часовенкѣ деревни Зерцалы.

На заимкѣ Хромова и въ самомъ Томскѣ старецъ Ѳеодоръ Козьмичъ прожилъ 6 лѣтъ.

Праведная его жизнь, обѣтъ молчанія и аскетизмъ привлекали къ нему народъ въ большомъ количествѣ... Онъ давалъ совѣты, лечилъ, молился. Народъ благоговѣйно чтилъ его и въ трудныя минуты жизни всегда прибѣгалъ къ его чудотворящей помощи.

Въ 1864 году, въ 8 часовъ 45 мин. 20 января, старецъ Ѳеодоръ Козьмичъ скончался въ своей кельѣ близъ дома Хромова.

Онъ былъ похороненъ на кладбищѣ томскаго Алексѣевскаго мужского монастыря. На могилѣ его поставлена въ настоящее время часовня. Въ сооруженіи часовни особенное участіе принималъ членъ Госуд. Совѣта М. Н. Галкинъ-Врасскій, пріѣзжавшій въ Сибирь ревизовать тюрьмы и, при пріѣздѣ въ Томскъ, тотчасъ же посѣтившій могилу старца Ѳеодора Козьмича.

На крестѣ сдѣлана надпись:

«Здѣсь погребено тѣло Великаго Благословеннаго старца Θеодора Козьмича, скончавшагося 20 января 1864 года».

Слова—«великаго благословеннаго» были впослѣдствіи, по требованію томскаго губернатора г. Мерцалова, замазаны бѣлой краской.

Наружность старца.

Роста высокаго, 2 аршина 9—10 вершковъ, широкоплечій, съ высокой грудью, глаза голубые, лысый, имѣющіеся на головѣ волосы мягкіе, вьющіеся, борода длинная, черты лица правильныя, красивыя.

Характеръ—мягкій, добрый, обходительный, крайне сдержанный, осторожный и скупой на слова, особенно относительно всего того, что касается его лично, жалостливый, мягкосердечный, всѣмъ все прощающій, первый идущій на помощь, но вспыльчивый и быстро отходящій.

Одежда старца—длинная холщевая блуза, изъ грубаго крестьянскаго полотна, такія же холщевые панталоны, бѣлые вязаные теплые чулки, твердыя кожаныя туфли. Поверхъ нихъ носилъ темно-синій халатъ или черный сибирскій кафтанъ, длиннополый, а зимою—вылинявшую доху.

Старецъ очень любилъ тонкіе носовые платки, а чулки мѣнялъ ежедневно. Онъ соблюдалъ чрезвычайную чистоту, опрятность и былъ до щепетильности аккуратенъ, какъ у себя въ кельѣ, такъ и въ одеждѣ.

Обстановка его келій, гдѣ бы онъ ни поселился, почти никогда не мѣнялась: деревяный, грубый, небольшой столъ, два-три стула, простые, крестьянскіе, лежанка, какъ бываетъ въ избахъ у крестьянъ. На стѣнахъ висѣли

лубочныя картины или дорогія гравюры религіознаго содержанія и иконы: — Божьей Матери и Александра Невскаго, виды монастырей, портреты нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ-митрополитовъ, архіереевъ, епископовъ.

На столѣ лежали Евангеліе, Псалтирь, акафистъ Пресв. Животворящей Троицѣ, молитвенникъ изданія Кіево-Печерской Лавры и «Семь словъ на крестѣ Спасителя».

Кромѣ того, у старца Ѳеодора Козьмича были письменныя принадлежности, которыя онъ бережно сохранялъ отъ любопытства постороннихъ лицъ, за исключеніемъ тѣхъ, кому довѣрялъ. Онъ писалъ много писемъ и, обыкновенно, по ночамъ, когда никто ему не мѣшалъ и когда никто не видѣлъ его за писаніемъ. Вообще, эту сторону своей жизни — писаніе писемъ, сношеніе съ внѣшнимъ міромъ—старецъ Ѳеодоръ Козьмичъ охранялъ ревниво. Ему писали тоже, пріѣзжали какіе-то люди, привозили пакеты издалека, какъ говорятъ, изъ Петербурга, и, получивши отъ него отвѣтъ, въ тотъ же день, не останавливаясь, тотчасъ же уѣзжали обратно. Это были посланцы, спеціальные къ нему курьеры. Кто они были, пока исторія не знаетъ, но они были, они пріѣзжали, ихъ видѣли.

Переписку онъ велъ весьма обширную и хорошо былъ освѣдомленъ о томъ, что дѣлается въ центральной Россіи, такъ какъ получалъ оттуда свѣдѣнія.

Вставалъ очень рано, все время оставаясь одинъ въ постоянно запертой кельѣ, которую открывалъ позже, когда приходили люди и стукали ему въ маленькое окошечко.

Пища его была очень скромная и умѣренная: хлѣбные сухари и вода. Однако, иногда онъ не отказывался и отъ рыбы, и отъ мяса, когда его ими угощали, правда, не особенно много, но, все же, ѣлъ.

— Я вовсе не такой постникъ, за котораго ты меня принимаешь!—сказалъ онъ однажды одной своей поклонницѣ.

Совѣты подавалъ безвозмездно, немного подумавъ и всмотрѣвшись зорко въ посѣтителя.

Разговоръ у него былъ тихій, мягкій, съ паузами, съ легкими передышечками, рѣчь неторопливая. Когда онъ разговаривалъ съ незнакомыми людьми, то всегда стоялъ или прохаживался. Когда онъ стоялъ, то всегда становился спиной къ окну и такъ слушалъ. Правую руку онъ почти всегда держалъ за бичевкой, опоясывавшей его станъ, иногда держа руки на бедрахъ или придерживая одной рукой грудь.

На ухо былъ тугъ и потому иногда дѣлалъ усилія, вслушиваясь въ рѣчь собесѣдника. Былъ сутулъ. Ходилъ, нѣсколько пригорбившись.

Показанія свидѣтелей и свидѣтельства, оставшіяся послѣ старца Ѳеодора Козьмича.

Въ этомъ мѣстѣ я привожу всѣ почти случаи, встрѣчи и разговоры, которые имѣлъ съ кѣмъ-либо Ѳеодоръ Козьмичъ.

Въ то, повидимому время, когда Ѳеодоръ Козьмичъ былъ въ Красноуфимскѣ, произошло чрезвычайной важности событіе, разсказанное крестьянкой Ѳеклой Степановновной Коробейниковой со словъ самого Ѳеодора Козьмича:

1.

Конвойный офицеръ, старый, провинціальной складки служака, сопровождая въ Боготольскую волость 43-ю пар-

тію ссыльныхъ, въ которой былъ неизвѣстнаго званія человѣкъ по имени-отчеству Ѳеодоръ Козьмичъ, разсказывалъ ему во время передвиженія въ виду интеллигентности офицера о многихъ историческихъ событіяхъ и, между прочимъ, о томъ, что Государь Александръ Павловичъ въ 1812 году не хотѣлъ назначать Кутузова главнокомандующимъ.

— А почему?—спросилъ служака, видимо искренно не понимая, почему бы Государю не назначить Кутузова.

Тогда къ его уху наклонился Ѳеодоръ Козьмичъ и тихо сказалъ:

— Потому, что Государь ему завидовалъ.

— А какъ же онъ его, все же, назначилъ?

— Дѣло было такъ: Государь былъ очень сердитъ на Кутузова и терпѣть его не могъ, такъ какъ думалъ, что онъ самъ первый полководецъ, а назначить, тѣмъ не менѣе, кого-нибудь надо было. Тогда Государь отправился помолиться къ своему патрону Александру Невскому въ Лавру и колѣнопреклоненно просилъ освѣтить его разумъ и указать, кого выбрать полководцемъ. Долго онъ молился, и, наконецъ, нѣкій голосъ сказалъ ему:

— Назначь Кутузова!

Государь уѣхалъ въ Зимній дворецъ и подписалъ указъ о назначеніи Кутузова.

Старый офицеръ весь превратился въ слухъ и какъ-то впился въ Ѳеодора Козьмича. Въ тонѣ его рѣчи было что-то особенно странное, и онъ тѣмъ же шепотомъ спросилъ его:

— А ты-то объ этомъ откуда знаешь, что онъ у гроба Невскаго одинъ молился и голосъ слышалъ?

Этотъ искренній вопросъ такъ, видимо, поразилъ Ѳеодора Козьмича своею неожиданностью, что онъ оторо-

пѣлъ, не нашелся что отвѣтить, и, махнувъ рукой только вышелъ изъ горницы[1]).

Ѳ. С. Коробейникова разсказываетъ такъ:

— По какому-то случаю о старцѣ Ѳеодорѣ Козьмичѣ было дано знать императору Николаю Павловичу. По распоряженію Его Величества былъ присланъ Великій Князь Михаилъ Павловичъ. По пріѣздѣ въ городъ, великій князь прямо отправился въ острогъ и перваго посѣтилъ старца Ѳеодора Козьмича и сильно оскорбился на начальствующихъ, хотѣлъ ихъ привлечь къ суду, но старецъ уговорилъ великаго князя оставить все въ забвеніи. Просилъ также, чтобы его поскорѣе осудили на поселеніе въ Сибирь, что также было исполнено[2]).

2.

Матвѣй Николаевичъ Сидоровъ, братъ Семена Николаевича, у котораго въ Бѣлоярской станицѣ жилъ старецъ Ѳеодоръ Козьмичъ, разсказывалъ, что какая-то высокопоставленная особа, по имени Марія Ѳеодоровна, присылала старцу одежду и деньги. Однако, не слѣдуетъ думать, что это была императрица Марія Ѳеодоровна, мать Александра I-го, такъ какъ она умерла въ 1828 году. Тутъ идетъ рѣчь не о самой Маріи Ѳеодоровнѣ, а объ исполненіи ея воли ея именемъ тѣми, кому это она поручила послѣ своей смерти. Думать, что императрица Марія Ѳеодоровна помогала Ѳеодору Козьмичу во время его религіознаго искуса въ промежутокъ отъ 1825 до 1836 года не слѣдуетъ, такъ какъ искусъ Ѳеодора Козьмича, его удаленіе изъ міра были дѣломъ серьезнымъ, дѣломъ весьма важнымъ и интимнымъ, такъ что сомнѣваюсь, посвятилъ ли онъ въ мѣсто своего

---

[1]) Сообщилъ мнѣ этотъ эпизодъ Н. А. Лашковъ.

[2]) 1836-ой годъ, вторая половина.

пребыванія въ первые годы своего ухода изъ міра даже такихъ преданныхъ ему друзей, какъ кн. П. М. Волконскій и гр. Д. Е. Остенъ-Сакенъ. О мѣстѣ его пребыванія, можно смѣло сказать, въ первые годы никто не зналъ, такъ какъ въ постѣ, молитвѣ, уединеніи, въ н е м ѣ ш а н і и со стороны людей онъ хотѣлъ получить надлежащій религіозный опытъ. Не могла, н е д о л ж н а б ы л а знать о мѣстѣ его пребыванія и его мать, имп. Марія Θеодоровна, такъ что предположеніе, что императрица помогала ему одеждой и деньгами, надо исключить.

3.

Когда Θеодоръ Козьмичъ жилъ у Латышева, то произошелъ такой случай, разсказанный одной изъ Латышевыхъ:

— Къ Θеодору Козьмичу заходили многіе пріѣзжающіе. Изъ нихъ были нѣкоторые люди благородные, высокаго происхожденія. Это очень безпокоило Θеодора Козьмича. Однажды, Θеодоръ Козьмичъ, поднявшись на верхъ кельи, замѣтилъ въ трубѣ что-то положенное, крайне смутился этимъ и, огорчась, сказалъ хозяину:

— Зачѣмъ это положили неподобающее мнѣ?

А что это было, расказывавшая не могла сказать, потому что Θеодоръ Козьмичъ не объяснилъ и на вопросъ объ этомъ хозяина отвѣтилъ:

— Нѣтъ, панокъ, это запечатано!

т. е. представляетъ тайну, которую открыть нельзя.

4.

Θеодоръ Козьмичъ обладалъ большой физической силой: такъ, при метаніи сѣна, поднималъ на вилы чуть не копну сѣна и металъ ее на стогъ, не опирая конца вилъ

сперва въ землю, какъ обыкновенно это дѣлаютъ метатели сѣна, а поднималъ всю тяжесть на рукахъ, что приводило въ удивленіе зрителей.

Это разсказывалъ преосвященный Макарій, епископъ Томскій и Барнаульскій со словъ одной старицы, лично знавшей Θеодора Козьмича.

5.

Крестьянинъ села Боготоль Булатовъ, часто посѣщавшій Θеодора Козьмича, человѣкъ степенный и уважаемый, словамъ котораго можно вѣрить, высказалъ твердое о немъ свое мнѣніе, какъ о человѣкѣ весьма важномъ, принявшемъ добровольно обѣтъ молчанія и послушанія и смиренно переносившемъ всѣ наказанія и лишенія ссыльнаго. Вслѣдъ за другими, Булатовъ утверждалъ, что Θеодоръ Козьмичъ никто иной, какъ императоръ Александръ I.

6.

Латышевы разсказываютъ слѣдующее:

«Преосвященный Афанасій, епископъ Иркутскій, въ бытность свою въ селѣ Краснорѣченскомъ пожелалъ видѣться со старцемъ и попросилъ у хозяина, Латышева, лошадь. Запрягли лошадь въ маленькую одноколку и тотчасъ же послали за старцемъ.

Когда старецъ подъѣхалъ къ латышевскому крыльцу, владыка вышелъ встрѣтить его на крыльцо. Выйдя изъ одноколки, старецъ Θеодоръ поклонился архіерею въ ноги, а владыка—старцу, причемъ они взяли другъ у друга правую руку и поцѣловались, какъ цѣлуются между собою священники. Затѣмъ преосвященный, уступая дорогу старцу, просилъ его идти впередъ, но старецъ не согла-

шался. Наконецъ, владыка взялъ старца за правую руку, ввелъ его въ горницу, гдѣ раньше самъ сидѣлъ, и началъ съ нимъ ходить, не выпуская его руки, какъ два брата. Долго они такъ ходили, много говорили даже не по-нашенски, не по-русски и смѣялись. Мы тогда стали дивиться, кто такой нашъ старецъ, что ходитъ такъ съ архіереемъ и говоритъ не по-нашенски».

Должно сказать, что этотъ преосвященный Афанасій часто пріѣзжалъ къ Ѳеодору Козьмичу изъ Иркутска, останавливался въ его кельѣ и проживалъ у него иногда по нѣсколько дней.

7.

Однажды на пасѣку къ Латышеву пріѣхалъ какой-то графъ Толстой. Пробылъ онъ у него съ утра до поздняго вечера и велъ съ нимъ чрезвычайно одинокую тайную бесѣду. О чемъ говорили, неизвѣстно, но рѣчь шла о Ѳеодорѣ Козьмичѣ, причемъ Латышеву было запрещено разсказывать кому-нибудь о пріѣздѣ гр. Толстого и о предметѣ ихъ бесѣды.

8.

Однажды Ѳеодоръ Козьмичъ пришелъ къ церковному старостѣ въ с. Краснорѣченскомъ Парамонову.

У Парамонова жилъ въ это время солдатъ, по фамиліи Оленьевъ, занимавшійся сапожнымъ мастерствомъ. Увидавъ изъ окна проходившаго въ домъ Ѳеодора Козьмича, Оленьевъ спросилъ бывшихъ въ избѣ крестьянъ:

— Кто это?

Затѣмъ бросился въ избу впередъ старца съ крикомъ:

— Это—царь нашъ, батюшка, Александръ Павловичъ!

Онъ отдалъ ему честь по-военному. На это старецъ строго ему сказалъ:

— Мнѣ не слѣдуетъ воздавать воинскія почести. Я—бродяга, а не царь. Тебя за это возьмутъ въ острогъ, а меня здѣсь не будетъ. Ты никому не говори, что я будто царь.

9.

Однажды со старцемъ былъ такой случай: недалеко отъ его кельи работники Латышева производили какія-то полевыя работы и при этомъ пѣли пѣсни. Вдругъ они запѣли извѣстную содатскую пѣсню, сочиненную про Александра I, пѣсню, начинающуюся словами:

Ѣздилъ бѣлый русскій царь,
Православный государь
Изъ своей земли далекой
Злобу поражать...

Во время пѣсни старецъ Ѳеодоръ Козьмичъ сидѣлъ на заваленкѣ у своей кельи. Лишь только онъ услышалъ вышеприведенную пѣсню, онъ весь задрожалъ, заплакалъ и ушелъ въ свою келью, а затѣмъ подозвалъ одного изъ латышевскихъ рабочихъ, просилъ прекратить пѣніе, а послѣ просилъ самого Латышева, чтобы онъ не позволялъ своимъ рабочимъ пѣть эти пѣсни.

10.

Къ крестьянину Василію Ускову часто ходилъ поселенецъ, плотникъ Семенъ Андреевъ, бывавшій и у старца Ѳеодора Козьмича.

Онъ разсказывалъ:

— Бывало, пойдешь съ Ѳеодоромъ Козьмичемъ гулять по полю или въ лѣсу, а онъ идетъ и про себя подъ носъ бурчитъ:—«Былъ царь, теперь бродяга, живетъ въ бѣдности».

11.

Священникъ от. Георгій Бѣлоусовъ слышалъ однажды о томъ, что проходившій въ партіи ссыльныхъ одинъ солдатъ узналъ въ старцѣ Ѳеодорѣ Козьмичѣ императора Александра I и палъ передъ нимъ на колѣни.

Ѳеодоръ Козьмичъ поспѣшилъ поднять его на ноги и просилъ никому не говорить, кто онъ, но солдатъ не послушался и разсказалъ.

12.

Однажды при починкѣ рамы окна кельи случайные люди сильно безпокоили Ѳеодора Козьмича. Старецъ не вытерпѣлъ и, разсердившись,—онъ былъ вспыльчивъ,—гнѣвно сказалъ:

— Перестаньте! Если бы вы знали, кто я, вы бы не осмѣлились такъ безпокоить меня. Стоитъ мнѣ написать одну строчку въ Петербургъ, и васъ на свѣтѣ не будетъ.

Этотъ случай могъ быть приблизительно въ 1850 году.

Тонъ этой фразы нѣсколько рѣзокъ для смиренномудреннаго старца и не гармонируетъ со всей его тихой личностью. Эти угрозы Петербургомъ какихъ-то маленькихъ людей, оказывавшихъ ему, собственно, вниманіе, чрезвычайно необычны для старца, посвятившаго себя посту, молитвѣ и незлобивости.

Это—съ одной стороны, а съ другой — извѣстно, что Александръ I былъ крайне вспыльчивъ и въ гнѣвѣ несдержанъ. Возможно и то, что за 25 лѣтъ аскетической жизни и воздержанія отъ злобы онъ еще недостаточно овладѣлъ своими страстями. Поэтому, быть можетъ, это была только вспышка, о которой черезъ минуту онъ, должно быть, крайне сожалѣлъ.

Вообще, эта фраза одновременно и проблематична, и характерна.

13.

Латышевы говорили, что Θеодоръ Козьмичъ—московскій старообрядческій епископъ, скрывающійся здѣсь отъ полиціи.

Однако, это — неправда, такъ какъ нѣсколько лѣтъ спустя на смертномъ одрѣ онъ признался С. Ф. Хромову, что онъ не монахъ и не принадлежитъ къ духовному званію.

14.

Священникъ от. Георгій Бѣлоусовъ говорилъ, что Θеодоръ Козьмичъ никогда не исповѣдывался и не причащался, потому-де, что онъ уже отпѣтъ въ церкви.

15.

Нѣкій Федоръ Степановичъ Голубевъ свидѣтельствуетъ, что старецъ какъ-то сказалъ ему:

— Многіе говорятъ про меня, что я—изъ архіереевъ. Напрасно они говорятъ это—я изъ людей гражданскихъ.

Въ это время неподалеку отъ кельи, въ солдатской казармѣ, играла музыка. Старецъ задумчиво сказалъ:

— Вотъ, любезный, нынче и музыка-то другого направленія, а въ старину была хуже.

16.

Передъ своимъ переѣздомъ изъ с. Зерцалы на заимку къ купцу Семену Θеофановичу Хромову 31 октября 1858 года старецъ Θеодоръ Козьмичъ перенесъ изъ своей кельи въ часовенку образъ Печерской Божіей Матери, подаренный ему одной изъ его поклонницъ Натальей Яковлевной Поповой, и Евангеліе.

Въ день своего отъѣзда отъ Латышевыхъ онъ зака-

залъ молебенъ, на который собрались въ большомъ количествѣ мѣстные крестьяне. По окончаніи молебна онъ поставилъ въ часовнѣ раскрашенный вензель—букву А съ короной надъ ней и летящимъ голубкомъ вмѣсто перечерка.

При этомъ Ѳеодоръ Козьмичъ сказалъ:

— Храните эту букву пуще глаза своего.

По другой версіи, передаваемой свящ. Тыжновымъ, старецъ при оправѣ иконы въ рамку вложилъ букву А, сказавъ при этомъ:

— Подъ этой литерой хранится тайна—вся моя жизнь. Узнаете, Богъ подастъ, кто былъ.

Эта икона, также, какъ сдѣланная старцемъ буква А, доселѣ хранятся въ часовнѣ деревни Зерцалы.

Томскъ и заимка купца С. Ф. Хромова (1858—1864 г.г.).

17.

Чиновница Бердяева пріѣхала въ Томскъ искать себѣ квартиру въ семейномъ домѣ. Ей указали на домъ Хромова.

Придя туда, Бердяева встрѣтилась со старцемъ и, вскрикнувъ, упала въ обморокъ. Старецъ сказалъ хромовскимъ работницамъ:

— Приберите эту женщину!

Ее унесли и привели въ чувство. Послѣ этого старецъ сказалъ Хромову:

— Не пропускайте эту женщину сюда!

Впослѣдствіи Бердяева разсказывала, что въ старцѣ Ѳеодорѣ Козьмичѣ она узнала Александра I.

18.

Томскій мѣщанинъ Иванъ Васильевичъ Зайковъ разсказывалъ Н. А. Лашкову о своихъ встрѣчахъ съ старцемъ Ѳеодоромъ Козьмичемъ, къ которому его привозилъ его знакомый, проживавшій въ 50-хъ и въ 60-хъ годахъ въ Томскѣ, совѣтникъ губернскаго суда Левъ Ивановичъ Савостинъ:

— Старецъ былъ глуховатъ на одно ухо, потому и говорилъ, немного наклонившись. При насъ, во время разговора, онъ или ходилъ по келіи, заложивъ пальцы правой руки за поясъ, какъ это дѣлаютъ почти всѣ военные, или стоялъ прямо, повернувшись спиной къ окошку. Прійдя въ келію и поздоровавшись со старцемъ издали, мы молча садились.

Старецъ первый предлагалъ вопросы, а *Савостинъ отвѣчалъ*[1]) на нихъ. Во время разговоровъ обсуждались всевозможные *вопросы: государственные, политическіе и общественные*[1]). *При обсужденіи первыхъ, Савостинъ становился передъ старцемъ въ почтительную позу*[1]) и не перемѣнялъ ея, пока такой разговоръ не прекращался. Въ такомъ случаѣ *старецъ говорилъ тономъ приказанія*, а *Савостинъ только слушалъ. Говорили иногда на иностранныхъ языкахъ*[1]) и разбирали такіе вопросы и реформы, какъ всеобщая воинская повинность, освобожденіе крестьянъ, война 1812 года, причемъ старецъ обнаруживалъ такое знаніе этихъ событій, что сразу было видно, что онъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Позднѣе—всѣ реформы осуществились такъ, какъ о нихъ говорилъ старецъ.

---

[1]) Курсивъ нашъ.

19.

Показанія Ивана Васильевича подтверждаются показаніями другого Зайкова, Ивана Григорьевича, хорошо знавшаго старца.

Онъ говорилъ:

— Старецъ хорошо зналъ иностранные языки, современныя ему политическія событія и современное ему высшее общество. Разсказывая крестьянамъ или своимъ посѣтителямъ о военныхъ походахъ, особенно, о событіяхъ 1812 года, онъ какъ бы перерождался. Глаза его начинали горѣть яркимъ блескомъ и онъ весь оживалъ. Онъ сообщалъ такія подробности, вдаваясь въ описаніе такихъ событій, что, казалось, онъ самъ вновь переживалъ давно прошедшее время. Напримѣръ, онъ разсказывалъ о томъ, что когда Александръ I въ 1814 году въѣзжалъ въ Парижъ, то подъ ноги его лошади подстилали шелковые платки и матеріи, а дамы на дорогу бросали цвѣты и букеты, и что Александру это было очень пріятно. Во время этого въѣзда графъ Меттернихъ ѣхалъ справа отъ Александра и имѣлъ подъ собой на сѣдлѣ подушку... Когда въ Россіи появилась ложа масоновъ, Александръ сдѣлалъ засѣданіе изъ высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ съ цѣлью обсудить вопросъ: — Слѣдуетъ ли допустить эту ложу въ Россіи или нѣтъ?—Александръ,—замѣтилъ старецъ Ѳеодоръ Козьмичъ,—не былъ ни еретикомъ, ни масономъ».

Въ этомъ разсказѣ весьма любопытны всѣ подробности и детали, а о 1812 годѣ и о Меттернихѣ особенно. Дѣйствительно, есть небольшой, но весьма характерный штрихъ, о которомъ могли знать или, лучше сказать, помнить лишь сами двигатели той эпохи: до 1814 года австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ коварный Меттернихъ, кру-

гомъ опутавшій Александра I своими интригами, былъ только графъ, и лишь незадолго до вступленія Александра I въ Парижъ онъ получилъ титулъ князя, подъ каковымъ и извѣстенъ исторіи.

Затѣмъ примѣчательно и то, что объ этой детали кто-то въ самый глухой и отдаленной сторонѣ не только отъ Западной Европы, гдѣ совершались событія 1814 года, но и отъ самой Европейской Россіи, не имѣющей никакого, казалось бы, отношенія къ этимъ событіямъ, человѣкъ совершенно иного порядка жизни и чувствованій, вспоминаетъ отчетливо и освѣдомляетъ своихъ слушателей въ скромной деревенской бесѣдѣ.

20.

Нѣкій Скворцовъ, жившій недалеко отъ кельи Ѳеодора Козьмича, разсказываетъ:

— Жили у меня двое ссыльныхъ, бывшіе царскіе истопники. Одинъ изъ нихъ заболѣлъ, а второй пошелъ къ старцу попросить у него молитвы. Истопникъ, войдя въ келью старца, бросился передъ нимъ на колѣни и, опустивъ голову и дрожа отъ страха, началъ говорить о цѣли своего посѣщенія. Старецъ слушалъ его, стоя къ окну спиной и лицомъ къ истопнику, и не перебивалъ его. Окончивъ свой разсказъ, истопникъ смолкъ и слышитъ, что старецъ приближается къ нему, и чувствуетъ, какъ онъ обѣими руками поднимаетъ его съ колѣнъ и одновременно слышитъ и не вѣритъ своимъ ушамъ — чудный, кроткій, знакомый ему голосъ:

— Успокойся!

Встаетъ, поднимаетъ голову и, взглянувъ на старца, съ крикомъ, какъ снопъ, падаетъ на полъ и отъ ужаса теряетъ сознаніе: передъ нимъ стоялъ и съ нимъ говорилъ

самъ императоръ Александръ I со всѣми отличительными свойствами его голоса, манеры держаться и самого повелительнаго, властнаго тона, но уже въ видѣ старика съ длинной сѣдой бородой. Истопникъ, который нерѣдко видѣлъ Александра I въ Петербургѣ, узналъ его.

21.

Ольга Максимовна Балахина разсказываетъ:

— Однажды я пришла въ келью старца Өеодора Козьмича и увидала въ ней Семена Феофановича Хромова, который изъ ящика съ вещами старца вынималъ какія-то бумаги и, взявши одну изъ нихъ, сказалъ мнѣ:

— «Старца называютъ бродягой, а вотъ у него имѣется бумага о бракосочетаніи императора Александра Павловича съ императрицей Елизаветой Алексѣевной».

Бумага эта была синеватаго цвѣта, толстая, величиной въ цѣлый обыкновенный листъ бумаги. На бумагѣ нѣкоторыя строки были напечатаны, а нѣкоторыя писаны. Помню, что въ этой бумагѣ Александръ I названъ Великимъ Княземъ. Внизу листа находилась черная печать съ изображеніемъ церкви. Что это было такъ, я готова принять присягу хоть сейчасъ.

22.

Г-жа Кручевская, жена этапнаго начальника на Красной Рѣчкѣ, разсказываетъ, что 9 февраля 1862 г. старецъ Өеодоръ Козьмичъ далъ ей молитву: — «Тебѣ Бога хвалимъ», написанную стариннымъ почеркомъ на синей бумагѣ. Она поѣхала однажды въ Геѳсиманскій скитъ, въ Москвѣ. Осматривая въ покояхъ митрополита Платона развѣшанныя письма многихъ императоровъ, при взглядѣ на письмо Александра I ее поразило сходство почерка Александра съ почеркомъ той молитвы, которую Өеодоръ Козьмичъ далъ ей.

23.

Дочь С. Ф. Хромова, А. С. Оконишникова, любимица Ѳеодора Козьмича, разсказывала Н. А. Лашкову:

— Однажды лѣтомъ (мы жили въ Томскѣ, а старецъ у насъ на заимкѣ, въ четырехъ верстахъ отъ города) мы съ матерью поѣхали на заимку къ Ѳеодору Козьмичу. Былъ чудный солнечный день. Подъѣхавъ къ заимкѣ, мы увидѣли Ѳеодора Козьмича гуляющимъ по полю по военному руки назадъ и марширующимъ. Когда мы съ нимъ поздоровались, то онъ намъ сказалъ:

— Панушки, былъ такой же прекрасный солнечный день, когда я отсталъ отъ общества. Гдѣ былъ и кто былъ, а очутился у васъ на полянкѣ.

24.

Еще разсказывала Анна Семеновна Оконишникова такой случай:

— Когда старецъ Ѳеодоръ Козьмичъ жилъ въ селѣ Коробейниковѣ, то мы съ отцомъ (Хромовымъ) поѣхали къ нему въ гости. Старецъ вышелъ къ намъ на крыльцо и сказалъ:

— Подождите меня здѣсь, у меня гости!

Мы отошли немного въ сторону отъ кельи и подождали у лѣсочка. Прошло около двухъ часовъ времени. Наконецъ, изъ келіи, въ сопровожденіи Ѳеодора Козьмича, вышли молодая барыня и офицеръ въ гусарской формѣ, высокаго роста, очень красивый и похожій на покойнаго наслѣдника Николая Александровича. Старецъ проводилъ ихъ довольно далеко. Когда они прощались, мнѣ показалось, что гусаръ поцѣловалъ ему руку, чего онъ никому не позволялъ. Они все время другъ другу кланялись, пока не исчезли изъ виду въ дорожной коляскѣ, стоявшей

за кельей по тракту. Проводивши гостей, Θеодоръ Козьмичъ вернулся къ намъ съ сіяющимъ лицомъ и сказалъ моему отцу:

— Дѣды-то какъ меня знали, отцы-то какъ меня знали, дѣти какъ знали, а внуки и правнуки вотъ какимъ видятъ![1]).

Въ это время Аннѣ Семеновнѣ было 25 лѣтъ, такъ что ея словамъ и правдивой передачѣ можно вполнѣ вѣрить.

25.

Наталья Яковлевна Попова, та, что привезла ему изъ Кіева икону Печерской Божіей Матери, спросила однажды Θеодора Козьмича объ его родителяхъ и ихъ именахъ, чтобы знать, какъ поминать ихъ въ молитвѣ.

На это старецъ отвѣтилъ:

— Этого тебѣ знать не нужно. Святая церковь за нихъ молится. Если открыть мнѣ свое имя, то меня скоро не будетъ. Тогда Небесная восплачетъ, а земная возрадуется и возгремитъ... И если бы я при прежнихъ условіяхъ жизни находился, то долголѣтней жизни не достигъ бы.

26.

Маріамна Ивановна Ткачева, урожденная Ерлыкова, также старалась выпытать у старца, кто его родители. Онъ ей отвѣтилъ:

— Я родился въ древахъ. Если бы эти древа на меня посмотрѣли, то безъ вѣтра бы вершинами покачали!..

---

[1]) Объ этомъ мнѣ разсказывалъ Н. А. Дашковъ, собиравшій для великаго князя Николая Михаиловича легенды и слухи о Θеодорѣ Козьмичѣ.

27.

Та же М. И. Ткачева вспоминаетъ еще слѣдующія слова старца:

— Я въ деньгахъ счета не зналъ, а когда въ партіи (ссыльныхъ) шелъ, тогда узналъ гроши и копейки.

Затѣмъ онъ вспомнилъ 1812-ый годъ:

— Когда въ 1812 году французъ входилъ въ Москву, Александръ приходилъ къ мощамъ Сергія Радонежскаго и помолился ему со слезами. Вдругъ слышенъ сталъ гласъ отъ угодника:

— «Иди, Александръ, дай полную волю Кутузову! Да поможетъ Богъ изгнать француза изъ Москвы!».

А ранѣе того онъ молился у раки своего святого Александра Невскаго, и святой ему то же сказалъ.

Кромѣ того, М. И. Ткачева приводитъ, со словъ Чистякова, зятя Хромовыхъ, разсказъ Ѳеодора Козьмича о вступленіи императора Александра I-го въ Парижъ.

28.

Томская мѣщанка Клавдія Чернышева разсказываетъ, что при ней какая-то барыня спрашивала старца, откуда онъ родомъ. На это старецъ отвѣтилъ:

— Залетный воробышекъ, царскій властелинъ.

29.

Когда старецъ Ѳеодоръ Козьмичъ умиралъ, то жена Хромова спросила его:

— Объяви хоть имя своего ангела...

— Это Богъ знаетъ!—отвѣтилъ ей Ѳеодоръ Козьмичъ, а, обращаясь къ самому Хромову, сказалъ:

— Пандкъ, хоть ты знаешь, кто я, но ты меня не величь, схорони меня просто. Я не монахъ!

Указавши на висѣвшій у изголовья кровати маленькій мѣшочекъ, старецъ сказалъ:

— Тамъ моя тайна.

Въ мѣшечкѣ были 4 лентообразныхъ обрывка бумажекъ, на которыхъ написаны изреченія Ѳеодора Козьмича и запись его шифромъ, извѣстная подъ именемъ «тайны» Ѳеодора Козьмича. До сихъ поръ еще шифръ не разобранъ.

30.

Протоіерей Илья Ивановичъ Изосимовъ разсказывалъ со словъ С. Ф. Хромова, что Ѳеодоръ Козьмичъ всю свою жизнь тщательно скрывалъ ото всѣхъ свое настоящее званіе и имя. На прямой вопросъ Хромова:

— Молва носится, что ты, дѣдушка, никто иной, какъ Александръ Благословенный. Правда ли это?

Старецъ отвѣтилъ неопредѣленно:

— Чудны дѣла твои, Господи! Нѣтъ тайны, которая бы не сдѣлалась явной, и узнаютъ, кто я».

31.

Однажды Ѳеодора Козьмича спросили:

— Правда ли, баютъ, дѣдушка, что ты—великій князь Константинъ Павловичъ?

Онъ, дѣлая крестное знаменіе, отвѣтилъ:

— Слава Богу, я не онъ. Онъ и ростомъ ниже меня, гнусавъ и носъ имѣетъ короткій [1]).

32.

Когда Ѳеодоръ Козьмичъ жилъ въ селѣ Красная Рѣчка, то онъ почему-то особенно отличалъ день 30 Августа— день Святого Александра Невскаго. У него былъ даже образокъ Александра Невскаго, который впослѣдствіи ис-

[1]) Это разсказывалъ мнѣ Н. А. Лашковъ.

чезъ, точно также, какъ и образокъ Почаевской Божьей Матери.

На Красной Рѣчкѣ къ нему приходили сердобольныя старушки, его почитательницы, Марѳа и Марія, ссыльныя, которыя 30-го августа пекли для него пироги и угощали его.

При этомъ Ѳеодоръ Козьмичъ разсказывалъ имъ, какъ праздновался этотъ день въ Петербургѣ, какъ народъ толпами ходилъ по улицамъ, какъ зажигалась иллюминація, какъ освѣщался огнями весь городъ, какъ царь всѣмъ этимъ былъ доволенъ и какъ ему было все это пріятно [1]).

33.

Однажды, въ какомъ-то городѣ Ѳеодоръ Козьмичъ серьезно заболѣлъ. Его помѣстили въ общественную больницу.

Въ это время въ городъ пріѣхалъ генералъ гр. Клейнмихель для ревизіи, бывшій правой рукой при Аракчеевѣ въ царствованіе Александра I-го. Гр. Клейнмихель пожелалъ осмотрѣть и больницу.

Увидѣвъ подходящаго Клейнмихеля, Ѳеодоръ Козьмичъ повернулся лицомъ къ стѣнѣ и, плотнѣе закутавшись одѣяломъ, старался, чтобы онъ на него не посмотрѣлъ.

На это обратило вниманіе больничное начальство.

Воспитанница Ѳеодора Козьмича Александра Никифоровна.

34.

Личность Александры Никифоровны, воспитанницы Ѳеодора Козьмича, чрезвычайно любопытна по связи

---

[1]) Мнѣ сообщилъ объ этомъ Н. А. Лашковъ.

своей съ нимъ, съ нѣкоторыми его предуказаніями и съ перемѣнами въ ея судьбѣ.

Александра Никифоровна интересна потому, что явилась по желанію и планамъ Өеодора Козьмича еле-еле уловимымъ для другихъ, непосвященныхъ въ его тайну, звеномъ между нимъ и Николаемъ I черезъ гр. Димитрія Ерофеевича Остенъ-Сакена. Она была ниточкой, связавшей Томскъ съ Кіево-Печерской Лаврой, съ Почаевской обителью, съ Екатеринославской губерніей, гдѣ проживали Остенъ-Сакены, и съ Петербургомъ. Сама Александра Никифоровна, 20-лѣтняя дѣвушка, не могла, конечно, догадаться, что она разматываетъ историческій клубокъ съ нитками и что этотъ клубокъ съ нитками—самъ Өеодоръ Козьмичъ.

Александра Никифоровна стала проявлять къ Өеодору Козьмичу чисто религіозное обожаніе съ 12 лѣтъ, когда умерли ея родители и она осталась сиротой. У нея были братья, которые, когда ей наступило 15 лѣтъ, хотѣли выдать ее замужъ, но она имъ заявила, что замужъ не пойдетъ, такъ какъ желаетъ посвятить себя служенію старцу. Старецъ Өеодоръ Козьмичъ также убѣждалъ ея братьевъ, крестьянъ, не трогать ее, такъ какъ ей готовится совершенно иная, лучшая участь.

Въ это время Өеодору Козьмичу было лѣтъ 80.

Онъ обучилъ ее грамотѣ, ариөметикѣ, проходилъ съ ней священное писаніе, назидалъ ее въ гражданской исторіи, связно и понятно разсказывая о событіяхъ. Вообще, Өеодоръ Козьмичъ посвятилъ Александрѣ Никифоровнѣ много времени и вниманія. Онъ любилъ ее, какъ внучку.

Смышленная, бойкая, умная отъ природы и растороп-

ная сибирячка, Александра Никифоровна, наслушавшись божественныхъ разсказовъ отъ Ѳеодора Козьмича, выразила твердое намѣреніе постранствовать по монастырямъ. Братья ее отговаривали, а она упорно стояла на своемъ. Старецъ ее поощрялъ. Наконецъ, въ 1849 году, снабженная старцемъ Ѳеодоремъ Козьмичемъ подробными маршрутами, свѣдѣніями о монастыряхъ и лицахъ, оказывающихъ странникамъ гостепріимство, она направилась въ Россію.

Во время этихъ приготовленій Александра Никифоровна совершенно запросто безъ задней мысли, во время разговора о высокопоставленныхъ лицахъ, сказала Ѳеодору Козьмичу:

— Какъ бы мнѣ увидать самого Царя?

Ѳеодоръ Козьмичъ послѣ паузы, задумавшись, отвѣтилъ ей:

— Можетъ быть, и не одного царя на своемъ вѣку увидать придется. Богъ дастъ, и разговаривать будешь съ нимъ...

Во время своихъ странствованій Александра Никифоровна, по указанію старца, попала въ Почаевъ, гдѣ разыскала неизвѣстную ей, но указанную Ѳеодоромъ Козьмичемъ графиню Остенъ-Сакенъ.

Графиня Остенъ-Сакенъ чрезвычайно обрадовалась ей и пригласила ее къ себѣ въ Кременчугъ погостить, гдѣ жилъ съ семьей графъ Димитрій Ерофеевичъ Остенъ-Сакенъ, командовавшій арміей юга Россіи. Александра Никифоровна очень понравилась Остенъ-Сакенамъ, и они уговорили ее погостить у нихъ. Она пробыла въ Кременчугѣ нѣсколько мѣсяцевъ.

Черезъ нѣкоторое время послѣ пріѣзда Александры Никифоровны въ Кременчугъ, какъ бы случайно, пріѣхалъ

имп. Николай I и остановился у Остенъ-Сакеновъ, старинныхъ друзей царской семьи.

Александра Никифоровна была представлена государю. Умная, быстрая и бойкая, она нисколько не удивилась своей встрѣчѣ съ государемъ, но не могла не видѣть въ этой встрѣчѣ съ государемъ исполненія предсказанія Ѳеодора Козьмича. Николай I много ее разспрашивалъ о Сибири, издали, обинякомъ, очень и очень осторожно, о монастыряхъ, о людяхъ, съ которыми она встрѣчалась по пути, и т. п. Александра Никифоровна бойко и толково отвѣчала и разсказала все, что знала. Она очень понравилась Николаю I своимъ прямымъ, чисто сибирскимъ рѣзкимъ, яснымъ и твердымъ, какъ алмазъ, умомъ.

Обращаясь къ гр. Д. Е. Остенъ-Сакену, Николай I сказалъ:

— Какая къ тебѣ смѣлая гостья пріѣхала!

— А что же мнѣ, — отвѣтила Александра Никифоровна,—бояться? Со мной Богъ да со святыми молитвами своими великій старецъ Ѳеодоръ Козьмичъ, а вы всѣ такіе добрые, ишь, какъ меня угощаете!

Графъ только улыбнулся, а *Николай Павловичъ слегка насупился* [1]).

Уѣзжая изъ Кременчуга, Николай I приказалъ гр. Остенъ-Сакену дать ей пропускъ-записку для входа къ нему во дворецъ на тотъ случай, если бы она поѣхала въ Петербургъ, а ей сказалъ:

— Если будешь въ Петербургѣ, заходи во дворецъ, покажи эту записку и тебя нигдѣ не задержатъ. Тогда разсказала бы мнѣ о своихъ странствованіяхъ. Если будетъ тебѣ въ чемъ нужда, обратись ко мнѣ, я тебя не забуду.

Гр. Д. Е. Остенъ-Сакенъ записку ей выдалъ по Высочайшему словесному повелѣнію, но она ею не воспользовалась

[1]) Курсивъ нашъ

зовалась, такъ какъ въ Петербургъ не заѣзжала, а, проживъ у Остенъ-Сакеновъ мѣсяца три и постранствовавъ по нѣкоторымъ окрестнымъ монастырямъ, вернулась обратно въ Томскъ.

О своей встрѣчѣ съ Ѳеодоромъ Козьмичемъ по возвращеніи изъ Европейской Россіи она разсказываетъ такъ:

— Долго обнималъ меня Ѳеодоръ Козьмичъ, прежде чѣмъ приступилъ ко мнѣ съ разспросами о моихъ странствованіяхъ. Все-то я разсказала ему, гдѣ была, что̀ видѣла и съ кѣмъ разговаривала. Слушалъ онъ меня со вниманіемъ, обо всемъ самъ разспрашивалъ подробно, а потомъ сильно задумался. Смотрѣла я на него, смотрѣла да и говорю ему спроста:—Батюшка Ѳеодоръ Козьмичъ, какъ вы на императора Александра Павловича похожи! Какъ я только это сказала, онъ весь въ лицѣ измѣнился, поднялся съ мѣста, брови нахмурились, да строго такъ на меня:

— А ты почемъ знаешь? Кто тебя научилъ такъ сказать мнѣ?

Я испугалась.

— Никто,—говорю,—батюшка. Это я такъ, спроста сказала. Я видѣла во весь ростъ портретъ императора Александра Павловича у графа Остенъ-Сакена, мнѣ и пришло на мысль, что вы на него похожи, и такъ же руку держите, какъ онъ.

На это старецъ ничего ей не отвѣтилъ, вышелъ въ другую половину кельи, заплакалъ и утиралъ слезы рукавомъ рубашки.

35.

По возвращеніи изъ Россіи, у Александры Никифоровны появилось много жениховъ. Братья настаивали, чтобы она вышла замужъ. Женихи были изъ ихъ же кре-

стьянства. Ѳеодоръ Козьмичъ, наоборотъ, отговаривалъ ее:

— Погоди, успѣешь еще выйти замужъ. За твою доброту Богъ не оставитъ тебя, и царь позаботится наградить тебя за твое обо мнѣ попеченіе [1]). Не трогайте ее,—убѣждалъ онъ ея братьевъ,—она не останется на вашей шеѣ и не будетъ нуждаться въ вашемъ хлѣбѣ. Самъ царь наградитъ ее своею казною [1]).

Въ концѣ 1857 года онъ снова снарядилъ ее на богомолье въ Россію, снабдивъ ее, какъ и въ первый разъ, всевозможными свѣдѣніями о различныхъ лицахъ. Онъ особенно настаивалъ на посѣщеніи ею въ дальнихъ пещерахъ Кіево-Печерской Лавры схимника нѣкоего Парфенія.

— А что, Сашенька, ты не боишься меня?—спросилъ онъ Александру Никифоровну.

— Что же мнѣ васъ бояться-то, Ѳеодоръ Козьмичъ? вѣдь вы ласковы всегда ко мнѣ были, да и другихъ-то никого не обижаете.

— Это только теперь я съ тобой такой ласковый, а когда я былъ великимъ разбойникомъ, то ты, навѣрное, испугалась бы.

Всѣ тѣ лица, на кого указалъ ей Ѳеодоръ Козьмичъ, принимали ее въ Россіи съ большой лаской, указывая дальнѣйшій путь и ограждая совѣтами отъ непріятныхъ случайностей.

Въ Петербургѣ при посредствѣ одного генерала ей удалось поѣхать на Валаамъ случайно на томъ самомъ пароходѣ, на которомъ ѣхала имп. Марія Александровна, жена имп. Александра II. Она, узнавъ отъ одной изъ своихъ

---

[1]) Курсивъ нашъ.

фрейлинъ, что на пароходѣ находится сибирячка, велѣла позвать ее и много разспрашивала ее о Сибири.

Такимъ образомъ предсказаніе Ѳеодора Козьмича о томъ, что она увидитъ на своемъ вѣку не одного царя, а двухъ и даже будетъ съ ними говорить, сбылось.

Въ Кіевѣ она розыскала схимника Парфенія. Онъ ей сказалъ:

— Нечего тебѣ дѣлать въ Сибири. Оставайся здѣсь, поговѣй у меня, а какъ причастишься Св. Таинъ, я скажу тебѣ, куда идти.

Александра Никифоровна послѣдовала его совѣту. Послѣ причащенія онъ ей сказалъ:

— Если кто-нибудь будетъ звать тебя въ Почаевъ, то поѣзжай туда, да приходи ко мнѣ, я благословлю тебя.

— Но я уже была тамъ.

— А ты, все равно, поѣзжай.

На другой день въ церкви по окончаніи службы, она встрѣтила какого-то пожилого офицера, который пристально на нее почему-то посмотрѣлъ и, въ концѣ концовъ, спросилъ ее:

— О чемъ вы горько плакали?

— Не знаю, куда идти. Хочу идти домой, а старецъ Парфеній совѣтуетъ идти въ Почаевъ.

— Поѣдемте вмѣстѣ въ Почаевъ,—сказалъ офицеръ. Я тоже туда ѣду. А теперь пойдемте ко мнѣ чай кушать.

— А вы семейный? — нерѣшительно спросила Александра Никифоровна.

— Да, у меня большое семейство. Не бойтесь, у меня останавливаются разныя странницы. Меня здѣсь всѣ знаютъ. Я—маіоръ Федоровъ.

Когда она вошла въ домъ міора, то увидѣла большое количество странниковъ и странницъ. Это и составляло семейство маіора Федорова.

Дня черезъ два они собирались въ Почаевъ. Но явилось новое затрудненіе. У Александры Никифоровны оказался паспортъ не въ порядкѣ.

Тогда маіоръ Федоровъ ей сказалъ:

— Я—вашъ паспортъ. Со мной можете быть совершенно спокойны, васъ никто не обидитъ. Ѣдемте.

По пріѣздѣ въ Почаевъ, маіоръ Федоровъ устроилъ ее у двухъ набожныхъ старушекъ. На другой день, послѣ обѣдни, приходитъ къ ней монашекъ и проситъ ее пожаловать къ преосвященному Исидору, тогда экзарху Грузіи, пріѣхавшему на отдыхъ въ Почаевъ.

— Зачѣмъ я къ нему пойду?—отвѣтила она.—Вѣдь, преосвященный меня не знаетъ. Не обманъ-ли тутъ какой?—и отказалась пойти.

Черезъ нѣкоторое время приходитъ тотъ же монашекъ и настоятельно проситъ пожаловать къ преосвященному. Нечего дѣлать, она пошла.

Преосвященный ласково ее принялъ, усадилъ за столъ, велѣлъ подать кофе и сталъ ее спрашивать:

— Какъ это вы не боитесь въ такихъ годахъ [1]) пускаться въ такое дальнее путешествіе. Мой совѣтъ:—выходите-ка вы лучше замужъ, а я отыщу вамъ жениха хорошаго.

Это предложеніе преосвященнаго поразило Александру Никифоровну. Тогда преосвященный позвонилъ и велѣлъ пригласить ждавшаго у него въ кабинетѣ маіора Федорова.

— Вотъ вамъ и женихъ!—сказалъ преосвященный.—Вы очень понравились маіору Федорову, и онъ хочетъ непремѣнно просить руки вашей. Мой отеческій совѣтъ:—не отказывайтесь.

Самъ преосвященный вытребовалъ изъ с. Краснорѣченскаго, гдѣ она жила съ братьями, ея метрику, и Але-

[1]) Ей было въ ту пору 32 года.

ксандра Никифоровна здѣсь вышла замужъ за маіора Федорова.

Съ мужемъ она прожила 5 лѣтъ въ Кіевѣ, и, овдовѣвши, вновь вернулась на родину, но Ѳеодора Козьмича уже не застала въ живыхъ.

Она поселилась на жительствѣ въ Томскѣ, вѣрная памяти и обожанію къ Ѳеодору Козьмичу, гдѣ и не такъ давно умерла въ весьма преклонномъ возрастѣ подъ народной кличкой:

— Маіорша Федорова.

36.

Послѣ смерти Ѳеодора Козьмича.

Иванъ Денисовичъ Митрополовъ, служившій въ Синодѣ при К. П. Побѣдоносцовѣ, получилъ въ даръ отъ барнаульскаго мѣщанина Е. Ф. Сдобникова книгу съ надписью:—«Книжица, заключающая въ себѣ акафистъ Воскресенію Христову, и сказаніе объ антихристѣ».

Книгу эту подарилъ одной своей почитательницѣ въ Томскѣ старецъ Ѳеодоръ Козьмичъ. Она писана русскими буквами, но славянскимъ слогомъ.

Почитательница—чиновница, живя въ Бійскѣ, подарила ее передъ своею смертью въ 1876 году одной своей пріятельницѣ, келейницѣ монастыря Таисіи, имѣющей теперь въ Бійскѣ собственный домъ. Келейница Таисія подарила ее Е. Ф. Сдобникову, а Е. Ф. Сдобниковъ И. Д. Митрополову. И. Д. Митрополовъ свѣрялъ въ Публичной библіотекѣ въ Петербургѣ почеркъ, которымъ написана эта книга—рукопись, съ почеркомъ Александра I и нашелъ, что нѣкоторыя буквы были схожи.

Присутствовавшій при этомъ академикъ ген. Н. Ф. Дубровинъ, спеціалистъ по царствованію Александра I, увидавъ первую страницу акафиста, воскликнулъ:

— Да, это писалъ Александръ Павловичъ!

Затѣмъ онъ сталъ вмѣстѣ съ другими сличать подлинныя письма, замѣтки и т. д., несомнѣнно писанныя Александромъ I.

Сходство въ отдѣльныхъ буквахъ находили полное, но также нашли, что лицо, писавшее этотъ акафистъ, намѣренно измѣняло почеркъ: одна и та же буква, напримѣръ, писана различно.

Директоръ Императорской Публичной Библіотеки не согласился съ мнѣніемъ Н. Ф. Дубровина.

37.

Анна Семеновна Оконишникова (Хромова) получила въ даръ отъ старца Ѳеодора Козьмича собственноручно написанный имъ 50-ый псаломъ.

Когда она была въ Москвѣ, то въ Историческомъ Музеѣ она сравнивала почеркъ псалма съ цѣлымъ рядомъ документовъ, несомнѣнно писанныхъ императоромъ Александромъ I, и нашла удивительное сходство отдѣльныхъ буквъ и словъ.

38.

И. Д. Митрополовъ разсказывалъ, со словъ томичей, директору Имп. Публичной Библіотеки А. Ф. Бычкову о томъ, что старецъ будто бы въ день смерти исповѣдывался напутствовавшему ему священнику въ тяжкомъ первородномъ грѣхѣ. На вопросъ священника:

— Въ чемъ твой первородный грѣхъ, благочестивый старецъ?

Старецъ Ѳеодоръ Козьмичъ отвѣтилъ не сразу, послѣ паузы:

— Въ кончинѣ моего отца... участвовалъ я въ ней... Вотъ нынѣ, чтобы испросить у Господа Бога прощеніе,

взялъ я на себя бремя тяжкое, подвигъ смиренномудрія и молчанія и удалился въ Сибирь отъ дѣлъ мірскихъ.

39.

Нѣкій статскій совѣтникъ Василій Семеновичъ Садовниковъ вошелъ, однажды, въ Петербургѣ въ одинъ изъ магазиновъ, гдѣ продавались карточки всѣхъ нашихъ государей и великихъ князей. Увидавъ среди нихъ карточку старца Ѳеодора Козьмича, онъ очень удивился и спросилъ:

— Почему эта карточка находится среди карточекъ царственныхъ особъ?

Продавецъ ему отвѣтилъ:

— Мы этого не знаемъ, намъ такъ приказано.

40.

И. Н. Зайковъ разсказываетъ, что осенью 1864 г. рано утромъ къ нему въ Томскѣ пришли два какихъ-то пріѣзжихъ незнакомца, очень высокаго роста, въ военной формѣ. Они спросили, не знаетъ ли онъ, гдѣ похороненъ старецъ Ѳеодоръ.

— Когда я ихъ привелъ въ монастырь и указалъ имъ могилу, они, молясь, опустились на колѣни, а затѣмъ тотчасъ же сказали мнѣ, что я имъ больше не нуженъ. Я ушелъ изъ монастыря и больше никогда ихъ не видѣлъ. Спустя нѣкоторое время явилась вторая пара такихъ-же неизвѣстныхъ офицеровъ, которые вызвали меня и просили указать имъ могилу старца Ѳеодора. Я имъ указалъ. Они точно также отпустили меня, не разрѣшивъ ихъ подождать. Наконецъ, ранней весной слѣдующаго, 1865 года, также таинственно, какъ и въ первые разы, явилась и исчезла новая пара незнакомцевъ, которые тихо и одиноко молились надъ могилой старца.

41.

Въ семьѣ томскихъ обывателей Чистяковыхъ, одинъ изъ которыхъ былъ зятемъ Хромова, сохранился печатный экземпляръ молитвы старца Ѳеодора Козьмича. Вотъ она:

«Отцу и Сыну и Св. Духу. Покаяніе со исповѣданіемъ по вся дни.

О, Владыко Человѣколюбче, Господь Отецъ, Сынъ и Св. Духъ, Троица Святая, благодарю Тя, Господи, за Твое великое милосердіе и многое терпѣніе, аще-бы ни Ты, Господи, и ни Твоя благодать покрыла мя грѣшнаго по вся дни и нощи, и часы, то уже бы азъ, окаянный, погиблъ, аки прахъ, предъ лицемъ вѣтра за свое окаянство, и любность, и слабность, и за вся свои пріестественные грѣхи, а когда восхищаетъ пріити ко отцу своему духовному на покаяніе отча лица устыдиться грѣха утаихъ и оные забыхъ и не могохъ всего исповѣдать срама ради и множества грѣховъ моихъ, тѣмъ же убо покаяніе мое нечистое есть и ложно рекомо, но Ты, Господи, свѣдый тайну сердца моего молчатися разрѣши и прости въ моемъ согрѣшеніи и прости душу мою, яко благословенъ еси во вѣки вѣковъ. Аминь».

42.

Ѳеодоръ Козьмичъ цѣлыми днями сидѣлъ у себя въ кельѣ и никуда не выходилъ. Если же онъ посѣщалъ окрестныя деревни, то обучалъ дѣтей грамотѣ, священному писанію, исторіи, географіи, давалъ вѣрныя и полезныя указанія по сельскому хозяйству и земледѣлію.

43.

Старецъ Ѳеодоръ Козьмичъ всю жизнь не говѣлъ. Говорятъ только потому, чтобы не проговориться, кто онъ.

Съ другой стороны, говорятъ, что на тайной исповѣди у дѣда Н. А. Лашкова онъ почти прямо сказалъ, кто онъ, но обязалъ его молчаніемъ по іерейскому чину.

44.

Племянникъ д-ра Д. К. Тарасова, состоявшаго при Александрѣ I въ Таганрогѣ, извѣстный профессоръ административнаго права въ Москвѣ—Тарасовъ разсказываетъ, что его дядя, д-ръ Д. К. Тарасовъ, никогда не поминалъ въ молитвахъ Александра I до 1864 года, т. е. до того времени, пока не умеръ Ѳеодоръ Козьмичъ.

Съ этого года каждое 30-ое августа д-ръ Д. К. Тарасовъ усердно служилъ панихиды по Александрѣ I. Онъ проживалъ въ это время неотлучно въ Москвѣ.

(Это сообщеніе было напечатано въ «Петерб. Газетѣ»).

45.

Къ Ѳеодору Козьмичу, когда онъ жилъ въ Томскѣ, всякій вновь назначаемый губернаторъ почему-то считалъ долгомъ заѣхать въ его келью и долго наединѣ съ нимъ бесѣдовалъ. Нѣкоторые любознательные томичи, прослѣдившіе такіе визиты, говорятъ, что во время разговоровъ губернаторовъ съ Ѳеодоромъ Козьмичемъ, первые почтительно стояли и, вообще, внѣшне показывали особое свое къ нему уваженіе. Было ли это уваженіемъ къ святой личности старца или уваженіемъ чиновника, знающаго, съ кѣмъ онъ говоритъ, или имѣющаго конфиденціальное предписаніе отъ центральной власти держаться опредѣленнаго, въ порядкѣ подчиненности, курса въ отношеніи его, мы не знаемъ, но извѣстно, что губернаторы были въ отношеніи Ѳеодора Козьмича всегда весьма почтительны.

46.

Тогдашній архіепископъ (кажется, Макарій) находился въ особо дружескихъ отношеніяхъ съ Θеодоромъ Козьмичемъ и часто запросто навѣщалъ его въ кельѣ. Обыкновенно, они долго и много говорили, взявъ другъ друга подъ-руку.

Эту фамильярность Θеодоръ Козьмичъ позволялъ не всѣмъ. Вообще, Θеодоръ Козьмичъ не былъ поклонникомъ фамильярныхъ отношеній. Онъ былъ всегда очень сдержанъ и остороженъ. Онъ очень не любилъ, чтобы ему цѣловали руку. Никого по-іерейски не благословлялъ, и если хотѣлъ выразить кому-нибудь свое благоволеніе, то или трепалъ мягко, любовно по щекѣ, какъ онъ это, обыкновенно, дѣлалъ съ дѣтьми, съ женщинами, или же по-монашески трижды на-крестъ лобызался, но съ людьми старыми, почтенными, избранными, а съ остальными только кланялся.

Съ архіепископомъ Томскимъ Θеодоръ Козьмичъ былъ очень друженъ, и у епископа, говорятъ, сохранились о старцѣ много крайне важныхъ документовъ, но одинъ изъ его родственниковъ или келейниковъ увезъ ихъ въ одинъ изъ псковскихъ монастырей, гдѣ они и погибли.

47.

Томичи тѣхъ временъ утверждали, что къ кельѣ Θеодора Козьмича на заимку Хромова нерѣдко пріѣзжали запыленные и усталые военные люди, повидимому, фельдъегери. Они почтительно входили въ келью старца, передавали что-то Θеодору Козьмичу, иногда ожидали отвѣта внѣ кельи, а иногда не ожидали и тотчасъ же обратно уѣзжали, даже не заѣзжая въ городъ.

Эти таинственные курьеры весьма смущали любопыт-

ство томскихъ обывателей, но никто не могъ узнать, кто они и зачѣмъ пріѣзжали къ Ѳеодору Козьмичу.

Семеонъ Феофановичъ Хромовъ и старецъ Ѳеодоръ Козьмичъ.

48.

С. Ф. Хромовъ, состоятельный купецъ въ Томскѣ, у котораго скончался Ѳеодоръ Козьмичъ, оставилъ потомству свои о немъ «Записки». Нужно отдать ему справедливость, Хромовъ сообщилъ имъ болѣе религіозный, божественный характеръ, чѣмъ характеръ освѣщенія личности старца.

Въ девяти десятыхъ своей книги С. Ф. Хромовъ говоритъ о чудесахъ, исцѣленіяхъ, предвидѣніяхъ, прозрѣніяхъ, о «благоуханіяхъ въ келіи», о «чудодѣйственной водицѣ съ зубка великаго старца» и т. д.

Въ этихъ запискахъ полное преклоненіе передъ религіозной личностію старца.

Я убѣжденъ, что Хромовъ былъ искрененъ, вѣря въ Ѳеодора Козьмича, какъ въ святого, и въ подборѣ свѣдѣній о немъ, свидѣтельствующихъ объ его святости, нѣтъ ничего двусмысленнаго или фальшиваго. Человѣкъ такъ вѣрилъ.

Также вѣрилъ Хромовъ и въ то, что Ѳеодоръ Козьмичъ—Александръ I.

Эта вѣра основывалась не на личныхъ измышленіяхъ или догадкахъ Хромова, а на обмолвкахъ самого Ѳеодора Козьмича и на поразительномъ его сходствѣ съ Александромъ I. Вѣдь, если Хромовъ нашелъ въ сундукѣ Ѳеодора Козьмича послѣ его смерти свидѣтельство о бракосочетаніи великаго князя Александра Павловича съ великой княгиней Елизаветой Алексѣевной, то это должно было

очень поразить его воображеніе, безъ того уже направленное на установленіе такого сходства.

Дѣйствительно, что̀ общаго между какимъ-то бродягой, не помнящимъ родства, старцемъ и великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ? Зачѣмъ у него этотъ единственный и ему не принадлежащій документъ? Откуда онъ его взялъ? Зачѣмъ бережно хранилъ?

Затѣмъ крайне осторожная, скупая, вскользь брошенная передъ смертью фраза:

— Пано̀къ, ты знаешь, кто я, не величь меня! Ты, вѣдь, знаешь, я не монахъ!

Я уже не говорю о цѣломъ рядѣ слуховъ, сближеній и разнообразныхъ втеченіи длиннаго ряда лѣтъ наблюденій надъ посѣтителями Ѳеодора Козьмича, которыя должны были привести Хромова къ заключенію, что старецъ Ѳеодоръ Козьмичъ не бродяга, не помнящій родства, а кто-то иной.

Имѣя въ рукахъ неоспоримыя доказательства тождества личности Ѳеодора Козьмича и Александра I, Хромовъ и рѣшился поѣхать послѣ его смерти въ Петербургъ, чтобы видѣть самого царя, и передать ему изъ рукъ въ руки въ личной бесѣдѣ все то, что относилось до личности Ѳеодора Козьмича. Могъ-ли разсчитывать Хромовъ на аудіенцію у царя? Онъ ѣхалъ смѣло, на свой собственный рискъ и счетъ, и, главное, былъ убѣжденъ, что его примутъ, что его должны принять. Какія къ тому основанія? Во-первыхъ, тѣ документы, записки и вещи, которые нашлись въ сундукѣ у Ѳеодора Козьмича, и тѣ интимныя слова, которыя онъ долженъ былъ передать имп. Александру II, и, наконецъ, просто сама личность Ѳеодора Козьмича.

Какъ настойчивый сибирякъ, разъ онъ рѣшилъ вы-

полнить порученіе Θеодора Козьмича, онъ его и выполнилъ. Поѣхалъ.

Нужно принять во вниманіе то обстоятельство, что въ тѣ времена путешествіе изъ Томска въ Петербургъ было сопряжено не только съ большими расходами, но и съ значительными затрудненіями.

Купецъ Хромовъ былъ человѣкъ старый, почтенный, солидный, уважаемый. Не могъ онъ совершать легкомысленныхъ поступковъ подъ вліяніемъ вспышки своей распаленной фантазіи. Человѣкъ прожилъ жизнь и, слѣдовательно, не могъ такъ безпредметно и легко срываться съ мѣста и ѣхать въ Петербургъ повидаться съ царемъ. Хромовъ не могъ не знать, что видѣть царя человѣку въ его положеніи не такъ-то легко, что его не пустятъ къ нему. Но Хромовъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи магическія слова:—Θеодоръ Козьмичъ! Съ ними онъ ѣхалъ въ Петербургъ и при помощи ихъ онъ думалъ дойти до царя.

Центръ тяжести отношеній Хромова къ Θеодору Козьмичу послѣ его смерти заключается именно въ этой поѣздкѣ, а все остальное, какъ-то: выставленіе его портрета, привезеннаго изъ Петербурга, иконъ и т. д., значенія имѣть не могутъ и являются несущественными деталями.

Хромовъ, дѣлая на крестѣ могилы старца надпись: «Здѣсь погребено тѣло Великаго Благословеннаго старца Θеодора Козьмича, скончавшагося 20-го января 1864 года», отвѣчалъ въ словахъ Великаго Благословеннаго — народнымъ переживаніямъ и тому, что онъ случайно, но какъ опредѣленный и не допускающій сомнѣній фактъ, какъ нѣчто вѣрное, узналъ о личности Θеодора Козьмича.

Принимая во вниманіе, что Александру I дали прозваніе—Благословенный—еще при его жизни, Хро-

мовъ этимъ эпитетомъ хотѣлъ очень тонко указать, кто такой Ѳеодоръ Козьмичъ.

О. Илья Изосимовъ разсказываетъ со словъ самого С. Ф. Хромова о своей поѣздкѣ въ Петербургъ—въ первый разъ послѣ 1864 г. при Александрѣ II и во второй разъ—при Александрѣ III.

Получивши отъ умиравшаго Ѳеодора Козьмича какое-то порученіе къ самому государю и найдя въ его сундукѣ послѣ его смерти актъ бракосочетанія великаго князя Александра Павловича, купецъ С. Ф. Хромовъ рѣшилъ ѣхать въ Петербургъ и добиться аудіенціи у государя.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ долго ходилъ по высокопоставленнымъ лицамъ, прося доложить о немъ государю, но всѣ пожимали плечами. Даже заарестовали его, но вскорѣ выпустили. Сидѣлъ-ли онъ въ Петропавловской крѣпости или въ другой, точно неизвѣстно, но онъ былъ арестованъ. Наконецъ, его просьбой заинтересовался тогдашній главноуправляющій комиссіи прошеній, на Высочайшее имя приносимыхъ, бар. Будбергъ, вызвалъ С. Ф. Хромова къ себѣ и допросилъ его. Послѣ допроса, въ которомъ онъ выяснилъ степень правды и основательность необходимости доклада о купцѣ С. Ф. Хромовѣ государю, бар. Будбергъ доложилъ о немъ, вслѣдствіе чего Хромовъ былъ вызванъ въ Зимній Дворецъ, гдѣ и былъ принятъ Александромъ II.

Когда онъ проходилъ залъ, предшествующій кабинету Александра II, то въ немъ, неподалеку отъ кабинета, стоялъ одинъ только дежурный флигель-адъютантъ. Дверь въ кабинетъ была полуотворена. Государь стоялъ, опершись о столъ кабинета, и съ любопытствомъ смотрѣлъ на входившаго С. Ф. Хромова.

Степенный видъ Хромова, сѣдая окладистая борода,

длинная черная поддевка производили впечатлѣніе солидности и основательности. Такіе не лгутъ.

Хромовъ поклонился государю въ ноги, даже сталъ на колѣни, но Александръ II его поднялъ и спросилъ:

— Ты зналъ Ѳеодора Козьмича?

— Такъ точно, Ваше Величество...

— Разскажи мнѣ все...

Хромовъ сталъ разсказывать. Государь очень внимательно его выслушалъ. Когда Хромовъ передалъ ему фотографію старца и нѣкоторыя вещи, то у Александра II на глазахъ выступили слезы. Онъ сосредоточенно и угрюмо разсматривалъ портретъ Ѳеодора Козьмича.

Затѣмъ онъ подошелъ вплотную къ Хромову, обнялъ его и, поцѣловавъ, сказалъ:

— Спасибо, что ты оберегъ послѣдніе дни его жизни. Если тебѣ что-нибудь будетъ нужно, обратись ко мнѣ. Я тебѣ помогу.

Аудіенція была кончена. Хромовъ ушелъ.

Всю эту сцену видѣлъ дежурившій флигель-адъютантъ и даже слышалъ слова государя.

Сколько затѣмъ Хромовъ ни обращался со своими просьбами къ государю, ни одна изъ нихъ удовлетворенія не получила и, вообще, никогда, повидимому, не была докладываема государю. Кто этого хотѣлъ, неизвѣстно. Однако, къ чести купца Хромова надо сказать, что ни о какихъ благахъ лично для себя онъ ни передъ кѣмъ не ходатайствовалъ.

50.

Въ царствованіе Александра III Хромовъ явился въ Петербургъ по какому-то новому поводу въ связи съ личностью Ѳеодора Козьмича.

Былъ онъ у вершителя судебъ тогдашней исторіи

К. П. Побѣдоносцева, а также у министра Имп. Двора графа И. И. Воронцова-Дашкова, у государственнаго контролера Т. И. Филиппова и у весьма вліятельнаго тогда кн. С. А. Долгорукаго.

Всѣми этими лицами Хромовъ былъ принятъ чрезвычайно любезно, причемъ всѣ проявляли особенный интересъ къ личности Ѳеодора Козьмича, особенно, Т. И. Филипповъ и К. П. Побѣдоносцевъ, которые чрезвычайно долго и пытливо выспрашивали Хромова обо всѣхъ малѣйшихъ деталяхъ жизни и личности Ѳеодора Козьмича.

При этомъ Хромовъ просилъ передать государю шапочку и портретъ Ѳеодора Козьмича, за что получилъ Высочайшую благодарность.

Между прочимъ, кн. С. А. Долгорукій вполнѣ допускалъ мысль о тождествѣ Ѳеодора Козьмича и Александра I, о чемъ и сказалъ прямо въ особо назначенной государемъ для разсмотрѣнія заявленія Хромова коммиссіи.

По поводу желанія Хромова видѣть Александра III и что-то ему передать гр. И. И. Воронцовъ-Дашковъ нарядилъ цѣлый судъ.

Хромовъ разсказываетъ такъ:

— Въ залѣ вокругъ стола сидѣло 8 генераловъ. На вопросъ, правда-ли, что старецъ никто иной, какъ императоръ Александръ I, я отвѣтилъ:—Вамъ, какъ людямъ ученымъ, это знать можно лучше меня. Потомъ между ними завязался крупный споръ. Одни говорили, что этого быть не можетъ, потому что исторія передаетъ о болѣзни, смерти и погребеніи императора Александра I, другіе же, наоборотъ, доказывали, что все это могло быть. Споръ былъ продолжительный. Дошло даже до того, что одинъ изъ генераловъ сказалъ мнѣ:

— Если вы, Хромовъ, станете распространять молву о старцѣ и называть его императоромъ Александромъ I,

вы наживете себѣ много непріятностей. Я знаю, что Александра I въ дальній путь провожали десять человѣкъ.

Онъ сталъ называть ихъ по фамиліямъ, но я могъ запомнить только Дибича, Адельберга и Соломку, а другихъ фамилій не упомню. Много было говорено здѣсь, но, повидимому, ни къ какому соглашенію не пришли. Тотъ господинъ, который пріѣзжалъ за мной, сидѣлъ также среди генераловъ. Позже я узналъ, что это былъ Рудановскій. Прошло много времени. Этотъ Рудановскій пишетъ мнѣ телеграмму въ Томскъ: «Приготовьте мнѣ квартиру». И, дѣйствительно, онъ вскорѣ пріѣхалъ и жилъ у меня. Зачѣмъ онъ пріѣзжалъ, осталось для меня тайной. Онъ постоянно бывалъ на панихидахъ въ кельѣ у старца Ѳеодора.

Высокопоставленные посѣтители могилы старца Ѳеодора Козьмича.

Въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія могилу посѣтилъ начальникъ Тюремнаго Управленія т. с. Галкинъ-Врасскій, пріѣзжавшій для ревизіи тюремъ. Онъ первымъ дѣломъ посѣтилъ могилу старца Ѳеодора Козьмича и отслужилъ по немъ панихиду. Затѣмъ онъ пожелалъ предохранить домикъ-келью старца отъ разрушенія и приказалъ сдѣлать надъ нимъ навѣсъ.

Затѣмъ тотчасъ же, послѣ смерти Ѳеодора Козьмича, въ Томскъ, спеціально для совершенія надъ нимъ панихиды, пріѣхали двѣ пары военныхъ, высокихъ и стройныхъ молодыхъ человѣка, отличавшихся особенностью своихъ манеръ. Узнавъ отъ Зайкова мѣсто погребенія старца, они его отпустили, не разрѣшили ихъ ожидать, остались одни и долго молились въ полной тишинѣ.

Великій князь Алексѣй Александровичъ тоже одинъ

изъ первыхъ посѣтилъ могилу старца Өеодора Козьмича по собственной иниціативѣ и здѣсь молился.

Теперь нѣтъ свѣдѣній, посѣщали-ли другіе великіе князья или какія-либо другія высокопоставленныя лица изъ Петербурга могилу старца, но несомнѣнно, что, между тѣмъ, кто лежитъ въ могилѣ мужского Алексѣевскаго монастыря въ Томскѣ, и высшими кругами власти въ Петербургѣ имѣется таинственная связь.

Съ перваго взгляда можетъ представиться страннымъ, почему же высшіе круги власти въ Петербургѣ не озаботились приведеніемъ въ порядокъ могилы старца, тотчасъ же послѣ его смерти и почему, вообще, не было проявлено достаточнаго вниманія къ нему. На это одинъ отвѣтъ: —Надо быть крайне осторожнымъ ко всей личности Өеодора Козьмича, чтобы не дать повода русскому обществу дѣлать категорическіе выводы изъ внѣшнихъ поступковъ правительства...

Өеодора Козьмича, какъ Александръ I, нѣтъ, такъ какъ Александръ I былъ отпѣтъ при жизни и погребенъ, но Александръ I, какъ старецъ, какъ праведникъ, какъ искупитель первороднаго грѣха, жилъ и умеръ въ постѣ, молитвѣ и смиреніи, умеръ въ уничиженіи, какъ бродяга, не помнящій родства. Въ такого рода аскетизмѣ онъ видѣлъ способъ спасти себя и свой родъ отъ первороднаго грѣха—убійства своего отца. Быть похороненнымъ не рядомъ со своимъ отцомъ, въ убійствѣ котораго онъ косвеннымъ образомъ принималъ участіе, вопреки своей воли, входило, какъ деталь, въ общій аскетическій планъ Александра I.

Могила старца находится въ оградѣ мужского Алексѣевскаго монастыря, влѣво отъ алтаря церкви и нѣсколько вглубь кладбища. Первоначально она была обнесена желѣзною рѣшеткой, а сверху закрыта желѣзною

крышей, надъ которой въ изголовьи могильнаго холмика стоялъ большой деревянный крестъ съ надписью:

«На семъ мѣстѣ погребено тѣло великаго и благословеннаго старца Θеодора Козьмича, скончавшагося въ Томскѣ 20 января 1864 года».

Черезъ нѣсколько лѣтъ, по приказанію Томскаго губернатора, надпись была закрашена и замѣнена другою, краткою:

«Старецъ Θеодоръ Козьмичъ скончался 20 января 1864 года».

Теперь надъ могилой стоитъ часовня, сдѣланная по проекту художника В. Ф. Оржешко по иниціативѣ настоятеля монастыря архимандрита Іоны, усердно собирающаго свѣдѣнія объ исцѣленіи и чудесахъ Θеодора Козьмича.

Вся могила была охвачена канавой на глубинѣ 3 аршинъ. Когда фундаментъ былъ выведенъ въ уровень съ землей, обратили вниманіе на то, что могила западаетъ и проваливается. Тогда, по распоряженію архимандрита Іоны, изъ могилы стали вынимать всю землю. Послѣ этого выяснилось, что причина осадки заключается въ томъ, что доски, закрывавшія склепъ, сгнили и провалились въ камеру, гдѣ стоялъ гробъ. Когда вынули гнилыя доски и землю, то увидѣли, что крышка гроба сгнила и провалилась. Стали очищать крышку гроба съ тѣмъ, чтобы поставить новыя доски.

Архитекторъ В. Ф. Оржешко стоялъ на днѣ могилы между самимъ гробомъ и стѣной фундамента и хорошо видѣлъ, что одежда и тѣло старца совершенно сгнили и вдоль гроба лежали коричневаго цвѣта кости ногъ, обутыхъ въ кожаные башмаки. Голова представляла безформенную

ослизлую массу, которая лежала на какомъ-то подобіи подушки. Костей черепа нельзя было разсмотрѣть, но длинная сѣдая борода явственно была видна на груди.

Архитекторъ Оржешко захотѣлъ ближе разсмотрѣть тѣло покойнаго старца Ѳеодора Козьмича и наклонился въ самый гробъ, но въ это время изъ боковаго кармана его сюртука выпали на гробъ разныя бумаги, карточки и бумажникъ. Онъ началъ ихъ выбирать изъ гроба, задѣвая осторожно рукою тѣло старца. Когда онъ закрывалъ гробъ новыми досками, то увидѣлъ, что одна карточка, все-таки, еще осталась въ гробу. Пришлось опять наклоняться и доставать ее оттуда.

Всю эту сцену видѣлъ архимандритъ Іона, который стоялъ на краю могилы, на фундаментѣ. Онъ былъ счастливъ, что Богъ привелъ его видѣть прахъ старца. Онъ, какъ и многіе томичи, былъ убѣжденъ, что самаго тѣла старца въ могилѣ нѣтъ, такъ какъ, по томскимъ разсказамъ, пріѣзжалъ, по одной версіи, какой-то генералъ, присланный однимъ изъ великихъ князей для изъятія тѣла Ѳеодора Козьмича изъ могилы, а—по другой—цѣлая комиссія, которая по соглашенію съ мѣстной жандармской властью разрыла могилу старца ночью, вынула его останки, уложила въ заготовленный гробъ и увезла съ собою въ Петербургъ [1]).

Надъ могилой стоитъ теперь часовня—каменное зданіе около 3½ саж. высотою и около 16 квадратныхъ аршинъ площадью, съ лѣпными украшеніями снаружи, увѣнчанное куполомъ. Въ боковыхъ стѣнахъ по одному большому окну. Передняя стѣна противъ входной двери

---

[1]) Городъ Томскъ.—Изданіе Сибирскаго Т-ва Печатнаго Дѣла, 1912 г., стр. 118—119.

сплошь обдѣлана, какъ иконостасъ, съ иконами въ 3 яруса. Центральная икона изображаетъ Александра Невскаго и Ѳеодора Стратилата.

Среди часовенки высится гробница, накрытая мраморной доской, съ вырѣзаннымъ на ней 8-ми конечнымъ крестомъ и надписью на немъ:

«Здѣсь погребено тѣло великаго и Благословеннаго старца Ѳеодора Козьмича 20 января 1864 года».

На камнѣ въ большой металлической подстановкѣ горитъ неугасимая лампада. На одномъ изъ подоконниковъ разложены десятки фотографій, относящихся къ старцу, и брошюръ. Раньше въ часовнѣ ежедневно служились литіи, а теперь гораздо рѣже. Въ день смерти Ѳеодора Козьмича, 20 янв., бываетъ особо торжественная служба.

Часовня обыкновенно заперта, но черезъ окно вся могила видна.

Нынѣ чувствуется со стороны братіи Алексѣевскаго монастыря и нѣкоторой части населенія Томска стремленіе видѣть въ Ѳеодорѣ Козьмичѣ святого. Эту тенденцію впервые создалъ С. Ф. Хромовъ, нынѣ продолжаетъ архимандритъ Алексѣевскаго мужского монастыря Іона и кончитъ, вѣроятно, правительство кононизаціей Ѳеодора Козьмича.

Кельи Ѳеодора Козьмича остались въ почти прежнемъ состояніи.

Внутри много иконъ, оставленныхъ почитателями. Передъ образами лампада и еженедѣльно по пятницамъ вечеромъ служатся панихиды.

Женщина, которая показываетъ келью, разсказываетъ, что въ сундучкѣ Ѳеодора Козьмича, который имѣется въ кельѣ, хранились принадлежности незатѣйливаго его ко-

стюма—рубахи, штаны, чулки, веревка, чѣмъ опоясывался. Однажды, увидѣли, что ихъ нѣтъ, кто-то ихъ укралъ, причемъ не были тронуты открыто лежавшія въ количествѣ нѣсколькихъ рублей деньги. Говорятъ, что украденныя вещи кѣмъ-то увезены за-границу, гдѣ въ то время личностью и судьбой старца Ѳеодора Козьмича очень интересовались. Куда эти вещи дѣлись, неизвѣстно.

«Тайна» Ѳеодора Козьмича.

Отъ старца Ѳеодора Козьмича осталось очень мало письменныхъ свидѣтельствъ, несмотря на то, что онъ много писалъ. Кому писалъ, неизвѣстно, но писалъ одиноко, по ночамъ или рано утромъ, чтобы никто не видалъ.

Самая главная переписка была у него съ гр. Д. Е. Остенъ-Сакеномъ, который послѣ «смерти» Александра I перевелся на югъ Россіи, поближе къ своему имѣнію въ Херсонской губ., точно его самого таинственно влекло на югъ, поближе къ Кіеву и къ Почаеву, несмотря на то, что въ Петербургѣ онъ занималъ весьма видное общественное положеніе.

Гр. Димитрій Ерофеевичъ Остенъ-Сакенъ, какъ и князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, принадлежалъ къ высшему придворному кругу и былъ въ тѣсномъ общеніи съ Александромъ I, еще великимъ княземъ, едва-ли не съ малыхъ лѣтъ. Они всѣ, какъ и Александръ I, были близки къ мистическимъ религіознымъ кружкамъ Петербурга и къ масонамъ. Сближеніе ихъ было основано на ритуалѣ, таинственномъ, на чемъ-то вродѣ сліянія души, но нужно отдать справедливость Александру I; онъ почему-то отдавалъ предпочтеніе въ симпатіяхъ гр. Д. Е. Остенъ-Сакену и былъ съ нимъ въ болѣе тѣсной

интимной душевной связи. Исторія ихъ отношеній еще не обслѣдована и ждетъ своего историка.

Переписка между ними не прекращалась до самой смерти Θеодора Козьмича. Это удостовѣряютъ родственники графа Димитрія Ерофеевича.

Гр. Д. Е. Остенъ-Сакенъ умеръ въ началѣ марта 1881 г. у себя въ имѣніи Пріютъ, Херсонской губ. Для особо секретныхъ бумагъ и документовъ у Д. Е. имѣлась серебряная шкатулка, ключъ отъ которой онъ всегда держалъ у себя, никому не довѣряя.

Такъ какъ послѣ смерти гр. Д. Е. въ имѣніе изъ его родственниковъ никто не пріѣзжалъ, то нѣкоторые предметы были пограблены и, между прочимъ, исчезли всѣ письма и документы, сохранявшіеся въ шкатулкѣ. До сихъ поръ судьба этихъ бумагъ неизвѣстна, и родственникамъ не удается до сихъ поръ ихъ розыскать.

Говорятъ, что бумаги и письма графа Димитрія Ерофеевича были извлечены по приказанію изъ Петербурга и находятся въ архивѣ Кабинета Его Величества.

Великій князь Николай Михаиловичъ въ своей «Легендѣ» [1]) говоритъ, что «сношенія гр. Д. Е. Остенъ-Сакена съ сибирскимъ старцемъ, которыя подтверждаются наслѣдниками, имѣли, вѣроятно, чисто религіозную подкладку, такъ какъ графъ былъ человѣкъ весьма набожный и любилъ сноситься съ лицами духовнаго званія и другими святыми людьми».

Это—съ одной стороны, а съ другой—тѣсная связь между гр. Д. Е. Остенъ-Сакеномъ и сибирскимъ старцемъ Θеодоромъ Козьмичемъ имѣетъ и болѣе глубокія основанія, идущія издалека, иначе не было бы основаній конфисковывать письма гр. Д. Е.

---

[1]) Стр. 38—39.

«Явилось еще другое предположеніе» у великаго князя, что старецъ Θеодоръ Козьмичъ никто иной, какъ незаконнорожденный сынъ Павла I, тогда великаго князя, отъ связи его съ Софьей Степановной Черторижской, урожденной Ушаковой. Сынъ этой Ушаковой получилъ имя Семена, отчество—Афанасьевича, а фамилію—Великаго. Впослѣдствіи С. С. Черторижская вышла замужъ за графа Петра Кирилловича Разумовскаго. Она родилась въ 1746 и умерла въ 1803.

Самъ графъ Д. Е .Остенъ-Сакенъ былъ женатъ на дочери генералъ-маіора И. М. Ушакова отъ брака съ княжной Надеждой Дмитріевной Прозоровской.

Семенъ Афанасьевичъ Великій былъ отданъ въ морскую службу и, служа въ англійскомъ флотѣ для усовершенствованія, умеръ на кораблѣ «Вангардъ» на Антильскихъ островахъ въ 1794 году.

Великій князь предполагаетъ, что старецъ Θеодоръ Козьмичъ могъ быть Семеномъ Великимъ.

Однако, кн. В. В. Барятинскій доказалъ въ своей книгѣ «Царственный мистикъ» [1]), что это сближеніе невозможно ни хронологически, ни по внутреннимъ основаніямъ. Я бы еще добавилъ, что если бы мотивы удаленія изъ міра Александра I у молодого лейтенанта, еще только начинавшаго свою служебную карьеру, и не совпадали по своимъ внутреннимъ основаніямъ, то представляется болѣе страннымъ и загадочнымъ, чѣмъ сама личность старца, легкое и воздушное отождествленіе себя съ Александромъ I со стороны Семена Афанасьевича Великаго. Почему онъ рисовалъ въ с. Зерцалы букву А съ короной и съ голубемъ, летящимъ вдаль, и добавлялъ, что въ этомъ вся его тайна? Почему онъ рисовалъ букву А и съ нею

---

[2]) Кн. В. В. Барятинскій.—Царственный мистикъ, стр. 141—142.

рядомъ I на иконѣ Почаевской Божіей Матери? Почему онъ говорилъ о событіяхъ Александровской эпохи, въ которыхъ, если бы онъ не былъ Ѳеодоромъ Козьмичемъ, онъ не участвовалъ и знать не могъ? Въ какихъ отношеніяхъ Семенъ Великій находился съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, когда, при сравненіи его съ нимъ, онъ возражалъ, что онъ не Константинъ Павловичъ, такъ какъ онъ ниже ростомъ, гнусавъ и имѣетъ носъ короткій», или съ фельдмаршаломъ Кутузовымъ? Почему къ Семену Великому пріѣзжалъ красивый молодой гусаръ съ молодой дамой, весьма похожій на покойнаго наслѣдника великаго князя Николая Александровича, когда между ними, собственно, ни династической, ни родственной связи не было?

Я отрицаю не только возможность сближенія личности Ѳеодора Козьмича и незаконнорожденнаго сына Павла I отъ Ушаковой-Черторижской, но и устанавливаю, что такая попытка въ устахъ великаго князя является не болѣе, какъ гипотезой.

Не слѣдуетъ сближать Ѳеодора Козьмича и Александра I и во что-бы то ни стало объединять ихъ личности, не слѣдуетъ нанизывать звенья, ихъ объединяющія, но слѣдуетъ—и это лучшій историческій пріемъ въ изслѣдованіяхъ даннаго порядка!—примѣнять методъ не отъ противнаго, а отъ положительнаго, доказывая шагъ за шагомъ, что слухи и пересказы о тождествѣ Ѳеодора Козьмича и Александра I не совпадаютъ по времени, противорѣчатъ другъ другу, фантастичны и непріемлемы.

Я считаю, что слухи и пересказы должны быть опровергнуты, если не документально, то путемъ сопоставленія точныхъ хронологическихъ датъ и фактовъ—и только на такомъ фундаментѣ возводить зданіе гипотезъ.

Между тѣмъ, въ семьяхъ Ушаковыхъ чрезвычайно часты были имена—Θеодоръ и Козьмичъ.

На этой маленькой семейной подробности Ушаковыхъ и на томъ, что гр. Д. Е. Остенъ-Сакенъ былъ женатъ на Ушаковой, великій князь Николай Михаиловичъ думаетъ построить связь между графомъ Димитріемъ Ерофеичемъ и Θеодоромъ Козьмичемъ, т. е. пытается установить, что связи ихъ шли по родственнымъ путямъ.

Предположимъ, что это такъ... Но зачѣмъ тогда такая таинственность въ сношеніяхъ Θеодора Козьмича съ окружающимъ міромъ—съ Петербургомъ и съ другими мѣстами? Зачѣмъ говорить, что онъ уже отпѣтъ? Зачѣмъ, вообще, превращеніе его, Семена Великаго, человѣка вполнѣ легальнаго, ни въ чемъ не заподозрѣннаго, на хорошемъ счету у высшей власти и имѣющаго возможность сдѣлать блестящую карьеру, въ нелегальнаго, въ таинственнаго старца да еще съ измѣненіемъ имени и отчества и съ принятіемъ псевдонима? Получается впечатлѣніе, что человѣкъ окружаетъ себя магическимъ кругомъ таинственности, и непонятно, зачѣмъ все это ему нужно...

Я остановился противъ своей воли на этомъ сближеніи двухъ личностей, полагая, что этого не слѣдовало дѣлать такъ подробно, такъ какъ исторія, какъ наука, должна заниматься обсужденіемъ только доказательныхъ построеній и домысловъ. Личность Θеодора Козьмича надо разсматривать въ плоскости, направленной въ сторону жизни, судьбы и личности имп. Александра I. Тутъ любознательный и психологически настроенный историкъ найдетъ богатый обобщающій матеріалъ для своихъ построеній.

Всѣ малѣйшія свѣдѣнія, касающіяся Өеодора Козьмича, были изъяты изъ обладанія соотвѣтствующихъ лицъ и мѣстъ—свѣтскихъ и духовныхъ. К. П. Побѣдоносцевъ запугивалъ бѣлое и черное духовенство своими требованіями никому не сообщать свѣдѣній о Өеодорѣ Козьмичѣ и съ большой публикой на эту тему не разговаривать. Это положеніе тянулось лѣтъ 25—30 отъ 1881 г. до 1904—1905 г.г. Св. Синодъ, въ лицѣ его всесильнаго оберъ-прокурора, явился складочнымъ мѣстомъ всѣхъ матеріаловъ о Өеодорѣ Козьмичѣ. Нѣтъ сомнѣній, что К. П. Побѣдоносцевъ, этотъ новый Аракчеевъ русской исторіи, прекрасно зналъ, кто такой Өеодоръ Козьмичъ.

Такимъ образомъ, тайна Өеодора Козьмича не есть тайна для нѣкоторыхъ лицъ, и изъ живыхъ еще, я думаю, ее хорошо знаетъ нынѣшній Намѣстникъ Кавказскій графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ и еще одно, болѣе высокопоставленное лицо.

Писанія старца Өеодора Козьмича.

Отъ старца Өеодора Козьмича случайно остались:

1) конвертъ съ надписью:

«Милостивому Государю
Семіону Өеофановичу
Хромову.
Отъ Өеодора Козьмича» *).

2) четыре листочка ввидѣ ленты, на которыхъ имѣются изреченія и цѣлыя выраженія, несомнѣнно относящіяся къ личности Өеодора Козьмича, а на одной изъ нихъ его «Т а й н а», написанная чрезвычайно замысловатымъ и еще неразгаданнымъ шифромъ, и

3) копія съ оставленной записи старца Өеодора Козьмича отъ 2-го іюня 1849 года.

*) См. стр. 26.

Я не буду заниматься каллиграфической экспертизой, она не доказательна даже въ судебномъ процессѣ, и удовлетворительныхъ результатовъ не даетъ. Почеркъ человѣка можетъ измѣняться а) отъ настроенія, в) подъ вліяніемъ страстей и с) подъ напоромъ воли, обусловленной извѣстной цѣлью. Человѣкъ можетъ измѣнить буквы и весь почеркъ потому, что это ему надо, и онъ измѣнитъ ихъ такъ, что даже близкіе люди ихъ не узнаютъ.

Все, что касается Ѳеодора Козьмича, надо брать не съ внѣшней, а съ внутренней стороны—со стороны психологіи и логики фактовъ.

Въ этой области можно сдѣлать домыслы, которыхъ не сдѣлали ни великій князь Николай Михаиловичъ, ни Н. К. Шильдеръ, ни кн. В. В. Барятинскій, ни другіе изслѣдователи жизни и личности Ѳеодора Козьмича. Эти домыслы могутъ имѣть характеръ подробностей, но эти подробности не только сами по себѣ любопытны и важны, но и необходимы для того, чтобы уяснить себѣ смыслъ оставшихся послѣ старца свидѣтельствъ.

1-ая записка—лицевая сторона.

«видишили на какое васъ бѣзъ словесие счастие славо изъ нѣсе».

Нѣкоторые изслѣдователи читаютъ: «бѣзъ словесие»—бѣзсловесне, но это неправильное чтеніе, такъ какъ въ этомъ словѣ буква *и* вполнѣ соотвѣствуетъ транскрипціи этой буквы въ другихъ мѣстахъ, да и, кромѣ того, такое чтеніе нисколько не измѣняетъ смысла всей цитаты.

Гораздо интереснѣе указаніе кн. В. В. Барятинскаго [1])

---

[1]) Царственный мистикъ, стр. 145.

на то, что буква «д» въ словѣ—«видишили» написана, какъ французское j (жи). Это совпаденіе транскрипціи русскаго д и французскаго j (жи) характерно и вполнѣ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что во времена Александра I французскій языкъ предпочитался русскому, и потому такое совпаденіе транскрипціи было явленіемъ обычнымъ.

Для меня же это совпаденіе имѣетъ и другое, еще болѣе важное значеніе, о чемъ даже такой тонкій аналитикъ, какъ кн. В. В. Барятинскій, не сказалъ. А именно: человѣкъ, смѣшивавшій русскую букву д съ французскимъ j (жи), несомнѣнно, зналъ французскій языкъ и зналъ его очень хорошо. Это смѣшеніе буквъ произошло у него не механически, а органически, такъ какъ онъ и самъ его не замѣтилъ, несмотря на то, что, можетъ быть, неоднократно перечитывалъ свою запись, не замѣтилъ потому, что этому смѣшенію транскрипціи буквъ не придавалъ значенія, полагая, что русское д пишется, какъ французское j (жи).

Кн. В. В. Барятинскій читаетъ это мѣсто такъ:

— «Видишь-ли на какое молчаніе васъ обрекло ваше счастье и ваше слово (т. е. обѣщаніе)» или «ваша слава».

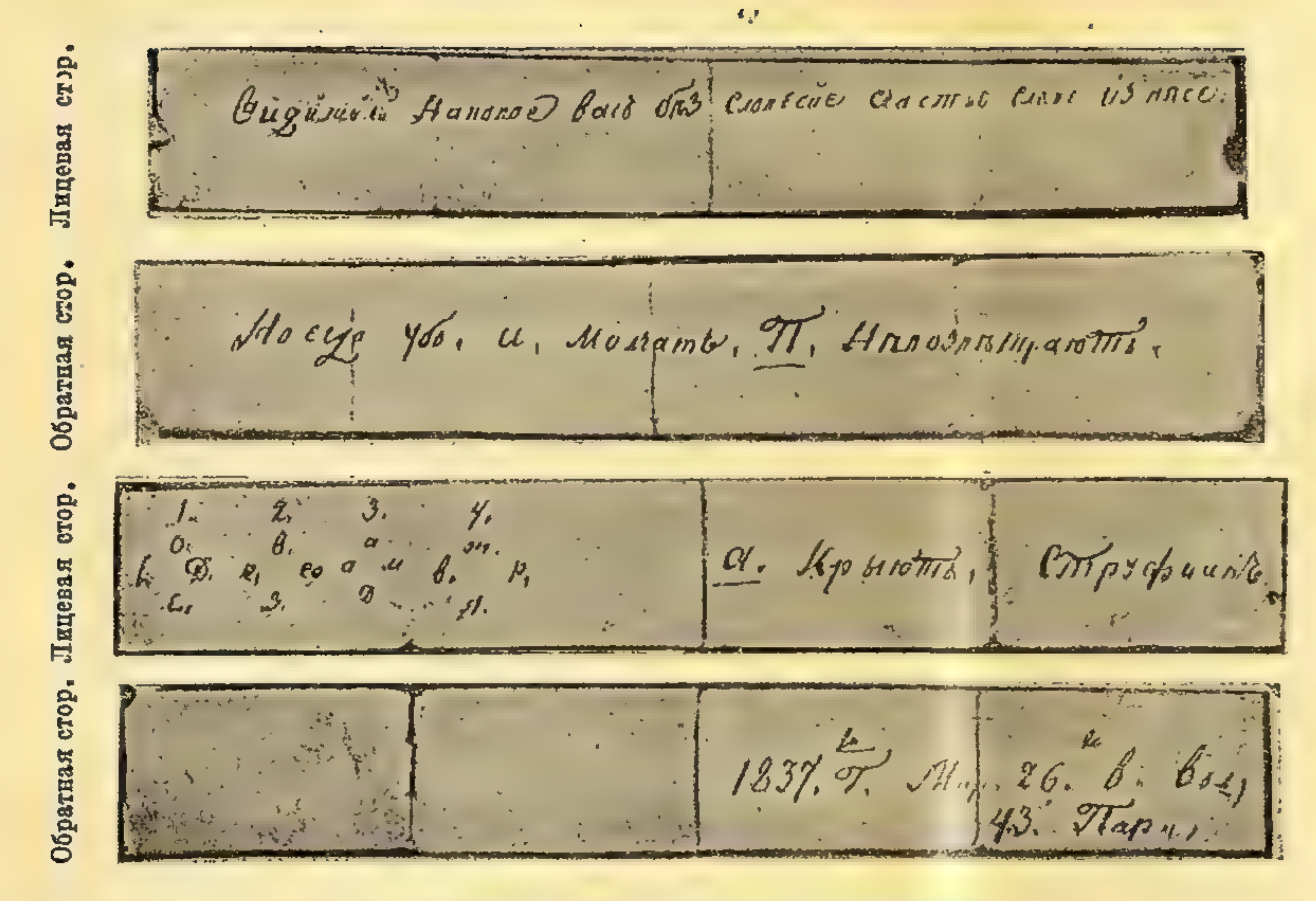
Мое чтеніе по смыслу нѣсколько иное:

— «видишь-ли на какое счастье (и) славу изнесло (вознесло, подняло) васъ безсловесіе»,

т. е.:

«Видишь-ли, на какое счастіе и славу поднялъ васъ обѣтъ безсловесія (молчанія)».

Счастье, о которомъ говоритъ старецъ Өеодоръ Козьмичъ, есть счастье личное, совершенствованіе духа, а слава это есть то уваженіе и почитаніе, которыми онъ окруженъ со стороны людей за свою чистую, праведную жизнь.

«Тайна» ѲЕОДОРА КОЗЬМИЧА.

Христосъ, имя есть — Духъ небесный [illegible] — воплотился [illegible] — отъ Святаго Духа [illegible] — Духъ Божiй. Духъ премудрости — духъ разума — духъ совѣта — духъ крѣпости — духъ познанiя — духъ благочестiя — духъ страха божiя... 1849 г. iюня 24 [illegible]

Копiя съ оставленной записи великаго старца ѲЕОДОРА КОЗЬМИЧА.

Единственно неожиданнымъ представляется обращеніе Ѳеодора Козьмича къ себѣ во множественномъ числѣ— в а с ъ, но будемъ толковать эту запись такъ: старецъ Ѳеодоръ Козьмичъ обращался къ кому-то (скажемъ, къ графу Д. Е. Остенъ-Сакену) съ указаніемъ, какое счастіе и какую славу можетъ принести человѣку обѣтъ молчанія (безсловесіе), и это сказалось на немъ самомъ, на Ѳеодорѣ Козьмичѣ.

На оборотной сторонѣ мы имѣемъ ясную запись:

«Но егда убо, *а*, молчатъ, П, НѣвозвѣщаюТъ».

У кн. В. В. Барятинскаго почему-то *а* малое сдѣлано А большимъ. Это неправильно. Ѳеодоръ Козьмичъ написалъ букву *а* малую и подчеркнулъ ее, что имѣетъ, несомнѣнно, символическое значеніе, а букву *П* написалъ большую и не подчеркнулъ ее.

Въ буквѣ *а* малой надо видѣть самоуничиженіе старца Ѳеодора Козьмича передъ какимъ-то таинственнымъ и важнымъ въ исторіи его жизни человѣкомъ, имя котораго начинается съ буквы *П*.

Будемъ читать букву *а* малую, уничиженную, но подчеркнутую, какъ *а* (А)лександръ, и букву *П* большую, возвышенную, но не подчеркнутую, какъ *П* (авелъ). Только тогда раскроется смыслъ этой записи.

Кн. В. В. Барятинскій, предположительно ставя презумпцію, что Ѳеодоръ Козьмичъ есть Александръ I, читаетъ эту запись такъ:

«Но когда Александры молчатъ, то Павлы не возвѣщаютъ»,

т. е.

«но когда Александръ хранитъ молчаніе, то его не

терзаютъ угрызенія совѣсти относительно Павла» [1]) или «Павлы не говорятъ міру объ его преступленіи».

Мнѣ кажется, что кн. В. В. Барятинскій совершенно правъ относительно смысла этой записи. Добавлю только, что и въ этой записи мы имѣемъ начертаніе русской буквы д, какъ французской j (жи), и незначительные, казалось бы, значки, но имѣющіе у Θеодора Козьмича свое значеніе и свой смыслъ. Думалъ бы, что значки ввидѣ запятыхъ передъ буквами *а* и П указываютъ цифру первый (1).

Если бы Θеодоръ Козьмичъ написалъ а' или еще яснѣе а I и П I, то тайны не было бы, обѣтъ молчанія былъ бы нарушенъ и онъ оказался бы въ коллизіи со своею совѣстью. Но онъ хотѣлъ, тѣмъ не менѣе, дать воздушный, легкій, елеуловимый намекъ потомству на то, кто онъ, и онъ ставитъ значекъ внизъ, который никакъ нельзя считать запятой, а есть, несомнѣнно, I, т. е. первый, въ оригинальной и стремящейся къ таинственности транскрипціи Θеодора Козьмича. При такихъ условіяхъ коллизіи не было—и душа Θеодора Козьмича была вполнѣ спокойна, онъ не переступилъ порога взятаго на себя обѣта молчанія, кто онъ.

Великій князь Николай Михаиловичъ не пожелалъ задуматься надъ этимъ мѣстомъ и просто выбросилъ его изъ поля своего вниманія, но и чтеніе кн. В. В. Барятинскаго не полно. Такъ, кн. В. В. Барятинскій совсѣмъ не переводитъ славянскихъ словъ «егда убо», а, между тѣмъ, они вставлены далеко не спроста.

Мое чтеніе этой записи таково:

«Но итакъ если а, молчатъ, то П, не возвѣщаютъ»,

---

[1]) Царственный мистикъ, стр. 144.

т. е.

«Но итакъ если Александры I молчатъ (берутъ на себя обѣтъ молчанія), то Павлы I не оповѣщаютъ» (о тайнѣ и о причинахъ обѣта молчанія) никого, примиряются и прощаютъ Александровъ I вслѣдствіе того, что они приняли на себя обѣтъ молчанія.

Эта запись старца Θеодора Козьмича автобіографична и является объяснительнымъ матеріаломъ къ его шифру.

Кстати будетъ вспомнить въ этомъ мѣстѣ гипотезу великаго князя Николая Михаиловича о томъ, что старецъ Θеодоръ Козьмичъ могъ быть никто иной, какъ незаконнорожденный сынъ имп. Павла I отъ Ушаковой-Черторижской—Семенъ Афанасьевичъ Великій.

Могъ-ли бы Семенъ Афанасьевичъ Великій писать букву а и букву П, какъ бы связывая ихъ въ какую-то тѣсную, біографическую цѣпь событій,—въ исторіи своей жизни, и, если онъ не маньякъ, желающій отождествить себя съ Александромъ I? Не долженъ ли онъ былъ написать вмѣсто буквы а букву с?! Великій князь не говоритъ, что С. А. Великій былъ маньякъ или сумасшедшій человѣкъ, или новый самозванецъ, желавшій свергнуть могучаго и грознаго Николая I, пожелавшій воспользоваться слухами о мнимой смерти Александра I... Великій князь бросилъ исторической наукѣ въ лицо проблему и дальше въ ея разслѣдованіи не пошелъ, остановившись у порога.

Я утверждаю, что Θеодоръ Козьмичъ не былъ ни самозванцемъ, ни агитаторомъ, ни Стенькой Разинымъ, ни Пугачевымъ, этими дѣйствительно существовавшими историческими лицами, разбойниками-ушкуйниками, желавшими узурпировать престолъ русскихъ государей при помощи взбудораженныхъ народныхъ массъ, а представлялся человѣкомъ мягкимъ, скрытнымъ, стремившимся къ тишинѣ и уединенію, къ посту и молитвѣ, подальше

отъ шума и тревоги, и совершавшимъ свой, глубоко-интимный, душевный подвигъ, наединѣ съ собой и съ Богомъ.

Если же Семенъ Великій, совершающій такой душевный подвигъ, съ такой осторожностью и осмотрительностью, выдаетъ себя не за Семена Великаго, а за Александра I, то какъ должна быть велика и глубока та душевная нечистота, въ которую погрязъ аскетъ, совершающій большой личный подвигъ?! Какъ много лжи во всемъ его поведеніи!

Вообще, гипотеза великаго князя о Семенѣ Великомъ не выдерживаетъ критики, она, я твердо убѣжденъ, только запутываетъ и безъ того сложный историческій вопросъ.

II-ая записка.—Лицевая сторона.

1, 2, 3, 4
о в, а зн а, крыюТя, СТруфианъ.
1 Д н го а м в, р,
С З Д Я

Эта записка написана шифромъ, которымъ, повидимому, переписывался Θеодоръ Козьмичъ съ людьми ему преданными и близкими.

Великій князь говоритъ:

«Несмотря на самые тщательные розыски ключа къ этой запискѣ, до сихъ поръ не удалось еще никому разгадать эту «тайну» или дешифрировать текстъ» [1]).

---

[1]) «Легенда», стр. 11. Впослѣдствіи эта запись была дешифрирована преподавателемъ Имп. театральной школы» Петровымъ. Объ этой дешифрировкѣ я говорилъ въ «Предисловіи». Она меня не удовлетворила. Говорится о какой-то обидѣ, нанесенной будто бы Николаемъ I Θедору Кузьмичу. Смысла въ ней нѣтъ даже послѣ чтенія г. Петрова. Можно сказать, что «тайна» еще не раскрыта и не прочтена. Во всякомъ случаѣ, можно предположить, что едва-ли старецъ, молитвенникъ, аскетъ, осуждалъ бы кого-нибудь. Онъ, по свойству своей психологіи, прощалъ всѣмъ людямъ всѣ обиды, а не жаловался на нихъ другимъ и людей за обиды не осуждалъ.

Кн. В. В. Барятинскій говоритъ:

«Первая половина лицевой стороны второй записки представляетъ изъ себя, конечно, ключъ къ шифру, при помощи котораго Θеодоръ Козьмичъ, вѣроятно, велъ переписку съ какими-то лицами; вторая половина ея «а крыоТя СТруфианъ»—очень загадочна» [1]).

Впереди кн. В. В. Барятинскій говоритъ:

«Интересъ сосредоточенъ, конечно, на «Тайнѣ». Многіе изслѣдователи старались разгадать ее, расшифровать.

Пробовалъ и я, но результатомъ моихъ стараній похвастаться не могу» [2]).

Я лично также много раздумывалъ надъ «тайной», провелъ много безсонныхъ ночей надъ ея разгадкой, примѣрялъ много версій, давалъ много толкованій, вставлялъ много разнаго рода содержаній изъ жизни Александра I и лично Θеодора Козьмича—и пока не получилъ положительнаго результата. Надѣюсь выйти на вѣрный путь, что-то брезжитъ мнѣ впереди...

По моему, кн. В. В. Барятинскій сдѣлалъ невѣрную дешифровку подъ рубрикой 2. Онъ поставилъ буквы к и ео. Между тѣмъ, тамъ мы имѣетъ или букву н или слогъ іе, а вмѣсто ео просто го, такъ что эта рубрика представляется въ такомъ видѣ:

2

в

н (или іе) го

3

Я думаю, что эта записка представляетъ собою автобіографію Θеодора Козьмича въ его сибирскій періодъ, причемъ послѣдній раздѣленъ на четыре крупныхъ мо-

---

1) Царственный мистикъ, стр. 144—145.

2) Ibidem.

мента или какихъ-нибудь характерныхъ въ его жизни факта. Рубрику подъ номеромъ 4:

4
зн
в -р.
Я

я читаю такъ:

внаю
великую радость
Я

При этомъ должно обратить вниманіе на три большія буквы во всѣхъ трехъ періодахъ: О, С и Д.

Я хотѣлъ бы видѣть въ нихъ: Остенъ Сакенъ Димитрій.

Такимъ образомъ, мнѣ предоставляется тѣсная, взаимодѣйствующая связь между 1) личностью Ѳеодора Козьмича, 2) между его «тайной» на запискѣ и 3) между графомъ Димитріемъ Ерофеевичемъ Остенъ-Сакеномъ.

При правильности такого предположенія будетъ ясно, что лицамъ, вершившимъ государственныя дѣла въ царствованіе Александра III,—К. П. Побѣдоносцеву, гр. И. И. Воронцову-Дашкову и др., было чрезвычайно важно имѣть въ своихъ рукахъ всю переписку Ѳеодора Козьмича съ гр. Димитріемъ Ерофеевичемъ, изъ которой можно было все ясно видѣть, и потому эту переписку изъяли потайнымъ образомъ, помимо родственниковъ его, изъ имѣнія Остенъ-Сакеновъ.

Чѣмъ болѣе я вдумываюсь въ загадочную записку Ѳеодора Козьмича, тѣмъ болѣе утверждаюсь въ мысли, что между «тайной» Ѳеодора Козьмича и гр. Д. Е. Остенъ-Сакеномъ имѣется твердая, нерушимая и несомнѣнная связь.

Эта связь еще болѣе установится изъ моего толкованія копіи записи Ѳеодора Козьмича.

Приписка Ѳеодора Козьмича сбоку:

«а, крыютя СТруфианъ»

имѣетъ объяснительное значеніе къ «тайнѣ».

Кн. В. В. Барятинскій толкуетъ это мѣсто такъ:

«Я скрываю тебя, Александръ, какъ страусъ, прячащій голову подъ крыло» [1]).

Ставши на ту позицію, что Ѳеодоръ Козьмичъ есть царь Алесандръ I, отпѣтый при жизни и спасающійся въ міру, я долженъ нѣсколько видоизмѣнить толкованіе.

По моему, это мѣсто надо понимать такъ:

«Я, Александръ, покрываю тебя (точно также, какъ скрываетъ себя) страусъ (прячащій голову подъ крыло), (полагая, что его никто не видитъ)».

Въ этой записи мы имѣемъ раздвоеніе личности—Александра I и Ѳеодора Козьмича. Александръ I, какъ таковой, умеръ и отпѣтъ, Ѳеодоръ Козьмичъ живетъ и совершаетъ личный подвигъ совершенствованія въ міру, среди людей. Александра I нѣтъ, а Ѳеодоръ Козьмичъ есть, и вотъ я, отпѣтый и уже несуществующій въ духѣ Александръ I, все-же, покрываю тебя, живущаго и существующаго Ѳеодора Козьмича, но изъ-за тебя, тѣмъ не менѣе, видно меня, Александра, какъ виденъ струфіанъ—страусъ, несмотря на то, что онъ прячетъ свою голову. Это только заблужденіе самого страуса, который думаетъ, что его никто не видитъ и не узнаетъ его, струфіана. Однако, какъ бы страусъ ни пряталъ свою голову, онъ будетъ, все-таки, узнанъ и раскрытъ, ибо самого себя скрыть нельзя.

То обстоятельство, что эта приписка сдѣлана на той же самой ленточкѣ, на которой написана и самая тайна, указываетъ, что между ними имѣется тѣсная логическая связь, связь автобіографическая и документальная.

---

[1]) Царственный мистикъ, стр. 145.

ческая связь, связь автобіографическая и документальная.

Къ какому времени могла бы быть отнесена эта запись?

Къ тому, когда съ разныхъ сторонъ начали доходить до старца слухи, что его отождествляютъ съ Александромъ I. Ѳеодоръ Козьмичъ увидѣлъ, что скрыться отъ людской догадливости онъ никакъ не можетъ, что его скрываніе похоже на скрываніе страуса отъ настигающаго его охотника, который превосходно видитъ его, несмотря на то, что онъ, страусъ, взялъ и зарылъ свою голову въ хвостъ, но онъ не принялъ въ разсчетъ одного, что онъ оставилъ неприкрытымъ все тѣло.

Затѣмъ хотѣлось бы обратить вниманіе на символическія указанія записки—*а* малое и подчеркнутое с большое въ словѣ СТруфианъ.

Я толкую это такъ:

$$a = c$$

т. е. Александръ равенъ струфіану, похожъ на струфіана, который скрываетъ себя, но котораго, все-таки, люди узнаютъ.

Всякія малыя буквы, подчеркиванія и нажимы пера нужно понимать въ записяхъ Ѳеодора Козьмича, какъ символы, имѣющіе свое значеніе и свою опредѣленную цѣль. Мысль или мысли, выраженныя въ нихъ, сгущены, сконцентрированы и тщательно профильтрованы. Если Ѳеодоръ Козьмичъ былъ чрезвычайно остороженъ и осмотрителенъ въ своихъ словахъ и поступкахъ, то тѣмъ большей осторожностью онъ долженъ былъ вооружиться въ записи, которая представлялась и ему самому важнымъ документомъ, оставляемымъ имъ потомству.

При этомъ это *а* малое и подчеркнутое совершенно

такое же, по внѣшней формѣ написанія буквы, какъ и въ предыдущей записи, гдѣ говорится, что

«*а* ,молчать, П, невозвѣщаютъ».

Оборотная сторона этой ленточи заключаетъ въ себѣ точныя даты появленія старца Ѳеодора Козьмича въ Сибири.

Она такова:

«1837-го Г. Мар. 26-го в „ вол,
43 „ Пар...»

Это значитъ:

«1837-го Года. Марта 26-го воготольская волость.
43-ья Партія».

Все это соотвѣтствуетъ тому, что было съ Ѳеодоромъ Козьмичемъ.

Послѣ наказанія плетьми за бродяжничество въ г. Красноуфимскѣ, Пермской губ., Ѳеодоръ Козьмичъ былъ причисленъ къ Б (в)оготольской волости, Маріинскаго уѣзда, Томской губерніи, и водворенъ для работы по этапу съ 43-ей партіей ссыльныхъ на казенный Краснорѣченскій винокуренный заводъ 26 марта 1837-го года.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сибири букву б въ произношеніи смѣшиваютъ съ буквой в, а потому въ записи старца—«в. вол.» имѣется точное указаніе волости—Воготольская или Боготольская, что одно и то же съ точки зрѣнія сибирскаго произношенія.

То обстоятельство, что эта автобіографическая подробность изъ жизни Ѳеодора Козьмича написана на той же ленточкѣ, гдѣ и его «тайна», свидѣтельствуетъ, что между 1) шифрованной записью, 2) между припиской и 3) этой записью имѣется тѣсная автобіографическая связь.

Этими матеріалами исчерпываются всѣ наши документальныя свѣдѣнія о Ѳеодорѣ Козьмичѣ. Остальныя

находятся въ распоряженіи нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ.

Собственно, въ нихъ и въ перепискѣ гр. Д. Е. Остенъ-Сакена мы могли бы найти не только ключъ, но и всѣ ключи къ распознанію личности старца Ѳеодора Козьмича.

Кромѣ этихъ четырехъ листочковъ, находящихся въ настоящее время въ распоряженіи семьи Хромовыхъ, имѣется у нихъ еще

«Копія съ оставленной записи великаго старца Ѳеодора Козьмича».

Содержаніе ея таково:

«Христосъ има есть.—Духъ Нѣбесный божѣствѣнный—воплотился Очѣловѣчество.—Отъ Святого Духа—бысть помазанну—без' всякиы меры—«сего ради—почиваетъ нанемъ—духъ божій,—духъ прѣмудрости—духъ разума—духъ совета—духъ крепости—духъ познанія—духъ благочестия—духъ страха божия».

1849-го г. июня 24' нынѣ Отпр. пред. цочи—ОД тебѣ».

Великій князь такъ говоритъ о ней:

«Третья же записка представляетъ собою наборъ изреченій изъ священнаго писанія и трудно догадаться, по какому поводу она была написана. Такъ какъ эта записка—копія, а не подлинникъ, то она имѣетъ наименьшее значеніе» [1]).

Кн. В. В. Барятинскій совсѣмъ на ней не останавливается.

Между тѣмъ, она полна глубочайшаго смысла.

Великій князь напрасно откинулъ этотъ документъ, какъ неубѣдительный.

---

[1]) Легенда, стр. 12.

Для тѣхъ, кто хотѣлъ бы видѣть въ Ѳеодорѣ Козьмичѣ Александра I, эта «копія съ записи» даетъ уже не только автобіографическій, но и психологическій матеріалъ.

Почеркъ этой копіи—почеркъ самого Ѳеодора Козьмича.

Мое чтеніе этой «копіи» таково:

«Христосъ има есть.—Духъ небесный, божественный, воплотился.—Очеловѣчествовался.—Отъ Святого Духа—бысть помазанну—безъ всякой мѣры. Сего ради почиваетъ на немъ — духъ божій, — духъ премудрости, — духъ разума,—духъ совѣта—духъ кротости—духъ познанія—духъ благочестія—духъ страха божія.

1849-го г. іюня 24 нынѣ Отпр. пред цочи—ОД
тебѣ».

Этотъ «наборъ изреченій» есть, между тѣмъ, документъ,—пропускъ, данный старцемъ Ѳеодоромъ Козьмичемъ своей воспитанницѣ Александрѣ Никифоровнѣ, когда она отправилась лѣтомъ 1849 года на богомолье въ Россію. Подлинный пропускъ онъ далъ ей на руки, а копію оставилъ у себя, придавая ему большое фактическое значеніе.

«Христосъ има есть» есть пороль, связывавшій старца Ѳеодора Козьмича съ гр. Д. Е. ОстенъСакеномъ. По немъ узнавалось, что записка подлинная и исходитъ отъ самого старца.

Въ этой записи четыре части:

1) о томъ, что «духъ небесный божественный» воплотился и очеловѣчился,

2) о томъ, что отъ святого духа былъ кто-то помазанъ,

3) что только вслѣдствіе этого, «сего ради», былъ «безо всякой мѣры», безо всякаго права на милости безмѣрно одаренъ дарами, такъ какъ только потому, что онъ

былъ помазанъ, на немъ почилъ «духъ божественный небесный» въ разныхъ видахъ, и что

4) онъ проситъ «нынѣ (24 іюня 1849 года) отправить кого-то предъ царскія очи—Остенъ Димитрій тебѣ».

Александра Никифоровна, дѣйствительно, была отправлена на богомолье въ Россію въ іюнѣ 1849 года.

Эта записка была, несомнѣнно, представлена Александрой Никифоровной гр. Димитрію Ерофеевичу Остенъ-Сакену, или, можетъ быть, сначала схимнику Парфенію въ Кіевѣ, который, прочитавъ ее, немедленно направилъ поломницу въ Почаевскую Лавру, гдѣ въ это время была на богомольи графиня Остенъ-Сакенъ, жена Димитрія Ерофеевича.

Получивши такую записку, графиня обласкала Александру Никифоровну и тотчасъ же пригласила къ себѣ въ Кременчугъ погостить. Самъ гр. Димитрій Ерофеевичъ былъ съ нею очень предупредителенъ. Сюда же, спустя нѣкоторое время, пріѣхалъ и имп. Николай I, остановился у Д. Е. Остенъ-Сакена и познакомился съ воспитанницею Θеодора Козьмича, пригласивши ее къ себѣ въ Петербургъ.

Совпаденіе датъ—іюня 1849 года, когда Александра Никифоровна выѣхала на богомолье въ Россію съ словесными напутствіями, съ письменными маршрутами и со свѣдѣніями о лицахъ, у которыхъ должна была остановиться Александра Никифоровна, приводитъ къ несомнѣнному выводу, что эта «копія съ записи» ничто иное, какъ пропускъ, данный ей Θеодоромъ Козьмичемъ. Вообще, онъ ей точно выписалъ маршрутъ изъ Томска въ Россію, всѣ тѣ монастыри, гдѣ она должна была остановиться, и лицъ, которыя должны были ей оказать содѣйствіе.

Въ виду же того, что Александра Никифоровна вы-

разила твердое и категорическое желаніе видѣть царя, Θеодоръ Козьмичъ ей таинственно отвѣтилъ:

— Погоди! можетъ быть, и не одного царя на своемъ вѣку увидать придется, Богъ дастъ, и разговаривать съ нимъ будешь.

Приписка внизу, спеціально сдѣланная Θеодоромъ Козьмичемъ для гр. Димитрія Ерофеевича Остенъ-Сакена, и имѣла ввиду дать возможность Александрѣ Никифоровнѣ видѣть Николая I и поговорить съ нимъ.

Было бы, конечно, неосторожно со стороны Θеодора Козьмича прямо сказать своей воспитанницѣ-крестьянкѣ, что она увидитъ царя. Онъ ей объ этомъ сказалъ обинякомъ, издали. Но могъ ли разсчитывать самъ Θеодоръ Козьмичъ, даже если онъ Александръ I, на то, будетъ ли свободенъ вѣчно занятый и погруженный въ сложную и кипучую государственную работу Николай I, чтобы ѣхать на свиданіе съ его воспитанницей въ Кременчугъ?

Дѣло все въ томъ, что Θеодоръ Козьмичъ на это и не разсчитывалъ. Онъ только просилъ гр. Димитрія Ерофеевича отправить ее «предъ царскія очи» въ Петербургъ. Отъ схимника Парфенія или вслѣдствіе точной инструкціи, данной Θеодоромъ Козьмичемъ, Александра Никифоровна разыскала въ Почаевской Лаврѣ графиню Остенъ-Сакенъ. Графиня Остенъ-Сакенъ—дама весьма высокопоставленная и почтенная, а Александра Никифоровна — простая крестьянская дѣвушка, странница и богомолица. Какія у нея могли быть права быть принятой и обласканной такой важной дамой? Что между ними общаго? Конечно, ровно ничего, но Александра Никифоровна ѣхала въ Кіевъ, а изъ Кіева въ Почаевъ, уже зная напередъ отъ старца Θеодора Козьмича фамилію графовъ Остенъ-Сакенъ. Она не имѣла представленія, что они очень важные въ общественномъ отношеніи люди,

она знала только, что должна увидѣть въ Почаевѣ какую-то графиню Остенъ-Сакенъ и передать ей собственноручную записку старца Ѳеодора Козьмича.

Въ виду же того, что Николай I, занятый государственными дѣлами, могъ не имѣть для поѣздки на свиданіе съ Александрой Никифоровной времени, то Ѳеодоръ Козьмичъ дѣлаетъ таинственную приписку—

«нынѣ отправь предъ царскія очи»,

чего Александра Никифоровна, конечно, была не въ состояньи расшифровать. Очевидно, предстояло ѣхать въ Петербургъ.

Между тѣмъ, вышло такъ, что Николай I самъ пріѣхалъ къ Остенъ-Сакену въ Кременчугъ, такъ какъ въ это время онъ былъ на смотрахъ войска въ Тамбовѣ, и увидѣлъ Александру Никифоровну. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что гр. Д. Е. Остенъ-Сакенъ предупредилъ имп. Николая I о пріѣздѣ къ нему вѣстницы отъ Ѳеодора Козьмича, его воспитанницы. Тогда Николай I самъ поспѣшилъ пріѣхать въ Кременчугъ, безо всякой внѣшней причины, даже войскъ не осматривалъ.

Александра Никифоровна представлялась не простой странницей, а духовной дочерью старца, лелѣявшей его догорающую старость. Она была при немъ больше 12 лѣтъ. Она видѣла и знала остатки его чистой, аскетической жизни.

Интересъ къ ней у Николая I, человѣка, любившаго всякія эксцентричности, былъ острый, дразнящій. Любопытство было разожжено, и онъ самъ поспѣшилъ въ Кременчугъ.

Ѳеодоръ Козьмичъ втеченіи всего своего старчества никому не давалъ записокъ-пропусковъ, и это былъ первый случай. Значитъ, онъ самъ придавалъ ему особенное значеніе. Имп. Николай I такъ это и понялъ.

Александра Никифоровна оказалась живою, органическою связью между старцемъ Өеодоромъ Козьмичемъ, жившимъ въ дебряхъ Сибири, куда обычно ссылали преступниковъ, и императоромъ Николаемъ I.

При этомъ и самому Николаю I необходимо было оберечь тайну отъ самой Александры Никифоровны, чтобы она не могла сдѣлать какого-нибудь особеннаго и нежелательнаго вывода изо всего, что она видѣла, и изъ его пріѣзда къ Остенъ-Сакенамъ, и потому онъ былъ внѣшне строгъ и отъ основной темы объ ея странствованіяхъ по святымъ мѣстамъ не уклонялся, понемногу суживая объемъ темы и приближаясь къ жизни Өеодора Козьмича, которая, собственно, его только и интересовала, такъ, чтобы этого не замѣтила сама Александра Никифоровна.

Александра Никифоровна отвѣчала Николаю I бойко и не стѣсняясь, по-крестьянски, такъ, какъ она привыкла говорить съ Өеодоромъ Козьмичемъ.

Тогда Николай I, долго и внимательно слушавшій странницу, обратился къ гр. Д. Е. Остенъ-Сакену и сказалъ:

— Вотъ какая къ тебѣ смѣлая гостья пріѣхала!

Обращеніе Николая I, само по себѣ, по своему настроенію, по внутреннему тону, чрезвычайно добродушное и благожелательное.

Александра Никифоровна на это отвѣтила:

— А что же мнѣ бояться?! Со мной Богъ, да святыми молитвами великій старецъ Өеодоръ Козьмичъ, а вы всѣ такіе добрые: ишь какъ меня угощаете!

Графъ Д. Е. улыбнулся непосредственности этой крестьянской дѣвушки, а имп. Николай I немного насупился.

Почему Николай I насупился?

Да потому, что Николай I могъ подумать, что Александрѣ Никифоровнѣ извѣстно, кто такой Өеодоръ Козь-

мичъ; онъ могъ подумать, что эта крестьянская дѣвушка держитъ въ своемъ сердцѣ тайну династіи, представителемъ которой является онъ, и что она, быть можетъ, то радушіе и ласку, которыми ее окружили въ Кременчугѣ, понимаетъ, какъ слѣдствіе отношеній къ ней старца Ѳеодора Козьмича, словомъ, Николай I подумалъ, не знаетъ-ли эта странница, вѣстница съ того міра, тайны его когда-то вѣнценоснаго брата—и онъ насупился.

Черезъ нѣсколько времени онъ убѣдился, что она ничего не знаетъ, и потому, покидая Кременчугъ, приказалъ гр. Д. Е. Остенъ-Сакену дать ей записку-пропускъ на случай, если бы она поѣхала въ Петербургъ, а ей самой сказалъ:

— Если будешь въ Петербургѣ, заходи во дворецъ, покажи ту записку и нигдѣ тебя не задержутъ,—разсказала бы мнѣ о своихъ странствованіяхъ. Если будетъ тебѣ въ чемъ нужда, обратись ко мнѣ, я тебя не забуду.

Неужели же Николая I, императора Всея Россіи, такъ ужъ могли интересовать странствованія какой-то сибирской крестьянской дѣвушки?! Не подлежитъ сомнѣнію, что не она интересовала его, а тотъ, кто ее послалъ. Притомъ, принимая во вниманіе строго реальный, чуждый религіознаго фанатизма и идеализаціи православной вѣры, какъ таковой, монашества и монаховъ, умъ Николая I не могъ бы интересоваться Ѳеодоромъ Козьмичемъ, какъ аскетомъ-подвижникомъ, а интересовался онъ имъ въ совершенно иномъ смыслѣ.

Такимъ образомъ, я устанавливаю тѣсную связь между этой «копіей съ записи» и поѣздкой любимой воспитанницы Ѳеодора Козьмича въ Россію на богомолье.

Но въ самой записи имѣются очень интересныя подробности. Ѳеодоръ Козьмичъ говоритъ о «помазаніи» (кого?), о томъ, что кто-то «бысть помазанну» отъ святого духа.

Между тѣмъ, помазанниками Божьими въ Россіи именуются только цари. Өеодоръ Козьмичъ говоритъ, что вслѣдствіе только этого акта помазанія Божія на немъ почиваетъ благодать духа Божія, духа премудрости, разума, совѣта, крѣпости, познанія, благочестія и страха Божія, но эта благодать почиваетъ на немъ «безъ всякой мѣры», т. е., безъ всякаго основанія, такъ сказать, механически, только въ силу того, что онъ «бысть помазанну».

Өеодоръ Козьмичъ какъ бы говоритъ, что это на немъ почиваетъ благодать Божія только въ силу помазанничества, но что самъ по себѣ онъ этой благодати совершенно не достоинъ и что всѣ виды благодати, данной ему «духомъ небеснымъ, бежественнымъ, воплотившимся и очеловѣчившимся, у него теперь объединены въ одну благодать «страха Божія».

Вообще, слова «бысть помазанну» автобіографичны. При этомъ лица нѣтъ, неизвѣстно, о комъ говоритъ Өеодоръ Козьмичъ, что кто-то «былъ помазанъ». Несомнѣнно лишь одно: онъ говоритъ о человѣкѣ, который могъ быть помазанъ, т. е. о царѣ. Кто этотъ «помазанникъ Божій»?

Не будетъ ни натяжки, ни смѣлости, если расшифрировать это мѣсто такъ:

«Отъ святого духа онъ (*я*) былъ помазанну безъ всякой мѣры. Сего ради почиваетъ на немъ (на мнѣ) духъ Божій и т. д.».

Такимъ образомъ, эти два слова и то, что Өеодоръ Козьмичъ оставилъ у себя копію этой записки вмѣстѣ съ другими записочками, гдѣ имѣется его «тайна», и что онъ берегъ ихъ въ мѣшечкѣ, повѣшенномъ въ изголовьи его кровати, показываетъ, что при толкованіи нѣкоторыхъ сторонъ личности Өеодора Козьмича эта «копія съ за-

писи» должна имѣть большое руководящее значеніе и непремѣнно должна быть принята во вниманіе, какъ біографическій документъ первостепенной важности.

Нельзя не признать, что такой изслѣдователь личности Ѳеодора Козьмича, какъ великій князь Николай Михаиловичъ, напрасно пренебрегъ этой «копіей съ записи», не удостоивъ ее своего благожелательнаго вниманія и сказавши о ней, что это—«наборъ изреченій изъ священнаго писанія». Его блестящій талантъ историка, его острый, проницательный умъ и тонкое умѣніе быстро схватывать суть дѣла должны были подсказать ему, что эта записка—документъ первостепенной важности.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Я кончилъ историческую часть. Я привелъ тѣ данныя и свѣдѣнія, которыми располагаетъ въ настоящій моментъ наша исторія. Первая часть моего изслѣдованія съ критикой оффиціальныхъ и оффиціозныхъ матеріаловъ является фундаментомъ для второй исторической части.

Психологія и логика событій должны играть роль рефлектора, освѣщающаго темныя мѣста, должны войти въ методъ изслѣдованія.

Для моей души нѣтъ болѣе сомнѣній, кого надо разумѣть подъ Ѳеодоромъ Козьмичемъ. Его образъ и истину о немъ я вынесъ съ мучительной болью въ своей душѣ втеченіи многихъ лѣтъ.

Ѳеодоръ Козьмичъ совершилъ одинъ изъ величайшихъ личныхъ подвиговъ, бросивъ бремя власти и великолѣпіе жизни и промѣнявъ ее на власяницу. Онъ искупилъ свой первородный грѣхъ. Онъ предпочелъ тяжкое и жестокое бремя аскетической, подвижнической жизни въ постѣ,

бдѣніи и молитвѣ жизни въ роскоши, въ лѣни и въ вѣчныхъ угрызеніяхъ совѣсти.

Онъ умеръ бѣднымъ, но не одинокимъ. Пытливое вниманіе русскаго человѣка все болѣе и болѣе поражается трагедіей его сложной, двойственной и постоянно тревожной жизни. Быть наверху земной власти, «бысть помазанну» и быть вмѣстѣ съ тѣмъ соучастникомъ убійства своего царственнаго отца. Надъ такими людьми нѣтъ земного суда, они внѣ дѣйствія земныхъ законовъ, они—сами себѣ законъ. Надъ такими людьми есть только судъ Божій или свой собственный, какъ преддвѣріе Божьяго суда... Свой собственный судъ требовалъ очищенія отъ грѣха здѣсь, на землѣ, черезъ постъ, бдѣніе и молитву, пока не поздно, передъ тѣмъ, какъ отправиться на другой, высшій, Божій судъ.

Ѳеодоръ Козьмичъ не могъ быть похороненъ рядомъ съ тѣмъ, въ убійствѣ котораго онъ морально участвовалъ, въ одной усыпальницѣ, онъ былъ слишкомъ тонко чувствующимъ и богобоязненнымъ человѣкомъ, «камни завопіяли» бы, и потому онъ повелъ свою жизнь такъ, чтобы быть похороненнымъ очень далеко, въ глухой сторонѣ Сибири, очищеннымъ и духовно преображеннымъ.

Чуткій русскій народъ, въ коллективной душѣ котораго лежитъ вѣра въ таинственныя силы природы и Бога, тонко чувствуетъ трагедію русскаго царя. Интеллигенція знаетъ, въ чемъ заключается эта трагедія, но народъ, въ своихъ низахъ, не знаетъ. Онъ только мучительно страстно хочетъ, чтобы Богъ простилъ своему царю какой-то его грѣхъ. Онъ интересуется легендой о немъ, онъ хочетъ сдѣлать его святымъ, уничижоннымъ, униженнымъ, во власяницѣ, послѣ роскоши и славы, послѣ величія и блеска. Быть можетъ, русскій народъ глубоко неправъ въ своихъ мистическихъ ожиданіяхъ и въ выводахъ, быть

можетъ, онъ и исторически ошибается, но онъ ошибается честно и искренно. Онъ любитъ своего незадачливаго царя, жалѣетъ его, думаетъ о немъ и ищетъ путей, чтобы спасти его отъ гнѣва Господня.

Чуткая русская совѣсть знаетъ одинъ путь спасенія—религію. Черезъ нее она хочетъ провести своего избранника, хочетъ заставить его молиться, каяться, очистить душу, совершить душевный подвигъ.

Русскій народъ безсознательно полюбилъ легенду о таинственномъ исчезновеніи царя и ведетъ своего избранника по пути къ кононизаціи во святые. Это—высочайшая форма уваженія и любви русскаго народа къ тому, кого онъ избираетъ предметомъ своего уваженія и любви.

Правъ-ли русскій народъ?

Возможно, что неправъ, но должно всегда помнить, что всякій народъ создаетъ себѣ идеалъ такого царя или такой власти, который соотвѣтствуетъ его психологіи и высотѣ его умственнаго развитія. Русскій народъ создалъ себѣ идеалъ царя кающагося, богобоязненнаго, униженнаго, битаго кнутами, какъ и онъ самъ, народъ русскій, мудраго, аскетическаго, подающаго вѣрные житейскіе совѣты и спасшаго себя отъ грѣхопаденія, царя—святого.

Живучесть легенды о Ѳеодорѣ Козьмичѣ покоится на идеалѣ русскаго народа о царѣ, очищенномъ постомъ, молитвой, бдѣніемъ и требованіями подвижничества и аскетизма. Онъ любитъ въ царѣ честность и искренность, благодать духа Божія. Такова идеализація. Ее не разрушить тѣмъ, кто не любитъ, не понимаетъ и не чувствуетъ души русскаго народа и не въ состояніи ни оцѣнить, ни полюбить, ни пожалѣть того, кого они избираютъ героями своего любовнаго вниманія. Безъ любви къ людямъ, въ одномъ лишь эгоизмѣ нѣтъ писателей, нѣтъ истины и нѣтъ исторіи.

Поэтому, много трогательности, много желанія у истомившагося въ духѣ русскаго народа очистить душу Александра отъ первороднаго грѣха, и потому-то онъ такъ страстно вѣритъ и, вѣроятно, долго будетъ вѣрить въ то, что старецъ Өеодоръ Козьмичъ, умершій въ Томскѣ въ январѣ 1864 года, былъ никто иной, какъ Императоръ Александръ I.

